ХРОНИКА ВОЙНЫ

В ТЕНИ СВАСТИКИ

ЖИЗНЬ В ГЕРМАНИИ ПРИ НАЦИСТАХ 1933—1945

Мэтью Селигман • Джон Дэвисон • Джон Макдональд

В ТЕНИ СВАСТИКИ

М. Селигман, Д. Дэвисон, Д. Макдональд

Мэтью Селигман
Джон Дэвисон
Джон Макдональд

В ТЕНИ СВАСТИКИ

ЖИЗНЬ В ГЕРМАНИИ ПРИ НАЦИСТАХ, 1933—1945

Matthew Seligmann
John Davison
John McDonald

IN THE SHADOW OF THE SWASTIKA

LIFE IN GERMANY UNDER THE NAZIS 1933—1945

Мэтью Селигман
Джон Дэвисон
Джон Макдональд

В ТЕНИ СВАСТИКИ

ЖИЗНЬ В ГЕРМАНИИ ПРИ НАЦИСТАХ, 1933—1945

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ

ББК 63.3(0)32
С29

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление художника
И.А. Озерова

Селигман М., Дэвисон Д., Макдональд Д.
С29 В тени свастики: жизнь в Германии при нацистах, 1933–1945 / Пер. с англ. Н.И. Лисовой. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. – 222 с.

ISBN 978-5-9524-3782-1

Эпохальный труд знаменитых британских историков посвящен анализу политической программы, активно внедряемой нацистами на территории Германии в период с 1933 по 1945 год. Весьма подробно описана работа мощного политического механизма, породившего концентрационные лагеря для инакомыслящих, новый демографический курс и тенденции в сферах промышленности и сельского хозяйства, «фор[illegible]» понятие немецкого «экономического чуда» 1930-х годов. Опровергая неизбежность прихода к власти Гитлера, авторы без прикрас и патриотического лоска отражают все ужасы нацистского режима, обернувшегося сокрушительным поражением.

ББК 63.3(0).32

Copyright © 2007 The Brown Reference Group plc.
© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2008
© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2008

ISBN 978-5-9524-3782-1

Содержание

Введение. Как возникла нацистская Германия 6
Глава 1. Полицейское государство нацистов 10
Глава 2. Сопротивление 26
Глава 3. Культура и пропаганда 44
Глава 4. Молодые немцы и молодежная политика нацистов 58
Глава 5. Женщины 74
Глава 6. Городская и сельская жизнь 88
Глава 7. Спорт 106
Глава 8. Занятость 124
Глава 9. Национальные меньшинства и геноцид 142
Глава 10. Армия и военная служба 158
Глава 11. Политика и лишения военного времени 176
Глава 12. Частная жизнь 192
Глоссарий 216

Введение

Как возникла нацистская Германия

Не было ничего неизбежного в том, что НСДАП стала в Германии правящей партией; напротив, в 1920-х гг. нацисты потерпели на выборах целую серию неудач. Однако обстоятельства — и экономические и политические — сложились так, что Гитлера буквально подтолкнули к власти.

Подъем к власти Адольфа Гитлера и нацистской партии никак нельзя назвать исторически неизбежным. Скорее наоборот, мало что в истории германского национал-социалистического движения позволяло предположить, что его последователям уготовано возвышение. На протяжении большей части 1920-х гг. Национал-социалистическая рабочая партия Германии (НСДАП) не пользовалась особой популярностью и представляла собой всего лишь небольшую крайне правую экстремистскую организацию с сомнительной репутацией. Ее лидером был ничем не выдающийся австрийский дилетант от политики, не сумевший поступить в художественную школу Венской академии искусств и прославившийся в основном тем, что был осужден по уголовной статье за организацию в ноябре 1923 г. неудачной попытки государственного переворота — так называемого «пивного путча». Все это определенно отводило нацистам место на обочине большой политики. На протяжении всех 1920-х гг. они получали на выборах очень небольшую долю голосов избирателей: в мае 1924 г. — 6,6%; в декабре того же года — всего 3%; в мае 1928 г. — жалкие 2,6%. Даже самые успешные для нацистов выборы в мае 1924 г. дали им лишь 32 из 472 мест в германском парламенте, рейхстаге. На последующих выборах это число упало до 14,

Внизу: Адольф Гитлер (*в центре*), лидер нацистов, на партийном съезде в Нюрнберге, январь 1923 г. Слева от Гитлера стоит яростный антисемит Юлиус Штрайхер (лысый)

Вверху: Гитлер (*сидит, в центре*) разговаривает с Францем фон Папеном (*сидит, справа*) в день своего назначения канцлером Германии — 30 января 1933 г. Справа от Гитлера сидит Герман Геринг

а затем до 12. Несмотря на мрачные, казалось бы, перспективы, в январе 1933 г. Гитлер стал канцлером германского рейха. Что же произошло?

Экономический коллапс, последовавший за биржевым крахом на Уолл-стрит в октябре 1929 г., перевернул и полностью изменил германскую политику. Экономика страны шла к катастрофе, миллионы рабочих оказались на улице, их семьи лишились средств к существованию. Репутации основных политических партий, приложивших руку к управлению Германией и в определенной мере ответственных за ситуацию, резко упали. Зато поддержку неожиданно получили те партии, которые никогда не входили в правительство и не были запятнаны своей причастностью к недугам германской экономики. Избиратели, которые прежде никогда не подумали бы голосовать за экстремистов, решили довериться тем партиям, которые громко заявляли о том, что отчаянное время требует радикальных решений. Одной из таких групп оказалась нацистская партия, и число отданных за нее голосов многократно умножилось. После 810 тысяч голосов в 1928 г. нацисты получили в 1930 г. потрясающие воображение 6,4 миллиона. Партия внезапно получила в рейхстаге 107 мест, а после июльских выборов 1932 г., когда за НСДАП отдали свои голоса 13,7 миллиона избирателей, ее представительство в парламенте выросло до 230 членов.

Тем не менее невозможно объяснить приход Гитлера к власти одним только биржевым крахом, несмотря на все его драматические последствия. Описанные выше успехи на выборах сами по себе не отдали бы нацистам власть над Германией. 230 мест в парламенте, полученные ими, представляли лишь 37,3% голосов и были совершенно недостаточны для получения действенного большинства в рейхстаге. К тому же именно в это время депрессия в стране понемногу пошла на убыль, и избирательная удача начала покидать нацистов. Уже через три месяца, в ноябре 1932 г., партия потеряла 2 миллиона голосов и получила

Слева: возле здания нью-йоркской фондовой биржи во время краха 1929 г. собирались целые толпы людей. В Германии американские инвесторы начали требовать возвращения кредитов, сумма которых к 1929 г. достигла почти 15 миллиардов марок. Результатом стало разорение предприятий и массовая безработица, которые обеспечили радикальным идеям нацистской партии дополнительную поддержку

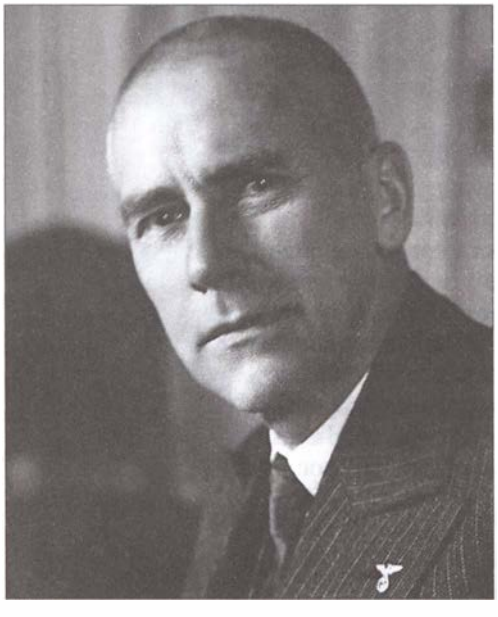
лишь 196 мест в парламенте. Многие обозреватели того времени, видя происходящее, считали, что влиянию нацистской партии приходит конец и что ее успех был явлением временным. Но в этот момент в игру вступил второй фактор.

Таким фактором оказалась политическая стратегия, которую избрали для себя остальные партии правого крыла и их лидеры. Особенно серьезную роль сыграли действия и махинации Франца фон Папена. Этот ни на что, как всем было известно, не пригодный и крайне неумный аристократ-католик приобрел известность во время Первой мировой войны — будучи германским военным атташе в Вашингтоне, он был выдворен из США за подделку паспорта и подрывную деятельность. Приложив таким образом за морем руку к падению Германии, фон Папен затем решил поспособствовать гибели страны изнутри. В 1932 г. он был назначен канцлером и стал руководителем одного из самых неэффективных и недолговечных правительств. Несмотря на послужной список, состоявший исключительно из многочисленных серьезных провалов, фон Папен умуд-

рился втереться в доверие к престарелому президенту Германии Паулю фон Гинденбургу. Собравшись с теми невеликими мыслями, что имелись в его распоряжении, фон Папен решил употребить свое влияние и сформировать в Германии новую политику — а для этого назначить канцлером Гитлера. Задача оказалась непростой. Весь 1932 г. фон Гинденбург, презиравший Гитлера, упрямо отказывался назначать канцлером человека, которого пренебрежительно называл «богемским капралом». К несчастью, фон Папену удалось все же уговорить президента поступить вопреки здравому смыслу. Он не переставая твердил, что нацистов необходимо включить в правительство. Их 196 мест в рейхстаге, говорил он фон Гинденбургу, можно использовать для того, чтобы обеспечить германским правым реальное большинство в парламенте, а значит, и реальную власть. Он убедил президента в том, что нацистов, как часть коалиционного правительства, можно будет держать под контролем. Он считал, что доминировать в парламенте будут остальные правые партии. Под давлением этих аргументов Гинденбург сдался; в результате в январе 1933 г. Гитлер принял присягу как канцлер коалиционного правого правительства.

Оказавшись у власти, Гитлер очень быстро опроверг все утверждения фон Папена о том, что остальные партии смогут контролировать нацистов. В новом коалиционном кабинете было всего три нациста — Гитлер, Герман Геринг и Вильгельм Фрик, но этого оказалось достаточно, чтобы национал-социалисты взяли власть. Особую роль сыграл тот факт, что в новом правительстве нацисты контролировали не только имперское министерство внутренних дел, но и министерство внутренних дел Пруссии, крупнейшей из германских земель. Это дало им власть над полицией — а значит, возможность преследовать врагов нацизма, легализовать уличный террор и действия личной армии Гитлера, штурмовых отрядов СА. Эти средства позволили быстро вытеснить левые партии с улиц, а затем и стереть их с лица земли. Затем, обеспечив принятие нужного закона через покорный теперь парламент, Гитлер получил для себя чрезвычайные полномочия и возможность управлять единолично при помощи декретов. Теперь лидер нацистов смог расправиться и с бывшими союзниками. В июле 1933 г., всего через шесть месяцев после назначения на пост канцлера, Гитлер запретил все партии, кроме НСДАП. Начиная с этого момента Германия жила в тени свастики. В 12 главах этой книги мы попробуем разобрать, что, собственно, это означало для немецкого народа.

Вверху: члены нацистской полувоенной организации СА, которых в 1933 г. насчитывалось 2 миллиона, боролись с левыми и запугивали избирателей во время национальных и местных выборов



Слева: Вильгельм Фрик, гитлеровский министр внутренних дел, был первый раз избран в рейхстаг в мае 1924 г. Пост министра он занимал до 1943 г., затем его сменил Гиммлер. После Второй мировой войны Фрик был осужден в Нюрнберге и повешен в 1946 г.

Глава 1

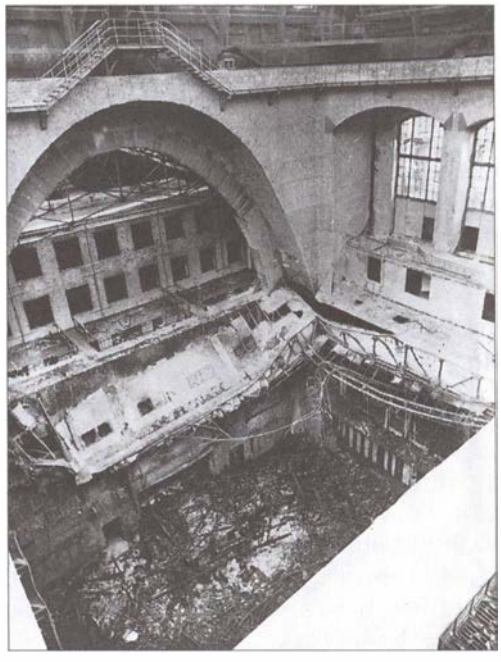
Полицейское государство нацистов

Пытаясь создать некую «народную общность», нацисты использовали для подавления всех форм оппозиции закон и полицию. Результатом стало полицейское государство, в котором покорность населения гарантировали произвольные аресты и узаконенные зверства.

Джордж Оруэлл в свое время сравнил фашизм с тяжелым башмаком, который снова и снова опускается на человеческое лицо. Это знаменитое сравнение рождает перед мысленным взором живую и очень страшную картину, но верно ли оно? Создает ли у читателя правильное представление о том, каким было полицейское государство, возникшее в Германии после 1933 г.?

Конечно, в суматохе первых месяцев после так называемого захвата власти в январе 1933 г. нацистские активисты из СА, или штурмовики в коричневых рубашках, действовали с особенной жестокостью и не боялись, что государство применит против них силу закона. Георг Глазер, романист, вспоминал, что после объявления Гитлера канцлером «в пригородных лесах начали находить мертвые тела, и никто не смел сказать, что знает что-нибудь об этом. Люди беззвучно исчезали, а их лучшие друзья не осмеливались спросить, куда они делись. На них обращали меньше внимания, чем на каждодневные дорожные происшествия, лишь изредка возникал... шум, ужасный слух».

Нападения нацистов стоили жизни 80 членам прежнего рейхстага; еще 160 его членов, включая двух бывших канцлеров — Йозефа Вирта и Генриха Брюннинга, бежавших из Германии, — оказались в изгнании. Еще один бывший канцлер, генерал Шлейхер, остался в стране и был позже убит. В феврале 1933 г., после пожара в Рейхстаге, нацисты в правительстве инициировали такие изменения в законодательстве, что со временем все подлинные свободы оказались подавлены. Первым шагом в искусственно раздутой после пожара истерии стал декрет президента страны «О защите народа и государства» от 28 февраля 1933 г. Декрет этот законодательно отменил права, гарантированные Веймарской конституцией — хотя в период постепенно наползающего авторитаризма, в 1930—1933 гг., они и так повсеместно нарушались. Этот декрет положил конец свободе собраний и мнений — а заодно узаконил перлюстра-



Слева: внутренние помещения Рейхстага после поджога 27 февраля 1933 г. Нацисты воспользовались пожаром, чтобы ввести чрезвычайные меры, такие как декрет президента Германии «О защите народа и государства»

цию почтовых отправлений и прослушивание телефонных разговоров, разрешил обыски и задержание на неопределенный срок без всякого ордера.

В ситуации узаконенного чрезвычайного положения произвольные аресты, проводимые полицией, СА или нарождающимися подразделениями СС, или охранными отрядами, имели своей целью не столько поддержание законности и порядка, сколько подавление политической оппозиции, особенно коммунистов, которых нацисты так ненавидели. Новые хозяева получили возможность рассчитаться со старыми долгами и отомстить за прежние обиды; они ополчились не только на социалистов, католиков и коммунистов, но и, к примеру, на «Свидетелей Иеговы».

Рождение полицейского государства

Так хаотически и на первый взгляд спонтанно зарождалось нацистское полицейское государство, которое позже постепенно было формализовано и заключено в рамки. Полицейский террор и произвол, как доказывал не так давно автор Майкл Берли, настолько выходил за рамки законности, что создавал в жизни людей «критический отрыв от самых фундаментальных свойств свободного общества» и вообще от ценностей

Слева: боевики СА в Кунсхавене наказывают женщину за связь с евреем — подвергают оскорблениям и заставляют носить плакат соответствующего содержания. Вообще, с приходом нацистов к власти преследования евреев усилились

цивилизации — из чего и проистекают все последующие зверства нацистов, как военные, так и мирного времени.

Итак, возникают два основных вопроса, на которые мы пытаемся ответить в этой главе: каким образом был обойден закон? и какие именно организации осуществляли нарождающийся нацистский террор?

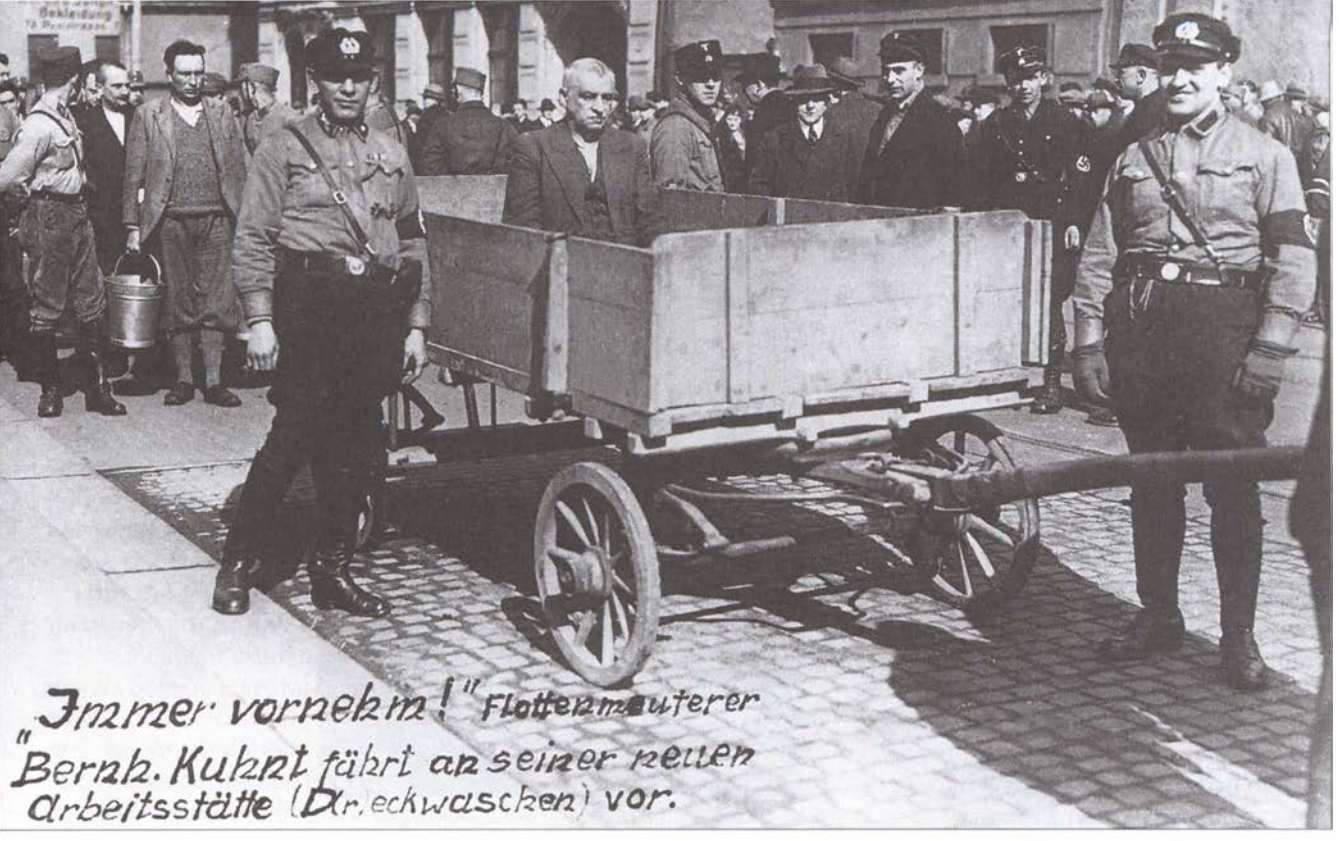
Внизу: члены СС во время тренировки. Эта организация была сформирована в 1925 г. как небольшой отряд для охраны Гитлера во время публичных выступлений, но к 1933 г. насчитывала 52 тысячи человек. Отряды СС представляли расовую и идеологическую элиту нацистской партии

Слева: разгромленная синагога после «хрустальной ночи», ноябрь 1938 г. В целом в ходе погромов было сожжено или повреждено более тысячи синагог, разграблено около 7500 еврейских бизнесов, убит 91 еврей

Попранный закон

Поначалу, придя к власти, нацисты не думали ни о комплексной законодательной реформе, ни о новом кодексе законов — ведь это могло только помешать всем тем, кто хотел без ограничений пользоваться новообретенной властью и могуществом. Для реализации идеи Гитлера о том, что руководством к действию должна быть исключительно его воля, кодексы законов определенно не годились; поэтому существующие законы были ниспровергнуты, а для легитимизации любых желаемых действий выпускались декреты. Доходило даже до того, что декреты выпускались и применялись задним числом — чтобы оправдать в глазах закона уже произведенные незаконные действия. Показательным примером подобной практики может послужить тот факт, что декретом от 3 июля 1934 г. Гитлер узаконил убийство руководителей СА и других жертв «ночи длинных ножей» (30 июня 1934 г.). Приказ об устранении неугодных он, разумеется, сам же и отдал.

Гитлер и его партия пытались претворить в жизнь свои цели — добиться расовой чистоты, национального единства и создания «народной общности». Эти цели, бесспорно, были утопичны — реализовать их означало бы создать идеальный мир. Цель, как известно, оправдывает средства, поэтому немыслимо было даже предположить, что достижению этих высоких целей могут помешать какие-то технические препятствия вроде устаревших законов. Кроме того, воля Гитлера, выраженная в его политике, превыше всяких законов. Стремление к цели без оглядки на закон породило множество жестких обязывающих декретов. С 1933 по 1939 г. число преступлений, караемых смертью, выросло с 3 до более чем 40. К этому списку быстро прибавились преступления, к которым питал отвращение лично Гитлер, в том числе похищение детей и использование ложных полицейских постов при ограблении водителей на престижных новых шоссе-автобанах. Увеличилось не только число преступлений, за которые полагалась смерть, выросло и количест-



Вверху: в первые годы объектом террора в нацистской Германии были не только евреи, но и коммунисты. На этом фото боевики СА и СС увозят из Кемница местного коммуниста

во реальных казней. В Веймарской республике с 1919 по 1932 г. был приговорен к смерти 1141 человек, а казнено 184. При нацистах с 1933 по 1939 г. было казнено более 80% всех приговоренных к смерти (документы об их точном количестве не сохранились). Разделение судебной и исполнительной властей было забыто, и в конце концов власти прямо заявили, что некое гипотетическое «общественное благо» превыше прав личности — особенно если эта личность считается расово неполноценной: еврей или цыган принадлежит к группе порочной в глазах общества; или по физическому или душевному здоровью недостойна быть членом строящегося национального общества: антисоциальный элемент, гомосексуалист или тунеядец тоже.

Закон 1933 г., направленный против «опасных рецидивистов», разрешал дальнейшее содержание преступника под стражей после истечения срока приговора, если он будет признан постоянно опасным для пресловутой мифической «народной общности». Этот момент можно проиллюстрировать отрывком из циркуляра, датированного 5 августа 1937 г. и разосланного шефом гестапо Генрихом Мюллером:

«Превентивное лишение свободы «Свидетелей Иеговы»:

Если получена информация об освобождении в ближайшее время из-под ареста свидетеля Иеговы... перевод в концентрационный лагерь может быть проведен сразу после окончания срока заключения. Если перевод свидетеля Иеговы в концентрационный лагерь сразу после истечения срока приговора невозможен, его следует и дальше содержать в тюрьме».

Следовало учесть, что некоторые судьи и суды сохранились с прежних, более либеральных времен и представляли собой некоторое препятствие. Одним из способов обойти такое препятствие было создание особых судов для разбора чрезвычайных случаев — а имея в виду увлечение Гитлера и его режима дарвиновской борьбой за существование (утверждалось, что в человеческом обществе сильный неизбежно утверждает свое физическое и культурное превосходство над слабым, то есть «выживает достойнейший») и постоянные войны, чрезвычайную ситуацию всегда можно было отыскать. К 1938 г. было создано более 70 особых судов; многие из них пытались

привести народ к полному единомыслию — преследовали в судебном порядке тех, кто был достаточно глуп, чтобы сплетничать, или достаточно неосторожен, чтобы высказывать свое мнение вслух. Состояние опьянения не могло служить оправданием, в чем и убедился на собственном опыте один дюссельдорфский докер, получивший 18 месяцев тюрьмы за то, что назвал Гитлера «бродягой» и «мешком дерьма».

Слева: силовики однопартийного государства (*справа налево*): Эрнст Рём, глава СА; Генрих Гиммлер, глава СС; Курт Далюге, назначенный в 1936 г. главой полиции Германии

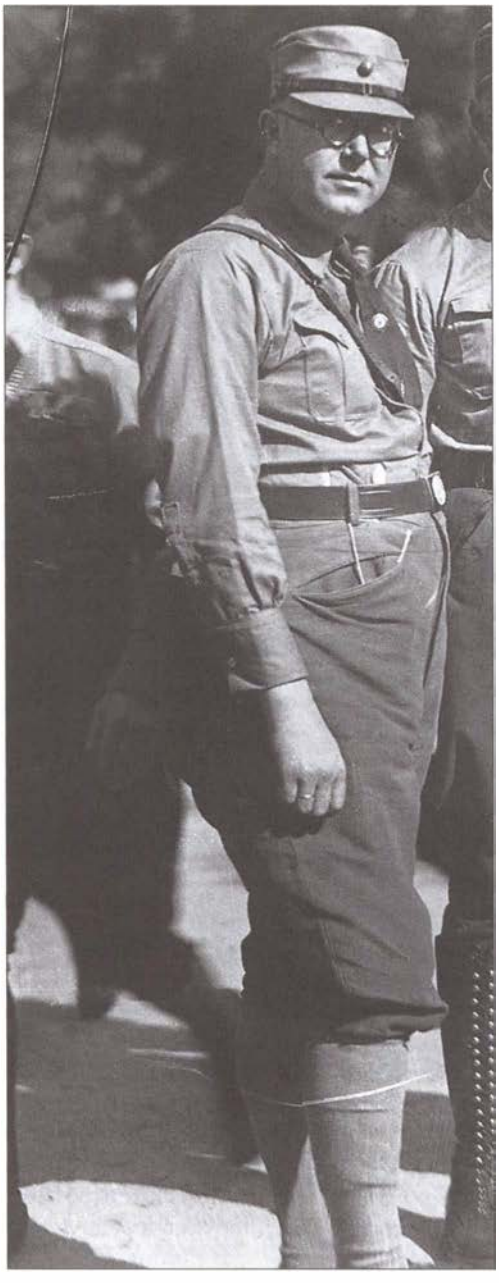
Полицейское давление

Нацистский режим как репрессивное полицейское государство прочно ассоциируется с эсэсовцем в черной рубашке. Но это было позже, когда СС заняли лидирующее положение среди силовых ведомств империи; а в самом начале трудно было разглядеть символ террора в этих крохотных группках людей, которые в 1925 г. отделились от более крупного объединения — СА. В 1929 г. рейхсфюрером, национальным лидером, СС стал Генрих Гиммлер; к моменту прихода Гитлера к власти в 1933 г. он превратил СС из группы в 280 человек в крупную организацию, насчитывавшую 52 тысячи членов. К 1939 г. — к началу войны — их насчитывалось уже 250 тысяч. Несмотря на численный рост, СС по-прежнему рассматривались как элитные отряды, и родословные всех их членов проверялись вплоть до XVIII в. Чтобы исключить наличие родственников-евреев, тщательно исследовались все семейные связи. Гиммлера интересовала расовая

Внизу: полицейское государство в действии: гестаповец (*в центре, с бумагами в руках*) проводит выборочную проверку документов перед одним из берлинских кафе, начало 1938 г.

принадлежность не только самих эсэсовцев, но и их потенциальных брачных партнеров. Как лидер СС, Гиммлер был чрезвычайно озабочен идеологической корректностью членов своей организации. В 1939 г. он стал имперским комиссаром по консолидации германской нации — а СС, в свою очередь, стержнем формирования и реализации расовой и переселенческой политики нацистов в Восточной Европе, кульминацией которой стало так называемое «окончательное решение еврейского вопроса» — массовое уничтожение евреев (см. главу 9).

Внутри СС возникла еще одна организация — СД, или служба безопасности, тайная полиция партии, направленная на борьбу с врагами нацизма. После 1934 г., когда нацисты стали ведущей силой однопартийного государства, СД были подчинены все партийные секретные и разведывательные службы. Эта организация, руководимая Рейнхардом Гейдрихом, считалась подлинным интеллектуальным и идеологическим ядром нацистского движения, его мозговым центром.



Слева: Грегор Штрассер, один из нацистских лидеров, убитых в «ночь длинных ножей» в июне 1934 г. Для оправдания этих незаконных действий нацисты выпустили специальные декреты и применили их задним числом

Полицейские силы

До 1933 г. германская полиция (так называемая «обычная полиция») была децентрализованной и подчинялась земельным властям — к примеру, баварским на юге, прусским на севере. Одной из самых примечательных особенностей зарождающегося полицейского государства стал тот факт, что огромное большинство полицейских чинов сохранили работу и без труда приспособились к новому режиму, к его политике «закона и порядка». В 1934 г. к Гитлеру поступил доклад, где говорилось, что в Пруссии 98% рядовых полицейских и более 90% офицеров полиции получили разрешение остаться на своих должностях. Точно так же перемены слабо затронули и детективов из криминальной полиции (крипо, составная часть СС) — более 11 500 человек по всей стране сохранили работу. Если число детективов в крипо с 1933 по 1935 г. сократилось, то только потому, что часть из них перевели в гестапо (на тот момент тайная государственная полиция Пруссии), где тоже требовалась их профессиональная квалификация. Строго говоря, такой перевод был скорее повышением, чем наказанием. Судя по всему, в большинстве своем полицейские были рады работать на режим, который не только заявлял, что борется с преступностью, но и давал, казалось, полицейским возможность действовать так, как они считали нужным.

Генрих Гиммлер сначала получил пост главы баварской полиции, а в 1934 г. стал руководителем гестапо. В июне 1936 г. к списку его должностей добавилась еще одна — Гитлер назначил его шефом всех полицейских служб Германии с очевидной задачей нацификации полиции. Давно ожидаемая реорганизация началась в 1938 г. с создания РСХА, Главного управления имперской безопасности, и закончилась в 1939 г. Теперь Гитлер контролировал все полицейские силы и силы обеспечения безопасности в Германии.

Итак, теперь в стране существовало единое высшее полицейское руководство под началом непосредственно Гиммлера и в конечном итоге Гитлера; полицейские власти не подчинялись больше никому, а это означало, что безопасность государства слилась с безопасностью партии и обеспечением той и другой теперь занимались одни и те же люди. Вследствие этого любой эсэсовец мог в определенных обстоятельствах действовать как традиционный полицейский. В этом качестве он вполне мог заслужить уважение и почтение обычного законопослушного гражданина. В других обстоятельствах этот же эсэсовец превращался в ничем не связанного исполнителя воли Гиммлера (точнее, фюрера); он действовал вне закона и таким образом, что порождал в людях страх и ужас. Эсэсовцы принимали особую присягу на верность — не Германии, а лично Гитлеру:

«Клянемся тебе, Адольф Гитлер, как фюреру и канцлеру германского рейха, быть верными и храбрыми. Мы обещаем тебе и назначенным тобой руководителям повиновение до смерти. Да поможет нам Бог».

Таким образом Гитлер получил силовой инструмент, способный действовать вне рамок и ограничений традиционной структуры управления; со временем инструмент этот находил все более широкое применение как в Германии, так и — особенно — на завоеванных после 1939 г. территориях.

Вверху: члены «Лейбштандарта» (телохранители Гитлера) в черной униформе. Все эсэсовцы приносили Гитлеру, и только Гитлеру личную клятву верности, что делало их исполнителями воли фюрера, не связанными никакими законами

Концентрационные лагеря

Одной из самых важных и характеризующих функций СС стала организация новой для Германии системы концентрационных лагерей и поддержание работы этой системы. Первый лагерь был организован в пригороде Дахау в марте 1933 г. Первыми жертвами жестокого режима и обитателями лагеря стали политические противники нацистов, в первую очередь коммунисты и социалисты. В полицейских документах официально зафиксирован арест в Пруссии в марте и апреле 1933 г. приблизительно 25 тысяч человек, причем в это число не входят «дикие аресты» политических оппонентов, проводившиеся силами СА и СС. К 31 июля 1933 г. по всей империи под превентивным арестом находилось 26 789 человек. К марту 1935 г. в концентрационных лагерях с центром в Дахау находилось от 7 до 9 тысяч заключенных, немного по меркам более поздних времен. Но эти цифры можно было

произвольно увеличивать, как, к примеру, произошло утром 10 ноября 1938 г. после «хрустальной ночи»; в ту ночь подверглись нападению еврейские предприятия и синагоги по всей стране. Тогда Гейдрих (заместитель Гиммлера) приказал арестовать 30 тысяч здоровых мужчин-евреев; примерно двум сотням из них суждено было умереть. В докладе говорилось: «События последних нескольких дней увеличили число заключенных с 24 тысяч (в лагерях) до примерно 60 тысяч». Большинство этих людей быстро покинули лагеря: по документам известно, что в момент начала войны в сентябре 1939 г. заключенных там было примерно 25 тысяч. По сравнению с военным временем, когда население концлагерей многократно выросло, эта цифра кажется крошечной.

И все же сеть концлагерей росла: Заксенхаузен — 1936 г., Бухенвальд — 1937 г., Флоссенбург — 1938 г., число и состав узников постоянно расширялись. Кроме того, в 1938 г. был создан Маутхаузен, предназначенный для новой волны политических и расовых врагов из недавно аннексированной Австрии. Этот лагерь располагался рядом с карьером, где добывали камень и мрамор; узники, которых СС использовали как настоящих рабов, добывали сырье для грандиозных планов Гитлера по перестройке германских городов в соответствии с величием Тысячелетнего рейха. Гитлер часто и подолгу рассматривал планы и модели перестройки Линца, своего родного города, а в это время истощенные узники умирали от непосильного труда. От их крови разбухали кошельки строительных подрядчиков от СС, продававших мрамор государственным предприятиям.

Жизнь в лагере

Германские концентрационные лагеря стали символом плохого обращения и ничем не оправданной жестокости по отношению к заключенным. К каким бы двусмысленностям и самообману ни прибегали руководители лагерей и их верховный босс Гиммлер — так, в 1939 г. он сказал: «Концентрационный лагерь, разумеется, жесткая и суровая мера», — придуманы они были для того, чтобы изолировать людей и сломить их волю. Режим в лагерях представлял собой смесь дозволенной жесткости и тотального контроля.

По прибытии у заключенных отнимали все имущество, брили головы и каждому назначали номер. Деперсонализация заходила еще дальше — к ним относились не как к людям, а как к представителям одной из категорий: уголовники, цыгане, политические, гомосексуалисты, «Свидетели Иеговы», антисоциальные элементы, евреи. Каждой категории соответствовал свой цвет.

Вверху: одна из ранних фотографий концентрационного лагеря Заксенхаузен в 34 км к северо-западу от Берлина. Из 200 тысяч заключенных, попавших в этот лагерь, 100 тысяч умерли от болезней, наказаний и непосильного труда

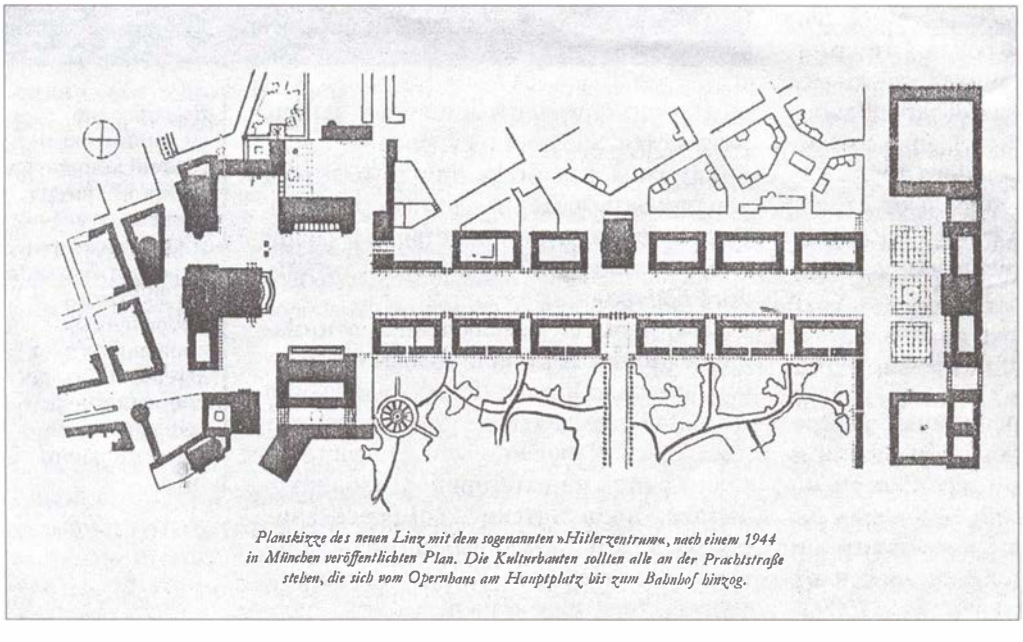
В лагерный распорядок входили как целенаправленный труд, работа в карьере, так и бессмысленная деятельность, которая еще больше выматывала и без того уставших и вечно голодных узников. К этому добавлялся постоянный страх — его порождали непредсказуемые переклички и обыски, произвольная жестокость охранников, избиения и расстрелы, не говоря уже о садистских играх. Так, охранники лагеря Маутхаузен называли своих узников «парашютистами» и сбрасывали их с кромки карьера вниз — зачем и почему, могла бы объяснить только их больная психика.

Разумеется, заключение в лагере отражалось не только на самих узниках, но и на их родных и друзьях. К примеру, фрау Винкленер получила известие о смерти мужа в Дахау и поехала с одним из друзей в лагерь, чтобы увидеть покойного.

«На следующее утро в 6 часов мы стояли уже у ворот лагеря и просили впустить нас. У нас проверили документы и заперли в комнате ожидания. Оттуда было видно, как обитатели лагеря строятся на утреннюю поверку. Позже мы увидели, как они вышли за ворота на работу. Нам пришлось ждать четыре часа. Затем нас провели через плац к крохотному домику. Дверь была открыта. На подставке стоял гроб; в нем на слое опилок лежал герр Винкленер с открытым ртом. Фрау Винкленер хотела дотронуться до него. «Руки прочь!» — прикрикнул на нее эсэсовец. [Мы] спросили, от чего он умер. «Нарушение кровообращения — посещение окончено», — прозвучал исчерпывающий лаконичный ответ».

Как и в обычной тюремной системе, одновременно с которой существовала система концлагерей, освобождение за-

Вверху: поверка узников в концентрационном лагере Заксенхаузен, 1936 г. Обратите внимание на треугольные нашивки на робах. По ним можно было определить категорию заключенного — гомосексуалист это, антисоциальный элемент или политический заключенный



Planskizze des neuen Linz mit dem sogenannten »Hitlerzentrum«, nach einem 1944 in München veröffentlichten Plan. Die Kulturbauten sollten alle an der Prachtstraße stehen, die sich vom Opernhaus am Hauptplatz bis zum Bahnhof hinzog.

Слева: план Гитлера по перестройке Линца, его родного города, в Австрии. Строительные материалы для подобных проектов зачастую добывались непосильным трудом узников концлагерей, которых эсэсовцы загоняли насмерть

ключенного (предполагая, конечно, что ему удалось выжить), как правило, обставлялось дополнительными условиями. Скажем, распространение ложной, точнее, правдивой информации о пережитом могло привести к повторному аресту и так называемому «превентивному заключению».

Гражданам Германии непросто было получить достоверную информацию о концлагерях. Слухов было много, они подпитывались враждебной критикой зарубежной прессы и других средств массовой информации, но и нацистское правительство не забывало публиковать свою информацию в местной прессе, выпускать отчеты и показывать тщательно отредактированные фотографии и фильмы о «подлинных» условиях жизни в лагере. При этом многие немцы считали лагеря подходящим наказанием — конечно, там несладко, но ведь эти люди наверняка попали туда заслуженно. Кроме того, сами лагеря служили сдерживающим фактором для потенциальных критиков режима: в Германии, как в любом полицейском государстве, свободные разговоры не поощрялись.

Из всего вышесказанного видно, что число полицейских организаций в Германии за период правления нацистов значительно выросло; права личности потеряли всякий смысл. Чтобы реализовать свои планы, нацистам необходимо было получить полный контроль над населением Германии. В результате возникла классическая картина диктатуры и полицейского государства.

Поддержка нацистов

Однако некоторые авторы оспаривают все вышеизложенные факты и утверждают, что уровень террора и насилия в Германии того времени сильно преувеличен. Одно из ведущих мест среди таких авторов занимает канадский историк Роберт Геллатели. В своих работах о гестапо, а затем и в книге «Поддерживавшие Гитлера» Геллатели подчеркивает степень народной поддержки, которой пользовался режим вследствие экономического подъема и падающей безработицы вкупе с растущими успехами на международной арене, в результате которых нацистское правительство сбросило с себя ограничения, наложенные Версальским договором — мирным соглашением, ознаменовавшим окончание Первой мировой войны. Нацисты восстановили воинскую повинность, создали мощные военно-воздушные и военно-морские силы, проложив тем самым путь к ремилитаризации Рейнской области в 1936 г. и к аншлюсу Австрии в марте 1938 г. — еще до того, как волна военных побед 1939 и 1940 гг. вызвала в стране националистический угар. Отмечая степень популярности Гитлера и нацистского режима в целом, Геллатели

Вверху: обитатели концлагеря Заксенхаузен добывают глину для кирпичей. Все узники должны были работать; те, кто был не в состоянии работать, умирали от голода. Даже те, кто не голодал, нередко умирали от переутомления

подчеркивает: «Нацистское правительство Германии пришло к власти конституционным путем, даже если многие его последующие действия были жесткими и жестокими, к тому же незаконными, и население всецело поддерживало его». Геллатели говорит о том, что большинство людей воспринимало жесткий режим и суровые наказания как норму. «Мерой согласия людей с действиями правительства, — утверждает он, — может служить количество обычных граждан, которые доносили в гестапо на своих соседей».

Гестапо

Агентов гестапо было гораздо меньше, чем позволяет предположить их легендарная вездесущность. Геллатели утверждает, что на всю Германию в 1944 г. их приходилось всего около 32 тысяч. Чтобы с такой тщательностью наблюдать за почти 80 миллионами человек, гестапо, пишет он, в значительной степени вынуждено было полагаться на доносы. Возможно, некоторыми из доносивших действительно двигал идеологический энтузиазм, но мотивы многих других были гораздо более личными. Соседи или знакомые могли написать в гестапо, чтобы пожаловаться на сексуальное поведение соседки, предположительное лесбиянство, еврейское происхождение или симпатии к евреям; нередко доносили из мести. Геллатели указывает: «Характерной чертой Третьего рейха... было то, что режим без труда находил поддержку со стороны обычных граждан».

Готовность населения сотрудничать с режимом и доносить не только произвела опустошающее действие на германское сопротивление (см. главу 3); в более общем смысле именно она помогла нацистам реализовать свои идеологические цели и заставить механизм диктатуры работать. В какой-то степени это утверждение Геллатели имеет смысл; оно помогает избежать излишнего упрощения в вопросах диктатуры и террора. Тем не менее этот автор все же преувеличивает степень сотрудничества; немцы в большинстве своем не были в тот момент ни активными сторонниками режима, ни, пока, его противниками. Большинство людей, по всей видимости, просто двигались по пути приспособления к обстановке, избежать которого в обыч-

Внизу: германские вооруженные силы проходят парадом через Вену во время аншлюса Австрии в марте 1938 г. Мирное объединение с другим немецкоговорящим народом встретило широкую поддержку по всей Германии

ной жизни почти невозможно. Люди занимались поисками работы, пищи, жилья, подходящего партнера для брака и более безопасного будущего в стране, где не было ни оппозиционных партий, ни трибуны, с которой можно было бы высказать свое недовольство. Единственным общественным мнением стала официальная нацистская точка зрения; те же нацисты информировали население о концентрационных лагерях и превентивном заключении. Только отчаянно храбрый или неисправимо упрямый человек мог в такой обстановке не держать голову пониже, а нос по ветру, по крайней мере внешне! Поэтому, глядя со стороны, очень легко преувеличить степень поддержки режима и недооценить уровень самосохранения, который демонстрировали граждане Германии. Репрессии и угрозы были всегда рядом и работали безотказно.

Получить более личное и непосредственное представление о том, что означало жить в полицейском государстве, можно из сохранившихся дневниковых записей граждан той Германии. Бернт Энгельман из Дюссельдорфа описывает, как услышал о пытках от Гедвиги, бывшей служанки в доме его семьи. Ее мужа Фрица арестовали двумя неделями раньше, когда он выходил из дома на работу:

Вверху страницы: германская артиллерия проходит по улицам Кельна, 1930-е гг. Восстановление воинской повинности и перевооружение сделали нацистов очень популярными в народе
Вверху: на этом пропагандистском снимке 1930-х гг. офицер СС раздает обитателям лагеря сигареты

«Сперва они втиснули его в железный ящик. Он пробыл там в тесноте 12 часов, до позднего вечера. Затем они вернулись и допросили его. Вначале загоняли ему заостренные спицы под ногти...» Она продолжала рассказывать, а я почувствовал такую тошноту, что вынужден был бежать в туалет. После этого Гедвига часто приходила к нам. Один раз она только что получила письмо от мужа, который теперь находился в концентрационном лагере в Эмсланде. Он писал, что у него все хорошо, насколько может быть в таких обстоятельствах. Моя мать быстро собрала для него посылку, которую Гедвига должна была отправить по почте... Через год Фрица выпустили. Он сумел даже снова найти работу и в одно из первых воскресений после возвращения зашел к нам просто поздороваться и поблагодарить. Зная, что бывшим заключенным концлагерей не позволяют рассказывать о пережитом, мы не расспрашивали. «Ты заметил, — спросила моя мать сразу после его ухода, — что он полностью поседел?»

Виктор Клемперер и Луиза Ринзер — два гражданина Германии, которые в разное время подвергались превентивному аресту. Оба вели дневники, обоим повезло пережить нацистский период; после войны их тюремные записки были изданы.

Виктор Клемперер, профессор романистики Дрезденского университета, вел дневник с 1933 по 1945 г., то есть в течение всего периода нацистского прав-

ления; в дневнике он очень подробно излагал свои мысли и описывал повседневную жизнь (см. главу 12). В 1941 г. он был арестован за случайную небрежность — плохо задернул на окне штору затемнения; сосед написал донос, и Клемперер отсидел в камере восемь суток. При помощи спрятанного при аресте карандаша он вел записи, а после освобождения перенес их в свой дневник. Описание нескольких дней заключения заняло у него около 25 страниц. Вот кое-что из происходившего в камере № 89 с 23 июня по 1 июля 1941 г.:

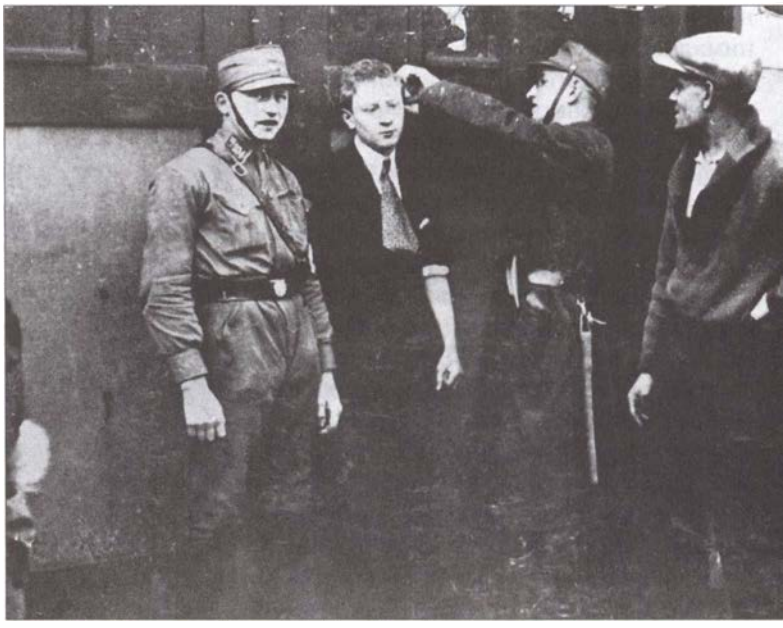
«Нигде, нигде даже среди евреев неизвестно было случая заключения в тюрьму за первое нарушение затемнения; говорили, что сейчас обычный штраф составляет 50 м [марок], возможно, для неарийцев его сделают намного больше; деньги нужны, тюрьмы переполнены. Мое прошение было отклонено.

Мне было очень обидно; ведь этим, несомненно, я обязан исключительно букве J [Jew — еврей] на своем удостоверении личности. Полицейское заключение — не тюрьма, полицейские не отличаются жестокостью, как гестапо. Как мог я знать заранее, что такое тюрьма, что такое камера? Только в ту секунду, когда дверь за мною захлопнулась, я понял это и испытал смутный страх. В эту секунду восемь дней превратились в 192 часа — 192 пустых бесконечных часа в клетке».

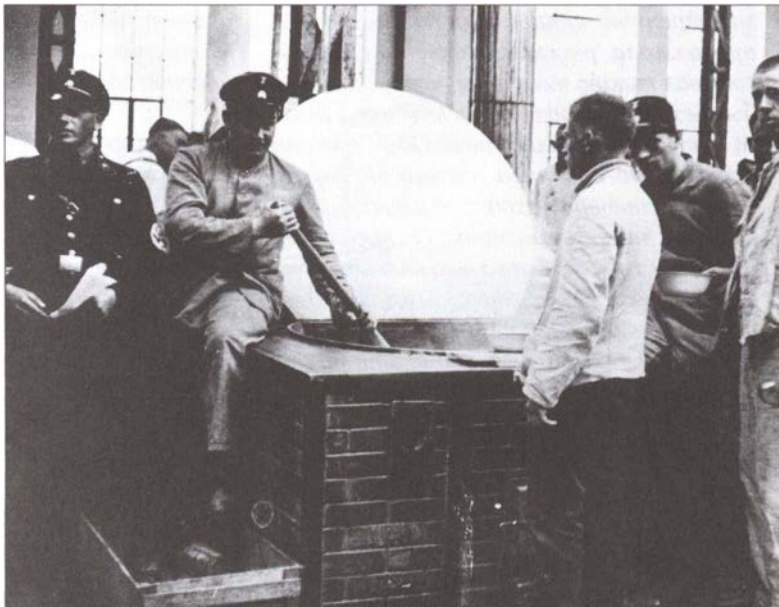
Поскольку заключение Клемперера совпало с вторжением Германии в Советский Союз, в камеру иногда доносилась бравурная патриотическая музыка. В одну из таких минут он подумал: «Внезапно я испугался, что окончательная победа может достаться Гитлеру, а вместе с ней и постоянная власть». Но в конце концов его выпустили: «Жена ждала меня».

Второй рассказ, еще более зловещий, принадлежит перу Луизы Ринзер, родившейся в 1911 г. в Баварии. Вдова с двумя детьми, по профессии она была писательницей; ее первый роман был опубликован в том году, к которому относится приведенный отрывок из записок Клемперера. Позже Ринзер попала под подозрение, и гестапо установило за ней слежку. В 1944 г. на нее донесла женщина, которую она считала своим другом. Результатом доноса стало обвинение в государственной измене; ей грозил смертный приговор, и только окончательное поражение Германии помешало его вынести. В тюрьме в ожидании приговора она вела дневник, который был опубликован вскоре после войны, в 1946 г. Ринзер сказала тогда:

«Я публикую свой тюремный дневник. Я делаю это не потому, что моя личная судьба представляется мне настолько



Вверху: у человека не было никакой защиты против нацистского террора — члены СА издеваются над коммунистом



Внизу: кухни Дахау. Даже мелкий донос мог привести к заключению в концлагерь

значительной. Я всего лишь одна из многих тысяч. Но именно потому, что я одна из тысяч, считаю для себя возможным опубликовать эту книгу. Она не рассказывает ни о чем чрезвычайном, ни о чем, что могло бы сравниться со страданиями тех, кто был в концлагерях».

Ринзер была арестована в 1944 г.; 3 ноября того же года она писала:

«Со вчерашнего дня я нахожусь не в одиночной камере, а с четырьмя другими. Быть вот так, вместе с другими, лучше, чем одной: когда приходится трудно, не чувствуешь себя настолько одинокой. Во всем остальном хуже... ночью они пользуются ведром четыре или пять раз, очень шумно, у одной из них понос, от другой дурно пахнет; одна хочет, чтобы ночью окно было открыто, у другой ревматизм, ей нужно, чтобы оно было плотно закрыто. Все еще не бьют. Снаружи уже выпал снег... Ночью я едва могу спать от холода. Кашель и боль в почках невыносимы».

Почему она оказалась в тюрьме? Началось все с того, что она дала сигарет русским военнопленным.

Репрессии усиливаются

Эти два относительно мягких рассказа о пережитом в тюрьме, написанные двумя образованными, респектабельными и ответственными гражданами, не дают никакого представления о крайностях, до которых опускалась система. И все же они показывают, как режим, при котором полицейское государство никем не контролировалось, а сама полиция не признавала никаких ограничений ни в полномочиях своих, ни в действиях, способен был смести ни в чем не повинных граждан, раздавить их и превратить в преступников. В полной мере степень деградации режима проявилась в «окончательном решении еврейского вопроса». Лагеря смерти, созданные СС в Польше, нельзя путать с концлагерями, о которых шла речь в этой главе. Тем не менее они возникли как логическое продолжение жестокости, которую нацистская полиция проявляла по отношению к собственным гражданам. К концу войны, когда предчувствие близкого поражения заставило режим еще злее преследовать собственных граждан, жестокость и безжалостность еще усилились. Если первые годы войны, можно сказать, добавили стране патриотической сплоченности, то позже, особенно после поражения под Сталинградом в начале 1943 г., подавляющая суть полицейского государства вновь проявила себя.

Возможно, отчасти причиной этого были продолжавшиеся доносы граждан — вплоть до самых мелких. К примеру, Гертруда Шульц, 48-летняя замужняя женщина, 10 ноября 1943 г. донесла на своего домохозяина. Ее семья снимала у него дом с 1938 г., но он всегда возражал против того, чтобы она и ее муж держали цыплят. Она сгустила кра-

Внизу: типичная нацистская семья. Большинство немцев не были фанатичными национал-социалистами, они просто старались обеспечивать свои семьи и не конфликтовать с законом

Вверху: германские войска на марше. По мере того как война затягивалась, а неизбежность поражения становилась очевидной, не только СС, но и армия все чаще стала принимать участие в акциях подавления и устрашения

Слева: в чрезвычайных ситуациях армию тоже привлекали к исполнению воли фюрера. Это часто означало массовые аресты и казни. Немецкие солдаты на посту в Берлине в июне 1934 г., после «ночи длинных ножей»

Вверху: казнь осужденных военно-полевым судом, 1945 г. В атмосфере истерии, царившей в начале 1945 г., когда рейх стоял перед лицом гибели, предстать перед таким судом почти автоматически означало смерть

ски и добавила к этому сделанные им когда-то неодобрительные замечания о Гитлере. В феврале 1944 г. домовладельца передали в гестапо и доставили в Берлин. Там Народный суд, основанный в 1934 г., признал его виновным; несчастного приговорили к смерти и казнили 17 июля 1944 г.

Не все случаи такого рода заканчивались настолько трагически, но со временем ситуация лишь ухудшалась. В последние шесть месяцев войны, когда конфликт переместился на территорию самой Германии, репрессии и расстрелы мирных граждан происходили все чаще и чаще. Нацисты пытались покончить с теми, кто колебался и не слишком верил (а такая вера была непременным требованием) в окончательную победу Германии или задавался вопросами о том, имеет ли смысл Германии продолжать войну. 15 февраля 1945 г. Гитлер учредил военно-полевые суды. Состояли они, как правило, из нацистского партийного чиновника и офицера вермахта (армии), СС или полиции. Такой суд готов был осудить любого человека, если считал, что тот опасен для дела нацизма или отдает борьбе с врагом не все силы. Вследствие этого повсеместно начались скорые и жесткие судебные процессы, которые обычно заканчивались казнями. Мелкая месть, озлобленность и страх правили на них свой страшный бал.

Так, в последних конвульсиях перед гибелью империи, нацистская полиция вновь выступила против беспомощных мирных немцев. В злобной ярости государство наказывало собственных граждан за то, что они будто бы не смогли стать достойными уготованной им роли и реализовать утопические идеи, навязанные им полицейским государством нацистов. И в 1933 и в 1945 гг. режим видел в своих гражданах лишь часть несовершенного общества, полного неполноценных людей всевозможных категорий, — а их следовало наказывать или уничтожать. Так что нацистский башмак, как мог бы сказать Оруэлл, вновь и вновь опускался на лицо.

Глава 2

Сопротивление

Сопротивление нацистскому режиму в первые годы его существования было разрозненным и несогласованным, что позволило Гитлеру сосредоточить силы и укрепить свою власть над германским обществом. Во время Второй мировой войны сколько-нибудь действенное сопротивление исходило только от военных, которые устроили несколько неудачных покушений на Гитлера.

Архивы гестапо утверждают, что в период с 1933 по 1945 г. в Третьем рейхе по обвинению в сопротивлении режиму было арестовано около 800 тысяч человек. Тем не менее власть Гитлера с момента назначения его канцлером в 1933 г. и вплоть до той секунды 30 апреля 1945 г., когда он застрелился, была практически неуязвимой. Рассказывая об антинацистском сопротивлении в Германии, невозможно обойти этот неоспоримый факт. Нацистскому режиму ни разу не пришлось столкнуться с серьезной угрозой от каких бы то ни было действий Сопротивления. Максимум, о чем можно говорить, — это большое число несогласных, оказывавших то или иное сопротивление режиму, и весьма ограниченный политический результат их действий.

Сопротивление нацистам внутри Германии было очень разнородным. С одной стороны, с ними конфликтовали партии левого крыла — коммунисты и социалисты. Нацисты и коммунисты столкнулись в непримиримой борьбе еще до начала операции «Барбаросса» — то есть до вторжения в Россию в 1941 г. — и даже до прихода нацистов к власти. После 1921 г. в Германии случались даже настоящие уличные сражения между боевиками гитлеровских штурмовых отря-

Внизу: Отто Вельс, лидер СПГ (Социалистической партии Германии), произносит речь в Берлине 6 марта 1932 г. Вельс руководил СПГ до ее роспуска нацистами в 1933 г. После роспуска партии уехал в Прагу, в 1938 г. бежал в Париж

дов (СА), одетыми в коричневые рубашки, и членами коммунистических ячеек, действовавших в крупных городах Германии. Две идеологии сражались за влияние в городских кварталах.

Но до 1933 г. коммунистическое сопротивление нацизму носило преимущественно демократический характер. В 1932 г. в Коммунистической партии Германии, КПГ, состояло 300 тысяч человек. Будучи основной партией коммунистического толка, КПГ приобрела после 1918 г. сильные позиции в рабочей среде и серьезно претендовала на места в правительстве. Ее ахиллесовой пятой была изоляция от остальных левых политических партий, в первую очередь от Социал-демократической партии Германии, СДПГ. Последняя боролась за те же классовые интересы, что и КПГ, но с меньшим радикализмом. На выборах в ноябре 1932 г. партия нацистов получила 33,1% голосов, КПГ — 16,9%, а СДПГ — 20,4%. Две левые партии разделили между собой 221 место в рейхстаге против 196 мест у нацистов — на тех выборах НСДАП потеряла 34 места. Тем не менее идеологические разногласия не позволили левым партиям сформировать коалицию. КПГ считала СДПГ чуть ли не фашистской организацией, а СДПГ не доверяла КПГ из-за ее приверженности сталинизму.

Слева: предвыборный плакат КПГ 1932 г. с коммунистическим призывом, который звучит довольно наивно («Долой систему») и нацелен против режима фон Папена. КПГ ненавидела СДПГ почти так же сильно, как нацистов

Хотя КПГ и СДПГ оставались непримиримыми противниками, они были достаточно сильны, чтобы внушать Гитлеру опасения. В 1933 г., став канцлером, он взялся за дело с характерной для него жесткостью и прямолинейностью. Гестапо и отряды СА совершили налет на штаб-квартиру КПГ, арестовали ее ли-

Внизу: суд над Мариусом ван дер Люббе, обвиненным в поджоге Рейхстага в феврале 1933 г. Его судили открытым гласным судом и приговорили к смерти, несмотря на очень плохое зрение и умственную отсталость

Слева: так выглядела пивная «Бюргербройкеллер» 8 ноября 1939 г. после взрыва бомбы, заложенной Георгом Эльзером. Эльзер был быстро арестован и в конце концов расстрелян СС в апреле 1945 г.

деров и добыли подробные списки членов партии и людей, помогавших партии деньгами; эти списки очень пригодились им во время последовавшей «охоты на ведьм». Целые районы Берлина и других крупных городов были полностью очищены от коммунистических элементов. Около 8 тысяч коммунистов бежали за границу. Будущее тех, кто попал в руки нацистов, было ужасным: их ждали казни, пытки или место в одном из первых концлагерей, таких как Дахау.

Положение коммунистов стало еще хуже после события, которое было объявлено актом антинацистского сопротивления. 27 февраля 1933 г. в Рейхстаге взорвалась зажигательная бомба и возник пожар; здание серьезно пострадало. Германская полиция арестовала голландца Мариуса ван дер Люббе, члена компартии. В настоящее время считается, что поджог Рейхстага был устроен СА, возможно непосредственно Герингом, для оправдания последовавших гонений на коммунистов. Гитлер представил пожар как попытку коммунистического переворота и убедил президента фон Гинденбурга одобрить чрезвычайный закон, который приостановил действие ключевых гражданских свобод и дал полиции беспрецедентные права ареста и обыска. В результате за период с 1933 по 1945 г. было убито около 30 тысяч левых активистов.

Как же действовало в таких условиях коммунистическое сопротивление? В качестве примера типичной организации такого рода можно привести группу Урига—Рёмера. Группа получила название по фамилиям берлинского рабочего Роберта Урига и активиста КПГ Йозефа Беппо Рёмера. Вместе они организовали сеть Сопротивления, которая выпускала антинацистские листовки и раз в два месяца журнал. Они занимались также мелким промышленным саботажем, особенно на оружейных заводах. Известно, что только на одном заводе работало около 80 активистов группы. Однако, как предстояло на собственном опыте убедиться многим коммунистическим группам, распространение антинацистской литературы оставляет за собой бумажный след, по которому можно пройти. Медленно, но верно группа была выслежена и выявлена. Сам Рёмер был арестован в феврале 1942 г. и отправлен на гильотину в сентябре 1944 г.

Вверху: советский министр иностранных дел Молотов (*крайний слева*) беседует с Гитлером (*справа*). Пакт о ненападении между двумя странами, заключенный в 1939 г., лишил германских коммунистов иллюзий и серьезно ослабил антинацистское сопротивление

Деятельность группы Сопротивления Урига—Рёмера и других групп, применявших похожие методы борьбы, например группы Зефова—Якоба, была минимальна. Популярная в народе политика нацистов в области занятости разрушила традиционную верность рабочего класса коммунистическим идеалам и размыла социальную базу левых политических партий. Что еще важнее, пакт Молотова—Риббентропа, подписанный в августе 1939 г., связал Советский Союз и Германию общими военными интересами. Многие коммунисты были потрясены этой новой дружбой; другие приветствовали пакт. Он не ослабил гонений на коммунистов, но активность групп Сопротивления заметно упала. Майкл Берли в своей книге «Третий рейх — новая история» указывает, что деятельность коммунистов стала настолько «незначительной», что число их арестов упало с 500 в январе 1939 г. до всего лишь 70 в апреле 1940 г.

Тем не менее сдались не все. Один из самых дерзких актов Сопротивления имел место 8 ноября 1939 г. Коммунист Георг Эльзер заложил бомбу в пивной «Бюргербройкеллер» в Мюнхене. Там на праздновании годовщины путча 1923 г. должен был выступать Гитлер. К несчастью для последующего хода мировой истории, Гитлер приехал рано, говорил недолго и быстро уехал. Бомба взорвалась через тринадцать минут после этого, убив восемь нацистов. Эльзер был взят; пять лет он сидел в концлагерях, но перед самым концом войны был все же казнен гестапо.

Сопротивление левого крыла не было прерогативой только лишь коммунистов. Еще два сектора Сопротивления составляли СДПГ и германские профсоюзы. После запрещения в 1933 г. СДПГ оказалась не в состоянии организовать своих сторонников на широкое сопротивление режиму. Некоторые активисты СДПГ все же участвовали в шпионской деятельности, но в большинстве своем ее члены просто растворились в нацистском обществе. Тем не менее некоторые социал-демократы поддерживали движение Сопротивления; они участвовали в дискуссионных группах или иногда в литературных протестах, что само по себе требовало немалой храбрости — ведь малейшая оппозиция на-

Вверху: Харро Шульце-Бойзен (*слева*) — здесь в форме служащего Имперского министерства авиации — был членом коммунистической организации Сопротивления, известной как «Красная капелла». Повешен нацистами

цистскому режиму рассматривалась как государственное преступление.

Сопротивление со стороны профсоюзов выглядело примерно так же, как сопротивление СДПГ. После прихода к власти Гитлер, проводя большую политическую уборку, распустил профсоюзы, включив одновременно рабочих представителей в Германский трудовой фронт, который нацисты полностью контролировали. Огромное большинство из 20 миллионов рабочих, входивших прежде в профсоюзы, никак не участвовало в действиях Сопротивления. Но были и другие. Из бывших юнионистов сформировались целые сети антинацистски настроенных рабочих, преимущественно на транспорте и в сырьевой промышленности. Сами по себе эти организации не могли дестабилизировать нацистский режим и не оказывали на него сколько-нибудь заметного влияния, но при любой попытке политического переворота они оказались бы очень серьезной силой.

«Красная капелла»

Еще одним аспектом коммунистического Сопротивления был шпионаж. Не все коммунисты работали в германской промышленности. Некоторые из них занимали высокие посты на государственной службе и имели доступ к закрытой и важной информации. Самой знаменитой нелегальной группой такого рода была «Красная капелла». «Красная капелла» представляла собой сеть из примерно 150 коммунистов-шпионов с ячейками по всей Европе. Ее члены действовали в германском правительстве и армии с 1938 по 1942 г. Среди членов «Красной капеллы» были и весьма заметные личности, например Харро Шульце-Бойзен, внук адмирала Альфреда фон Тирпица, и Арвид Харнак, племянник известного теолога Адольфа фон Харнака. Деятельность группы состояла, не в последнюю очередь, в издании печатных органов и распространении листовок, раскрывающих правду об ужасной судьбе евреев. Группа, работавшая в Рейнско-Рурской области, начала также выпускать ежемесячную газету протеста, обнаруженную и уничтоженную гестапо в 1943 г.

Но самой действенной стороной деятельности «Красной капеллы» был шпионаж в пользу Советского Союза в нацистской администрации. После вторжения Германии в Советский Союз Москва постоянно требовала у группы все новых сведений о передвижении германских войск. Участникам группы удавалось поддерживать достаточно непре-

рывный поток информации об экономическом и социальном положении Германии и даже добывать секретные подробности будущих военных операций. Шульце-Бойзен, к примеру, работал в Имперском министерстве авиации и имел доступ к операционным планам люфтваффе. Серьезную проблему представляло обеспечение радиоконтакта между Берлином и Москвой. Помогла Москва: в Германию были отправлены агенты-парашютисты, которые и помогли установить надежную связь; теперь информация передавалась вовремя. По оценкам абвера, сделанным в конце войны, разведданные «Красной капеллы» стоили жизни 200 тысячам немцев.

В августе 1942 г. «Красная капелла» была раскрыта абвером. Шульце-Бойзена арестовали при попытке передать сообщение о развертывании сил люфтваффе вокруг Сталинграда. Конец членов группы, как и большинства шпионов в истории, был ужасен. Из 118 человек, представших перед судом, 8 было повешено, часто на железных крюках для мяса, 41 гильотинирован. Остальным суждена была столь же верная смерть в концлагерях.

Слева: Арвид Харнак был членом «Красной капеллы». Приговорен к смерти за измену и удавлен гарротой в Плотцензее в канун Рождества 1942 г. Его жена обезглавлена 16 февраля 1943 г.

Молодежное сопротивление

В 1930-х гг. нацистский режим много делал для того, чтобы перетянуть на свою сторону, мобилизовать и вдохновить впечатлительную германскую молодежь. В то же время давление, которое оказывалось на молодежную культуру с целью сделать ее военизированной, ориентированной на физическое развитие и твердость характера, отталкивало многих молодых людей. Некоторых из них это даже подталкивало к сопротивлению; в первую очередь это относилось к молодежи студенческого возраста, традиционно склонной к бунтарству.

Даже увлечение «чуждыми» формами культуры, противоречившими культурной доктрине нацизма, могло стать для молодежи одной из форм сопротивления. К примеру, танцевальная и джазовая музыка, попадавшая в Германию из Великобритании и США, нравилась многим молодежным группам, хотя нацистская мысль и считала ее «дегенеративным» искусством. К примеру, две такие группы — «Свингующая молодежь» и «Пираты эдельвейса» — представляли соответственно средний и рабочий класс. Особенно активными были «Пираты эдельвейса». Они одевались в цветные шорты, клетчатые рубашки и галстуки и называли свои местные отделения экзотическими именами вроде навахо. Иногда частью их буйной жизни становились нападения на группы гитлерюгенда; как правило, это происходило во время выходов на пикники или пеших походов, которые молодежь городских кварталов нередко устраивала, чтобы уйти от наблюдения нацистов.

Членов подобных групп нацисты нередко подвергали арестам, а то и чему похуже. К примеру, только за один день 7 декабря 1942 г. в Дюссельдорфе было разгромлено 28 молодежных групп, в которых состояло 729 членов; все заводилы были повешены. Как только молодые люди начинали больше интересоваться политикой — преследования усиливались. Можно привести в пример группу юнцов Гельмута Хубенера. Шестнадцатилетний Хубенер был лидером маленькой группы участников Сопротивления.

Они печатали собственные листовки с критикой доктрины национал-социализма, публиковали и распространяли незаконные записи передач британской корпорации BBC. Несмотря на крайнюю молодость, при провале к группе Хубенера отнеслись без всякого снисхождения. Сам Хубенер был обезглавлен, остальные члены группы сгинули в тюрьмах и концлагерях.

Самая известная, вероятно, группа молодых активистов носила имя «Белая роза». Эта группа, в которую входили студенты Мюнхенского университета, практиковала пассивное сопротивление Третьему рейху. Их основной целью было донести до обычных немцев информацию о варварствах нацистов, с которыми некоторые из членов группы были знакомы не понаслышке. Члены-основатели группы Ганс Шолль и Александер Шморель служили в германской армии в Польше и Советском Союзе и были свидетелями уничтожения айнзатцгруппами целых еврейских селений. Еще один ключевой член группы, Вилли Граф, служил медбратом во Франции и Югославии в 1940—1941 гг. и тоже видел, что на самом деле означает нацистская оккупация.

Эти трое вместе с другими студентами — такими как сестры Ганса Софи и Инге, Кристоф Пробст, Юрген Виттенштейн и Курт Хубер — и затеяли распространение листовок. Свои методы они почти полностью скопировали у борцов за гражданские права цветного населения в США. Листовки предназначались для тех, кто, по мнению группы, должен был разнести содержащуюся в них информацию дальше: для университетских лекторов, преподавателей, врачей и даже содержателей пивных. Фамилии отбирались из телефонных книг, листовки печатались на ручном типографском прессе, затем помещались в отдельные конверты и рассылались по адресам. Для этого требовалось огромное количество почтовых марок, и членам группы приходилось быть очень осторожными и не покупать слишком много марок в одном месте, чтобы не возбуждать подозрений.

Листовки были написаны страстно, но логично и пробуждали в читателях

Внизу: груды мертвых тел евреев в концлагере Бельзен. «Белая роза» пыталась сообщить германскому народу о тех ужасах, которые нацисты творили от его имени, особенно в Советском Союзе

Слева: группа «Белая роза» пыталась разоблачить нацистскую ложь. К примеру, это снимок концлагеря Терезин; во время войны нацисты использовали Терезин, чтобы убедить Международный Красный Крест в том, что концлагерь — это что-то вроде курортного городка

подспудное чувство вины за судьбу евреев. Вот абзац из второй листовки группы (всего они успели изготовить и разослать шесть листовок):

«Мы не хотим обсуждать здесь еврейский вопрос, не хотим ни перед кем оправдываться или извиняться. Нет, только в качестве примера хотим мы привести здесь факт, что после завоевания Польши 300 тысяч евреев были убиты в этой стране самым зверским образом. В этом мы видим ужаснейшее преступление против человеческого достоинства, преступление, не имеющее аналогов в истории. Ибо евреи тоже люди».

Действия группы становились все более дерзкими, и гестапо объявило арест «Белой розы» приоритетной задачей. В феврале 1943 г. Ганс, Алекс и Вилли написали на домах вдоль Людвигштрассе — центральной улицы Мюнхена — громадные антинацистские лозунги. Затем 18 февраля Ганс и Софи Шолль взяли большую сумку листовок (это была шестая листовка их серии) с собой в университет. Они разложили листовки в пустых лекционных залах, которые вскоре должны были заполниться студентами; кроме того, они не удержались и бросили несколько горстей из окна третьего этажа во внутренний двор университета. В этот момент их случайно заметил Якоб Шмидт —

Внизу: Роланд Фрейслер, президент Народного суда, судившего членов группы «Белая роза». Фрейслер, любимый судья-палач Гитлера, нередко обрушивал на обвиняемых потоки ядовитого сарказма

сторонник нацизма, который тут же связался с гестапо. Через несколько минут подпольщики были арестованы.

20 февраля 1943 г. Ганс, Софи Шолль и Кристоф Пробст предстали перед печально знаменитым судьей-садистом Народного суда Роландом Фрейслером. Через несколько часов после окончания процесса, приговор которого был известен заранее, все трое были обезглавлены. Инге Шолль и ее родители оказались в тюрьме. Александер Шморель, Вилли Граф, Юрген Виттенштейн и Курт Хубер также расстались с жизнью в течение нескольких ближайших недель; за связь с группой «Белая роза» было арестовано еще 80 человек. Последние слова Софи, записанные ее соседкой по камере Эльзой Гебель, представляют собой трогательную смесь идеализма, силы и наивности: «Сегодня такой чудесный солнечный день, а я должна буду уйти. Но скольким сегодня приходится умирать на полях сражений, сколько теряется молодых жизней, у которых еще все впереди. Что значит одна моя смерть, если наши действия помогли предупредить и предостеречь тысячи людей».

Из всех групп Сопротивления, которые действовали внутри Германии, намного важнее всех прочих в практическом отношении были группы, представлявшие консервативную элиту и офицерское сословие. По существу, это была одна категория людей; они сопротивлялись режиму в самом сердце военных и гражданских государственных учреждений Германии. Нацистский режим Гитлера был оскорбителен для представителей традиционных германских элит (обозначенных здесь не слишком подходящим эпитетом «консерваторы») во многих отношениях. Авторитаризм нацистов не представлял серьезной проблемы — многие германские консерваторы были сторонниками авторитарного диктаторского режима и, наоборот, осуждали либерализм Веймарской республики. Тем не менее многое в идеологии Гитлера и его стиле управления противоречило глубинным ценностям консерватизма. Гитлер ненавидел черты, которыми гордилась прусская аристократия, а консерваторы считали людей, вокруг которых он строил свою партию, головорезами или холопами. Консерва-

Внизу: архитекторы Мюнхенского соглашения 1938 г. (*слева направо*): Чемберлен, Даладье, Гитлер, Муссолини и Чиано. Бескровная победа Гитлера ослабила активное сопротивление военных

Слева: не все студенты германских университетов принадлежали к левому крылу и были противниками нацизма. На фото старшекурсники Берлинского университета демонстрируют активную поддержку гитлеровского режима

тивным государственным чиновникам и офицерам приходилось работать под началом реформированной администрации Гитлера, что было непросто. Гитлер обожал создавать одновременно несколько департаментов, которые должны были отвечать за одни и те же сферы деятельности; это, естественно, возбуждало соперничество между департаментами и одновременно укрепляло его личную абсолютную власть. Многие консерваторы не были готовы пресмыкаться перед Гитлером, чтобы понравиться ему. Самое главное, в период с 1942 по 1945 г., когда Германия неумолимо, хотя и медленно двигалась к поражению, сопротивление

Внизу: Франц фон Папен (*второй слева*), заметный представитель консервативных кругов, в 1934 г. критиковал режим. Будучи слабым человеком, он впоследствии извинился за свои замечания и был назначен послом в Австрии

Слева: граф фон Мольтке из «кружка Крайзау» — консервативной антинацистской группы. Фон Мольтке сфотографирован на суде в январе 1945 г.; он был приговорен к смертной казни и позже повешен

этой категории противников нацизма росло как снежный ком и становилось все активнее. Все очень просто: элита не хотела прочно связывать себя с режимом, обреченным на гибель.

Многие консерваторы ограничивались пассивным или идеологическим сопротивлением режиму. В 1934 г. группа, вдохновленная талантливым консервативным юристом Эдгаром Юлиусом Юнгом, начала активную агитацию против нацистов. Одним из членов группы был Франц фон Папен, бывший канцлер Германии, который в 1933 г. помог Гитлеру подняться к власти и стал его вице-канцлером. Разочарованный грубыми методами нацистов (во время чистки рядов СА в июне 1934 г. фон Папен лишился многих близких друзей), он произнес 17 июня 1934 г. в университете Марбурга знаменитую речь, составленную Юнгом, в которой подвергались критике однопартийная политика нацистов и их расовые теории. Фон Папен выступал скорее за интеграцию с Европой, нежели за ее завоевание. Была надежда, что это выступление может инициировать военный переворот, но этого не произошло (гестапо тщательно и очень жестко контролировало распространение текста речи фон Папена). Вместо этого бывший канцлер извинился за нее и, продемонстрировав исключительную способность выходить сухим из воды при любых обстоятельствах, сделался министром и отправился послом в Австрию для того, чтобы наблюдать за проведением аншлюса. Остальным повезло меньше. После публичных выступлений еще нескольких членов группы гестапо захлопнуло ловушку: Юнг и многие другие ключевые консервативные мыслители, такие как Герберт Бозе и Эрих Клаузенер, простились с жизнью уже через несколько недель.

Еще одной значительной группой консервативных противников режима был «кружок Крайзау» — небольшая группа офицеров и представителей свободных профессий. Эти люди объединились и образовали оппозиционное движение в 1933 г., сразу после прихода Гитлера к власти. Группа получила название по имению Крайзау в Силезии, которым владел Гельмут Джеймс граф фон Мольтке, юридический советник германского военного главного командования; в его имении проходили многие встречи группы. Ее участники придерживались различных взглядов, но почти все сходились в христианском консерватизме. Они с нетерпением ждали, чтобы зверствам нацистов был положен конец, а страна получила новое правительство; предполагаемое кредо такого правительства члены группы изложили в документе «Основные принципы нового порядка», составленном 9 августа 1942 г. В письме к жене в октябре 1943 г. фон Мольтке так сформулировал суть своей группы: «Пока я пишу, во Франции продолжаются массовые расстрелы. И все это детские игрушки по сравнению с тем, что происходит в

Слева: Гитлер и генерал Франц Гальдер, глава Генерального штаба армии, в Польше в 1939 г. Пока Германия побеждала, Гальдер был сторонником Гитлера; антинацистом он сделался позже

Польше и России. Как могу я спокойно выносить все это, сидеть в своей теплой комнате, как будто ничего не происходит, и пить чай?»

Несмотря на эмоции, во многих отношениях «кружок Крайзау» был всего лишь чем-то вроде дискуссионного клуба. Однако профессиональный статус и влияние некоторых его членов означали, что даже в самом сердце нацистской администрации имелись противники режима. Они, в свою очередь, служили базой для действий самой серьезной части Сопротивления, кадровых офицеров.

Сопротивление в среде военных

Если внимательно рассмотреть список военных светил, выступавших на стороне Сопротивления, долговечность Гитлера и его режима покажется еще более поразительной. В этом списке и Людвиг Бек (в 1935—1938 гг. начальник штаба германских вооруженных сил), и адмирал Вильгельм Канарис (в 1935—1944 гг. директор абвера — разведывательной службы Верховного командования вермахта), и генерал Франц Гальдер (в 1938—1342 гг. начальник Генерального штаба германской армии), и фельдмаршал Эрвин Роммель (один из самых успешных военачальников Германии).

Слева: генерал Людвиг фон Бек был более активным антинацистом. Он выступил против экспансионистских планов Гитлера и в 1938 г. вынужден был уйти в отставку. Он считался формальным главой бомбового заговора 1944 г. и был застрелен сержантом

Даже глава СС Генрих Гиммлер — второе после Гитлера лицо и символ нацистского режима — принимал участие в действиях, которые можно квалифицировать как сопротивление. Почему же такие могущественные люди считали необходимым оказывать сопротивление режиму?

Причины понять несложно. Начиная с 1934 г. Гитлер активно занимался централизацией военного командования, все больше сосредотачивая контроль над ним в собственных руках. Генералы все больше теряли возможность участвовать в стратегическом планировании и управлении. 4 февраля 1938 г. Гитлер создал Верховное командование вермахта, ОКВ, — новый уровень военного командования, контролирующий все виды вооруженных сил. Сам он с 1934 г. уже являлся главнокомандующим германскими вооруженными силами; создание ОКВ только закрепило его фактическое стратегическое всевластие. С 1938 г. генералам и фельдмаршалам, по существу, отводилась роль второстепенных тактиков, и офицерский корпус был в ярости — недоучка капрал времен Первой мировой войны принимал единоличные решения о развертывании и применении вооруженных сил.

В начале нацистской кампании Второй мировой войны, когда германская военная машина была на подъеме (надо отметить, в немалой степени благодаря стратегическому таланту Гитлера), такая система работала достаточно хорошо. Но после вторжения в Советский Союз в июне 1941 г. Гитлер и его генералы стали все чаще сталкиваться лбами. После катастрофы под Курском в 1943 г. отношения резко ухудшились. Гитлер, пребывая в депрессии после поражения 6-й армии под Сталинградом, передал стратегическое командование на Курском направлении талантливому фельдмаршалу Эриху фон Манштейну. Курское сражение стало для немцев катастрофой, и Гитлер еще больше утвердился во мнении о том, что офицерский корпус политически ненадежен, назойлив и стратегически близорук. Он сделался излишне самоуверен в своих стратегических решениях, и сопротивление его давлению тут же возросло. Интересно, что какое-то время фон Манштейн действительно принадлежал к лагерю Сопротивления. В течение 1942 г. он неоднократно встречался с лидерами Сопротивления генерал-полковником Людвигом Беком и генерал-майором Геннингом фон Тресковом и договорился с ними в принципе об убийстве Гитлера. Однако после поражения германских войск под Сталинградом фон Манштейн изменил свои взгляды и до конца войны оставался верным фюреру.

Вверху: фельдмаршал Эрих фон Манштейн, один из наиболее способных германских военачальников Второй мировой войны. Поначалу он колебался и склонен был прислушаться к мнению офицеров, настроенных против Гитлера, но в конце концов остался верным режиму

Военная оппозиция

Каким образом германское военное сословие выступало против нацистского режима? На одном уровне мы видим, как руководители германской армии медлят с выполнением приказов Гитлера или просто упрямо отказываются их выполнять. Грозный генерал Гудериан, к примеру, почти открыто игнорировал приказы Гитлера о перегруппировке войск во время зимней кампании 1941 г. на территории Советского Союза. (Следует отметить при этом, что Гудериан никогда не был участником Сопротивления, просто как офицер он стремился к успеху кампании.) Военные историки, такие как

покойный Алан Кларк, видели в подобных актах неповиновения истинные причины германских неудач на Восточном фронте. Это спорная точка зрения, но тот факт, что приказы Гитлера в армии, случалось, интерпретировали по-своему или просто не спешили выполнять, сомнению не подлежит. Противоположную крайность представляют случаи, когда германские части, в том числе эсэсовские, в 1945 г. наотрез отказывались выполнять последние, самоубийственные приказы Гитлера о наступлении. Но эти случаи имели место почти исключительно в последние недели войны, когда поражение было уже неизбежно.

Кроме того, некоторые военные лидеры «сопротивлялись» гитлеровскому режиму тем, что либо передавали военные секреты врагу, либо вели переговоры с союзниками, не спрашивая позволения у Гитлера и не ставя его об этом в известность. Такое сопротивление имело место даже на самом верху нацистского военного командования. Адмирал Канарис, глава абвера, в период с 1939 по 1941 г. передавал информацию о военных планах Гитлера союзникам, пытаясь остановить акты геноцида по отношению к евреям и русским. Позже, в марте 1943 г., он принял участие в очередной попытке покушения на Гитлера в штабе группы армий «Центр». Генрих Гиммлер, по существу второй по могуществу человек нацистского режима, не передавал секретной информации, зато в 1945 г. пытался тайно, за спиной Гитлера, договориться с союзниками о мире. Противозаконная деятельность и Канариса, и Гиммлера в конце концов была раскрыта. Канарис, замешанный в подготовке взрыва в июле 1944 г., был казнен в апреле 1945 г. Гиммлер был снят со всех постов, но безупречная репутация как нациста спасла его от казни (он покончил с собой, попав в плен к союзникам).

Покушения на Гитлера

Заговоры с целью убийства и покушения на жизнь сопровождали Гитлера с самого начала его правления. Покушений было множество, но невероятная везучесть Гитлера и непредусмотрительность заговорщиков каждый раз сводили все усилия на нет. Ни одно из покушений не дало результата.

Первая серьезная попытка убийства Гитлера была предпринята в 1938 г. группой высокопоставленных офицеров. Группу заговорщиков возглавлял генерал Франц Гальдер, начальник Генерального штаба армии; в нее входил также начальник штаба абвера генерал-майор Ганс Остер и бывший президент Рейхсбанка доктор Ялмар Шахт; группа планировала военный переворот в Берлине. Гальдер и многие другие были в ужасе от решения Гитлера ввергнуть Германию в войну. В результате Гальдер взял на встречу с Гитлером пистолет и стал ждать подходящего момента для удара. К несчастью, соглашение Германии с британским премьер-министром Невиллом Чемберленом, подписанное в Мюнхене 30 сентября 1938 г., лишило заговор значительной части практического смыс-

Вверху: русские танки в сражении под Курском, июль 1943 г. Это поражение лишний раз подтвердило мнение Гитлера о том, что германский офицерский корпус ненадежен и никуда не годится

ла, и реализация плана заговорщиков (если не намерение как таковое) была отложена.

Заговор Гальдера был лишь первым из планов покушения на Гитлера, составленных военными. К примеру, в июле 1940 г. обер-лейтенант Фриц-Дитлоф граф фон дер Шуленбург и доктор Эйген Герстенмайер планировали убить Гитлера во время победного парада в Париже, но до реализации плана дело не дошло. Значительно более реалистичная попытка имела место в марте 1943 г., когда Гитлер вернулся из Смоленска, из инспекционной поездки по Восточному фронту. Трое заговорщиков в штабе группы армий «Центр» — генерал-майор Геннинг фон Тресков, лейтенант Фабиан фон Шлабрендорф и капитан Рудольф-Кристоф Фрейер фон Герсдорф — заложили бомбу, замаскированную под бутылку коньяка, в самолет Гитлера «Кондор» системы «Фокке-Вульф-200». Самолет взлетел и взял курс домой, в Германию; во время полета часовой механизм должен был взорвать бомбу. Казалось, успех обеспечен. Но Гитлера будто снова защитила какая-то дьявольская рука: часовой механизм запустил детонатор, но заряд не взорвался. В марте 1943 г. произошло и еще несколько покушений на Гитлера, но все они потерпели неудачу из-за откровенного невезения или недостаточно тщательного планирования акции.

Заговор 1944 г.

В июле 1944 г. Гитлеру повезло меньше. К этому времени антигитлеровская группировка в высших военных кругах была чрезвычайно сильна. Из ее рядов выдвинулся некий полковник Клаус Шенк граф фон Штауффенберг. После боевого ранения в Тунисе, в апреле 1943 г., в октябре 1943 г. фон Штауффенберг был назначен начальником штаба общего управления Верховного командования сухопутных войск, а в июне 1944 г. — также начальником штаба Резервной армии, которой командовал Фридрих Фромм. К 1944 г. фон Штауффенберг был уже заодно с такими заговорщиками, как фон Тресков и Бек. Все они бывали на совещаниях в лесной ставке Гитлера под Растенбургом в Восточной Пруссии, известной как «Волчье логово», где и познакомились. Именно здесь фон Штауффенберг привел в исполнение план «Валькирия».

Слева: Геннинг фон Тресков, старший офицер в штабе группы армий «Центр». Один из главных участников заговора 1944 г. Узнав о провале покушения, покончил с собой

Операция «Валькирия» была разработана в начале 1944 г., когда ситуация на Восточном фронте стремительно ухудшалась и явственно предвещала катастрофу для Германии. Фон Штауффенберг намеревался во время совещания, назначенного на 20 июля, поставить рядом с Гитлером портфель с бомбой; сам он планировал извиниться и покинуть совещание. Бомба должна была уничтожить Гитлера; одновременно с этим заговорщики, используя свое немалое влияние в военных кругах, должны были взять в Берлине под контроль германское правительство и всю инфраструктуру управления страной.

20 июля 1944 г. в обстановке строжайших мер безопасности фон Штауффенберг прошел в комнату для совещаний — большой деревянный барак, временно служивший конференц-залом. Там он встретил фюрера, поздоровался с ним, пожал ему руку и тайком поставил свой портфель, в котором лежал 1 кг

пластиковой взрывчатки, на пол рядом с Гитлером. Затем фон Штауффенберг покинул зал, сославшись на необходимость срочно позвонить. После его ухода один из 24 человек, находившихся в комнате, полковник Гейнц Брандт, задвинул портфель дальше под стол, чтобы освободить место, и прислонил к бетонной опоре, поддерживавшей крышу. Эта опора и спасла Гитлеру жизнь.

Бомба взорвалась в 12.50. Деревянный барак был полностью разрушен. Внутри один человек погиб на месте, многие были серьезно ранены — трое, включая и Брандта, позже умерли от ран. Гитлер получил ожоги правой ноги и головы; у него пострадал слух и частично парализовало правую руку. Тем не менее он уцелел. Фон Штауффенберг не знал об этом; он улетел обратно в Берлин, чтобы организовать в соответствии с планом передачу власти в Верховном командовании вермахта (бывшем военном министерстве). Он был уверен, что погибли все, кто находился в бараке, — настолько сильно тот был разрушен. На самом деле произошло обратное: хлипкая конструкция барака не сосредоточила энергию взрыва внутри, а позволила ей рассеяться. (К несчастью, место, где первоначально планировалось проводить совещание, — подземный бетонный бункер, — в тот момент заново отделывали, поэтому совещание перенесли в деревянную времянку.) Фон Штауффенберг узнал правду только по прибытии в Берлин.

Месть Гитлера была ужасна. Больше 200 заговорщиков было выслежено и убито. Фон Штауффенберг и еще четверо офицеров были расстреляны в полночь того же дня. Людвиг Бек пытался покончить с собой, но неудачно; в результате он был застрелен армейским сержантом. Остальных позже подвесили на крюки для мяса и удавили рояльными струнами. Гитлер приказал даже заснять эти казни на кинопленку и позже смотрел их в часы досуга.

Широко раскинутая сеть мщения смела большинство ключевых противников Гитлера в вооруженных силах, включая Канариса, Роммеля и фон Трескова. По злой иронии судьбы самое серьезное покушение на жизнь Гитлера, напротив, укрепило и консолидировало его власть, хотя Германия в тот момент стремительно рушилась.

Вверху: эвакуация раненых немецких солдат из Сталинграда. Громадные потери на Восточном фронте послужили катализатором сопротивления Гитлеру среди военных

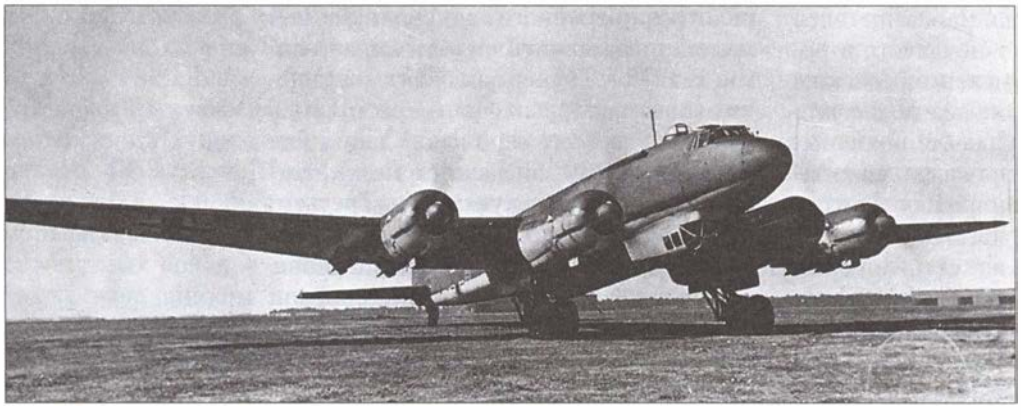
Сопротивление нацизму со стороны христианского сообщества Германии было довольно слабым. Гитлер и нацисты относились к религии с презрением. Они воздерживались от откровенных преследований за веру; христианство в германском обществе по-прежнему было широко распространено, и Гитлер считал, что полезнее направить веру в русло религиозно-военного национализма, чем пытаться раздавить силовыми методами. В 1933 г. Гитлер заключил соглашение (конкордат) с папским престолом: в обмен на свободу вероисповедания для католиков Рим согласился не вмешиваться в политическую жизнь Третьего рейха. После этого в Германии была организована новая Имперская церковь, которую возглавил имперский епископ Людвиг Мюллер. В большинстве своем христиане не приняли Имперскую церковь, особенно после того, как она за-

претила Ветхий Завет — ведь в нем рассказывается о евреях.

Протест против преследования евреев был самой серьезной причиной религиозного сопротивления нацистам. Еще до того, как Имперская церковь поделила Библию надвое, тысячи христиан-протестантов вступили в Чрезвычайную пасторскую лигу — религиозную группу, выступавшую против расовой доктрины национал-социалистов; возглавил лигу Мартин Нимёллер. После запрещения Ветхого Завета ряды лиги значительно пополнились (из Библии германской Имперской церкви, кроме всего прочего, был исключен и святой Петр).

В 1934 г. Чрезвычайная пасторская лига стала известна как Исповедальная церковь, или Бекентнискирхе. Эта церковь, в которую вошли около 7 тысяч протестантских пасторов, в мае 1934 г. организовала свой первый национальный синод. Одним из членов Исповедальной церкви был знаменитый теолог Дитрих Бонхёффер. Он противостоял нацизму не только на религиозном уровне, посредством лекций и письменных обращений, не только спасал евреев, но и сотрудничал с заговорщиками, такими как Бек и Канарис, в их попытках свержения Гитлера. В конце концов его связь с заговорщиками была раскрыта. После

Вверху: германские войска проходят парадным маршем по оккупированному Парижу. Такие военные победы до самого конца войны обеспечивали Гитлеру твердую поддержку огромного большинства немцев, как гражданских, так и военных



Слева: «Фокке-Вульф-200». Самолетом именно такого типа Гитлер пользовался при посещении Восточного фронта. Гитлер считал офицерский корпус Германии некомпетентным, и неудачная попытка военных взорвать самолет только укрепила его в этом мнении

Вверху: папа Пий XII, еще в качестве советника папы Пия XI, участвовал в переговорах по конкордату с нацистами в 1933 г. В 1939 г. он сам стал папой, но так и не выступил с протестом против нацистских зверств

июльского покушения 1944 г. Бонхёффер был арестован гестапо и 9 апреля 1945 г. казнен в концлагере Флоссенбург.

Судьба Бонхёффера ожидала и многих других представителей Исповедальной церкви. Нацистам они почти не мешали, хотя некоторым деятелям церкви удалось все же повлиять на государственную политику. К примеру, епископ Мюнстерский Клеменс граф фон Гален в 1941 г. заявил протест против ликвидации умственно неполноценных; в результате Гитлер прекратил убийства или, по крайней мере, перестал проводить их открыто и начал скрывать от германского общества.

Но фон Гален — исключение. Непокорных христиан нацисты преследовали без всяких угрызений совести, и вполне понятно, что многие христиане предпочли собственную безопасность и безопасность своих семей рискованному путешествию в Бухенвальд или Дахау без шанса на возвращение. Многие христианские организации активно поддерживали политические, военные и даже расовые кампании Гитлера. Немецкие епископы, к примеру, сочли возможным отпраздновать успех германского оружия в Польше, хотя польские католические священники нередко становились жертвой нацистских зверств. В 1935 г. конференция епископов в Фульде заверила правительство, что она «отвергает всякую подрывную позицию и деятельность, воздерживается от любой политической активности и, в особенности, абсолютно отвергает любые попытки сближения со стороны коммунистов». В такой обстановке церковь мало что могла привнести в широкомасштабное движение Сопротивления нацистскому режиму.

Однако надо понимать, что теперь, находясь в полной безопасности, очень легко рассуждать о плачевном состоянии движения Сопротивления нацизму в Германии в период с начала 1930-х по 1945 г. В реальности все было гораздо сложнее. Народ Германии жил во власти режима, который имел в своем распоряжении первоклассные пропагандистские инструменты и методики, подкрепленные к тому же самыми жестокими средствами воздействия со стороны государства. Без сомнения, многие акты личного сопротивления режиму со стороны граждан остались никому не известными. Вместе с тем мы вынуждены признать, что в целом Гитлер тащил Германию к гибели с согласия ее народа.

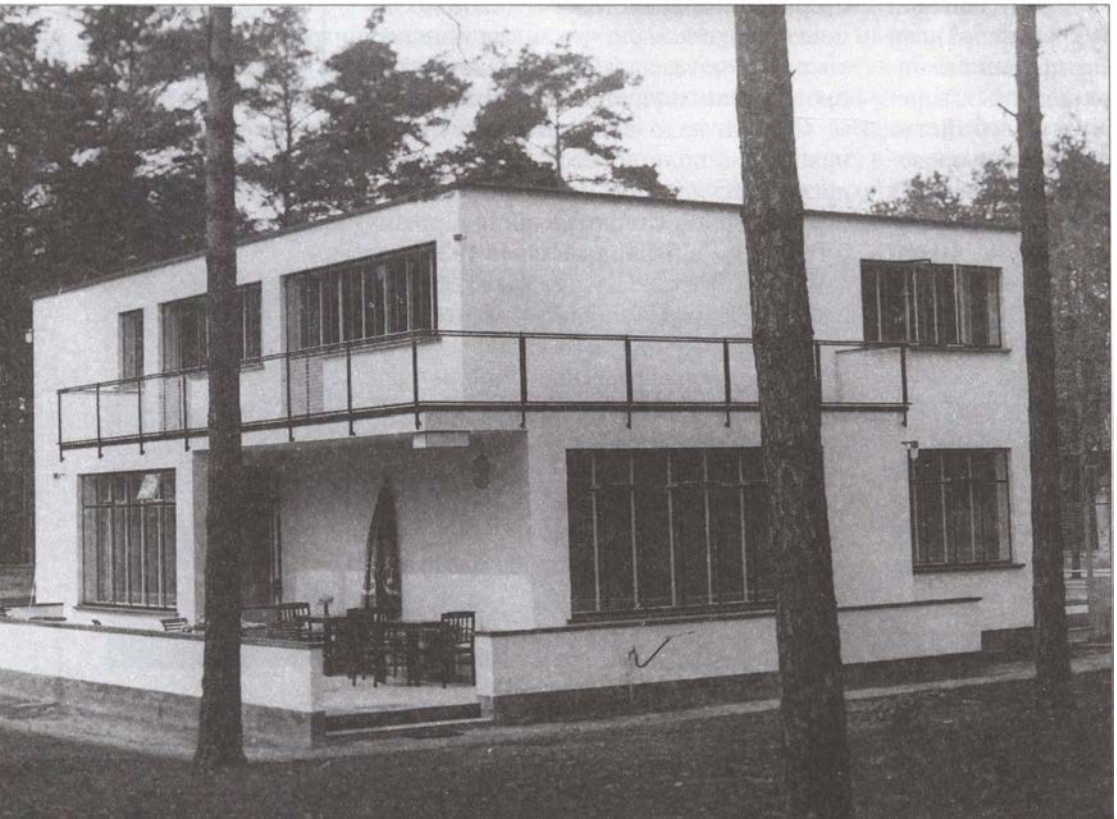
Глава 3

Культура и пропаганда

При нацистах искусства опустились до служения интересам государственной идеологии. Впечатляющие достижения культуры Веймарской республики сошли на нет; художников вынуждали или бежать из Германии, или работать по указаниям и с одобрения нацистов.

После окончания Первой мировой войны (1914—1918) и до взятия власти нацистами искусство и культура Германии переживали невиданный подъем. Тому было две причины. Во-первых, рухнул «старый порядок». До 1918 г. прусская монархия пыталась, хотя и не всегда успешно, сдерживать художественное развитие через поощрение консервативных вкусов и вкусов истеблишмента. Однако стоило кайзеру в ноябре 1918 г. удалиться в изгнание в Голландию, и тормоз «придворной культуры» мгновенно исчез. Художники получили возможность развивать новые направления в искусстве, и многие из них воспользовались этой возможностью — здесь уже сыграл роль второй фактор, Первая мировая война. Ошеломляющий опыт Великой войны, полученные на ней необычайные зрительные, звуковые и эмоциональные впечатления позволили художникам покорить новые творческие вершины. Произведения искусства, в которые вылилась сенсорная перегрузка, испытанная людьми за четыре года вооруженного конфликта новой эпохи, отразила новый динамизм жизни и готовность экспериментировать с современными радикальными темами и формами выражения.

Вследствие этого веймарская культура, то есть культура 1919—1933 гг., периода Веймарской республики, подня-



Слева: дом, построенный по одному из проектов Вальтера Гропиуса. Этот художник оказал серьезное влияние на развитие современной архитектуры и основал Баухаус — германскую школу дизайна, архитектуры и прикладных искусств

лась на необычайно высокий уровень; выдающиеся произведения появились буквально во всех ее областях. Арнольд Шёнберг, Курт Вейль и Ганс Эйслер писали новаторскую музыку. Драматурги, такие как Бертольт Брехт, писали выдающиеся произведения для театра; писатели, в том числе Эрих Кастнер, Эрих Мария Ремарк, братья Томас (удостоенный в 1929 г. Нобелевской премии по литературе) и Генрих Манны создавали прекрасные романы. Появлялись революционные исторические исследования таких ученых, как Экарт Кер; художники, в том числе Кэте Коллвиц (первая женщина, избранная членом Прусской академии искусств), творили очень эмоциональные картины и скульптуры. Вальтер Гропиус, Марсель Брюер и Баухаус создавали прекрасную мебель и другие предметы домашней обстановки; архитекторы, такие как Мис ван дер Роэ, строили здания, от которых буквально захватывало дух (другое его произведение — памятник членам группы «Спартак» Карлу Либкнехту и Розе Люксембург, воздвигнутый в Берлине в 1926 г., — не могло, разумеется, внушить нацистам симпатию к автору). Фриц Ланг снимал оригинальные фильмы, та-

Вверху: 4 марта 1936 г. в Мюнхене открылась «Выставка дегенеративного искусства», организованная нацистами. С лета 1937 г. эта выставка путешествовала по Германии и пользовалась огромным успехом — для немцев это была одна из немногих возможностей познакомиться с настоящим искусством

кие как «Судьба» (1920). В общем, число новых талантов, появившихся в Германии за этот период, было почти беспрецедентным; казалось, они вот-вот превратят страну в художественный и культурный движитель Европы.

С приходом в январе 1933 г. нацистов к власти творческий поток был перекрыт. Гитлер испытывал лишь презрение к веймарской культуре, которую любил сравнивать со свалкой; получив власть, он сразу же решил избавиться от большей ее части. Последовала чистка, отразившая в значительной степени культурные вкусы национал-социалистов. Мало кто из высших нацистских лидеров понимал хоть что-нибудь в искусстве и культуре. К примеру, сам Гитлер еще до Первой мировой войны дважды пытался поступить в художественную школу при Академии искусств в Вене, но оба раза получил отказ. Особенно терялись нацисты при встрече с произведениями модернистов или авангардистов. В результате все непонятное подвергалось гонениям, а все, что не следовало рабски самым традиционным стилям, объявлялось «подрывным». Так, живопись экс-

Слева: министр народного просвещения и пропаганды Йозеф Геббельс (*второй слева*) на «Выставке дегенеративного искусства» в Берлине, 27 февраля 1938 г.

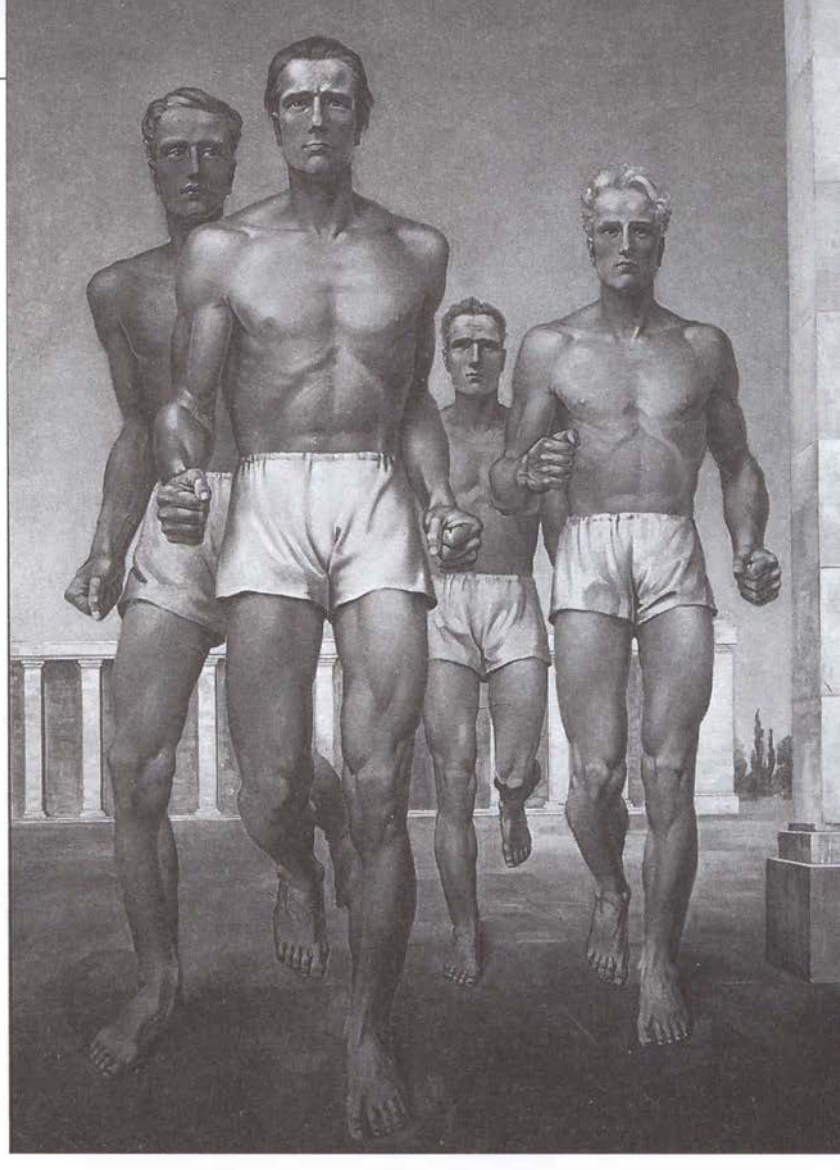
Слева: Гитлер на концерте, конец 1930-х гг. Музыка в нацистской Германии должна была соответствовать традиционалистским вкусам самого Гитлера и нацистской элиты, включавшим, в частности, работы Рихарда Вагнера и Карла Орфа

прессионистов, кубизм и другие формы нового искусства были изгнаны из художественных галерей и музеев, а атональная музыка запрещена к исполнению в театрах и концертных залах. Единственным исключением стали специально организованные выставки «дегенеративного» искусства, призванные показать народу, как нацисты спасли страну от «заразы» и «культурной анархии» веймарского искусства. К примеру, в 1938 г. была устроена выставка «дегенеративной» музыки. Ее экспонаты подчеркивали «варварские» черты джаза и «полную духовную кретинизацию» авангардистских оркестровых композиций.

«Дегенеративное» искусство

Аналогично в 1937 г. на выставке в музее древностей в Мюнхене было собрано на выставке около 700 шедевров модернистской живописи. Цель выставки очевидна из ее каталога, где выставленные картины помещены рядом с рисунками больных шизофренией. Очевидно, публика должна была заметить «сходство» между теми и другими произведениями, приравнять модернизм к созданиям «расстроенного» разума и осознать свой долг перед режимом, спасающим народ от духовной деградации. Что на самом деле думала германская публика, можно только гадать, но мюнхенскую выставку посетило около 2 миллионов человек. Вероятно, многие приходили насладиться искусством, а не возмутиться его «дегенеративностью». О многом говорит и тот факт, что следующая крупная демонстрация «дегенеративного» искусства представляла собой акт уничтожения примерно 5 тысяч «негерманских» картин и рисунков на площади перед центральным пожарным депо Берлина.

Несмотря на подобные акты дикого вандализма, было бы ошибкой считать, что нацистская чистка интеллектуальной и художественной жизни была следствием исключительно глубоко укоренившегося культурного мещанства партийных лидеров. Возможно, многие высокопоставленные нацисты действительно были твердолобыми головорезами и при случае с удовольствием уничтожали произведения искусства, которые им не нравились, но на самом деле национал-социалистические власти преследовали более зловещую цель. В самом общем плане нацисты намеревались переделать всю Германию по своему образу и подобию, а культурная жизнь страны позволяла им донести до народа любое послание. Для этого германское искусство необходимо было очистить от всего, что противоречило идеологии национал-социализма. Соответственно, нацисты выбирали художников и произведения, подлежащие устранению, на основе не только собственных упрощенных вкусов, но и двух весьма конкретных критериев — не имеющих, впрочем, никакого художественного смысла.



Вверху: нацисты ценили и одобряли художественные полотна такого типа — изображение совершенных германских мужчин-арийцев, занятых атлетическими упражнениями. Это полотно, названное «Гимнасты», написано Герхардом Кайлем в 1939 г.

Вверху: нацистские архитекторы отвергли современный стиль. Официальная политика требовала, чтобы все крупные здания имели монументальный неоклассический вид. Скульптура возле гигантского олимпийского стадиона в Берлине

Первым из них была концепция *Volk*, то есть расы и нации. Нацисты рассматривали мир через искажающие очки расистской идеологии; главными и первичными при этом оказывались достижения нордического «арийского» народа. При таких взглядах едва ли удивительно, что, придя к власти, они решили первым делом «освободить» германскую культуру от инородного — в первую очередь еврейского — влияния. Произведения, которые не казались им здоровыми с расовой точки зрения, предавались огню. Во всех значительных городах Германии в то время пылали громадные костры из книг и рукописей еврейских и других «негерманских» авторов. В черный список попало более 10 тысяч «нежелательных» книг; полки библиотек обнажились, лишившись чуть ли не всей классической немецкой литературы. Стихи Генриха Гейне — величайшего, вероятно, после Гете и Шиллера немецкого поэта всех времен — сжигались на том основании, что автор их был евреем. Из государственных консерваторий и оркестров изымались музыкальные партитуры выдающегося немецко-еврейского композитора Феликса Мендельсона и тоже сжигались из-за национальности автора. Видя такое отношение, многие художники еврейского происхождения покинули Германию и отбыли к более дружелюбным берегам. Те, кто остался, вдруг обнаружили, что их работы стали никому не нужны. А вскоре они вообще лишились возможности работать.

Вторым из критериев, по которым оценивали любого художника, стали его политические пристрастия. Многие видные представители культуры веймарского периода были сторонниками левых политических партий, и нацисты автоматически считали их идеологическими врагами. Вследствие этого на их работы навешивали ярлык культурного большевизма, называли декадентскими, дегенеративными и, естественно, «негерманскими». Для художников такое отношение неизбежно имело серьезные последствия — они подвергались остракизму и преследованиям. Многие оказа-

лись благоразумны и покинули страну; произошел настоящий исход талантов: в частности, уехали Бертольт Брехт, Курт Вейль и братья Манн. Те же, кто остался в Германии, стали вместе со своими работами мишенью для постоянных нападок нового режима — критических, если не физических. Их исключали из престижных культурных организаций, лишали места для работы; многие из них на время правления нацистов вообще отказались от занятий искусством.

Но программа нацистов не ограничивалась избавлением интеллектуальной и культурной жизни Германии от «пагубных и нежелательных» элементов. Оставалась еще небольшая проблема заполнения образовавшейся художественной пустоты новым материалом. Этот процесс нацисты держали под жесточайшим контролем. Вследствие этого государство следило за искусством и культурой точно так же, как за всеми прочими сферами человеческой деятельности, — при помощи *gleichschaltung*, то есть координации и «объединения». Это означало, что соответствующие государственные органы координировали германское искусство, приводили его в соответствие с верным национал-социалистическим курсом и объединяли идеологически с нацистской государственной машиной.

Имперская палата культуры

Главной из этих новых организаций стала Имперская палата культуры. Палата подчинялась непосредственно министерству пропаганды и подразделялась на семь отделов, надзиравших за разными сферами культурной жизни Германии. Там были отделы литературы, средств массовой информации, радио, театра, музыки, изобразительных искусств и кинематографии. Эти подпалаты эффективно контролировали всю германскую культуру; они выпускали четкие инструкции о том, какие именно стили разрешены к использованию, и сообщали художникам, какого рода произведений от них ждут, причем первостепенную роль здесь играли политические соображения. Нацисты с самого начала ясно дали понять, что художники должны разрабатывать в своих произведениях только те темы и идеи, которые будут продвигать их идеологию в массы.

Вверху: внутри олимпийского стадиона в Берлине. Несмотря на отказ нацистов от современных архитектурных стилей, неоклассические фасады их зданий нередко скрывали применение новейших строительных технологий

Нацисты верили в превосходство арийской расы над всеми остальными; соответственно, художники должны были воплощать эту идею в своих произведениях и нести ее в народ. Каким образом это осуществлялось, можно увидеть на примере скульптур, создававшихся в период правления нацистов. Вообще говоря, все высеченные в камне или отлитые в металле трехмерные изображения людей — то есть, естественно, представителей германской нации — по-

казывают идеализированных, физически совершенных суперменов. Идеальные образы арийцев, изготовленные в эллинистическом стиле Древней Греции, представляли немцев не только как героев сегодняшнего дня, но и как наследников величайшей европейской культурной и имперской традиции, наследников Александра Великого и Цезаря.

Нацисты верили также, что борьба всегда идет на пользу нации, а война — самое суровое испытание — является главным движителем национального прогресса. Считалось, что культура также должна отражать эту концепцию. Заметнее всего это было в литературе. В книгах о Великой войне, к примеру, не следовало слишком подробно описывать страдания, смерть и разрушения; вместо этого авторы должны были в грубоватой и мужественной форме рассказывать об окопном братстве, о благородстве, бесстрашии и героизме немецкого солдата. Писатель должен был не осуждать вой-

Вверху: Геббельс (*слева*), итальянский министр культуры Дино Альфиери (*в белом кителе*), Герди Троост и Адольф Гитлер на выставке великого германского искусства 1939 г. Выставка демонстрировала миру фашистскую идеологию

Слева: Королевская площадь в Мюнхене. В 1935 г. здесь было воздвигнуто два «почетных храма» для останков шестнадцати нацистов, погибших во время неудавшегося «пивного путча» 1923 г.

ну за все то зло, которое она несет людям, а продвигать и возвышать ее как движущую силу добра.

Нацисты верили, что в Германии можно создать гармоничный социальный рай; сделать это предполагалось через формирование «народной общности», основанной на концепции «крови и почвы», то есть квазимистической связи между «кровью» (расой или народом) и «почвой» (землей и естественной средой обитания). Такая связь будто бы характерна для германских народов и совершенно отсутствует у евреев, кельтов и славян. Представление о родной идиллии также следовало обязательно включать в произведения германского искусства; чаще всего это удавалось живописцам. За период правления нацистов появилось множество картин, изображающих благословенную сельскую жизнь и счастливое семейство, все члены которого трудятся на земле: мужчина работает в поле, женщина смотрит за домом и домашним очагом. Подобная сцена говорила зрителю о священности родной почвы и роли женщины как хранительницы очага, продвигала в массы нацистские представления об обществе, связанном узами крови и объединенном преданностью всех его членов фатерланду.

Нацисты верили в изначальное величие германской нации и считали, что партия призвана помочь нации занять подобающее ей место; при этом считалось, что искусство должно демонстрировать мощь немецкого народа и его уверенность в своих силах и показывать в осязаемой и понятной форме, как нацисты помогли народу подняться с колен. А поскольку ничто не может быть более вещественным и осязаемым, чем кирпичи и строительный раствор, нацисты в первую очередь обратились к архитектуре, сделав акцент на гигантские монументальные здания. Самым известным из них, вероятно, стал огромный комплекс для партийных съездов и митингов, построенный в Нюрнберге. Чтобы понять, каким образом архитектура может нести послание о германском величии, лучше всего обратиться к нацистскому плану перестройки Берлина и превращения его в новую имперскую столицу, «Германию». Новый город проектировался таким образом, чтобы затмить собой Рим; все огромные здания его предполагалось строить в неоклассическом стиле. Центральным

Внизу: «Гитлер на фронте» Эмиля Шайбе. Это типичное полотно, написанное в «героическом» стиле нацистского искусства, подчеркивает благородство немецкого солдата. Разумеется, зритель не увидит здесь жестоких реалий войны

элементом гигантской композиции должен был стать великолепный зал с куполом высотой 290 м, в шестнадцать раз превосходящий по размерам собор Святого Петра в Риме. Одетый в мрамор, он должен был стать неопровержимым символом славы немецкого народа, а также, естественно, мощи и стабильности нацистского режима.

Смерть творческой мысли

Искусство, превратившись в инструмент идеологической пропаганды, в значительной степени лишилось своей жизненной силы и воображения. Если от науки и искусства требуют следовать жестким, раз и навсегда утвержденным схемам, в оригинальности пропадает нужда. Творчество было быстро вытеснено из всех сфер; это в равной степени относится к литературе и скульптуре, к архитектуре и живописи. Тем не менее, став причиной отмирания творческого начала в большинстве областей искусства, в одной области культуры нацисты сыграли более прогрессивную роль; речь идет о современных средствах распространения аудиовизуальной информации. Радио, телевидение и кино дали им в руки высокотехнологичные средства распространения идей, и власть с готовностью ухватилась за новые возможности. Одновременно нацисты сумели значительно расширить возможности этих средств.

Радио — классический пример того, с каким энтузиазмом нацисты продвигали современные средства массовой информации. Имперская радиовещательная компания находилась под строгим контролем государства, и радиопередачи представлялись самым многообещающим средством пропаганды идей нацизма. Однако успех этого мероприятия целиком зависел от того, насколько легко было среднему немцу получить к ним доступ. Поэтому нацисты приложили все усилия к тому, чтобы каждый гражданин империи ежедневно как можно больше слушал радио. На заводах и в других публичных местах были установлены громкоговорители, что сделало совместное прослушивание радиопередач популярным времяпровождением. Одновременно режим объявил о необходимости организации массового производства дешевых радиоприемников — ведь нужно было ввести этот «самый современный инструмент влияния на массы», как назвал радио министр пропаганды Йозеф Геббельс, в каждый дом. В результате появился «Народный приемник 301», стоивший 35 рейхсмарок. Он был достаточно дешев и доступен. В результате меньше чем за десятилетие число счастливых обладателей радио выросло с 4 до 16 миллионов. Это обеспечило нацистским передачам, которые без устали неслись по волнам эфира, массовую аудиторию. Следует обратить внимание и на название прибора — Геббельс позаботился о том, чтобы оно всегда напоминало о дате прихода нацистов к власти — 30 января 1933 г. Таким образом, даже выключенный радиоприемник служил интересам режима.

Нацистское телевидение

Нацисты стали пионерами в области не только радио, но и телевидения. В 1935 г. они первыми в мире начали регулярное телевещание — на год раньше Великобритании и США. Именно пропаганда послужила мотивом такого рвения. Геббельс постоянно искал новые способы распространения нацистской идеологии и сразу разглядел возможности телевидения. Поскольку способ вещания был новым и непроверенным, германская служба телевещания пользовалась редкой привилегией — ей было позволено новаторство. Телевизионные передачи принимались в основном в Берлине, в специальных телевизионных залах, и первое время авторы программ ограничивали свой репертуар легкими развлечениями — включая музыку, домашнюю кулинарию, садоводство и другие короткие передачи на темы домашнего хозяйства. С развитием средств передачи и появлением технических новшеств вещание расширялось; передавали прямые трансляции со спортивных мероприятий (например, с берлинской Олимпиады

Слева: нацистский ночной митинг в Нюрнберге. Ночные митинги и факельные шествия были специально придуманы, чтобы подчеркнуть мощь нацизма. При этом возникала магическая атмосфера, под влияние которой попадали все участники подобных мероприятий

или европейского чемпионата по боксу), специально для телевидения снятые спектакли и новые программы. В отличие от Британской корпорации Би-би-си, прекратившей с началом войны вещание с высоким разрешением, немцы до 1944 г. продолжали вести качественные передачи, совершая по ходу дела все новые технологические и художественные прорывы.

Нацистский режим очень активно продвигал и кинематограф — по-прежнему из пропагандистских соображений. Геббельс ясно понимал способность кинофильмов «мобилизовать эмоции и сковать разум» и, соответственно, заботился о развитии германского кинематографа. В период правления нацистов в киноиндустрию вкладывались громадные средства — в результате появилось

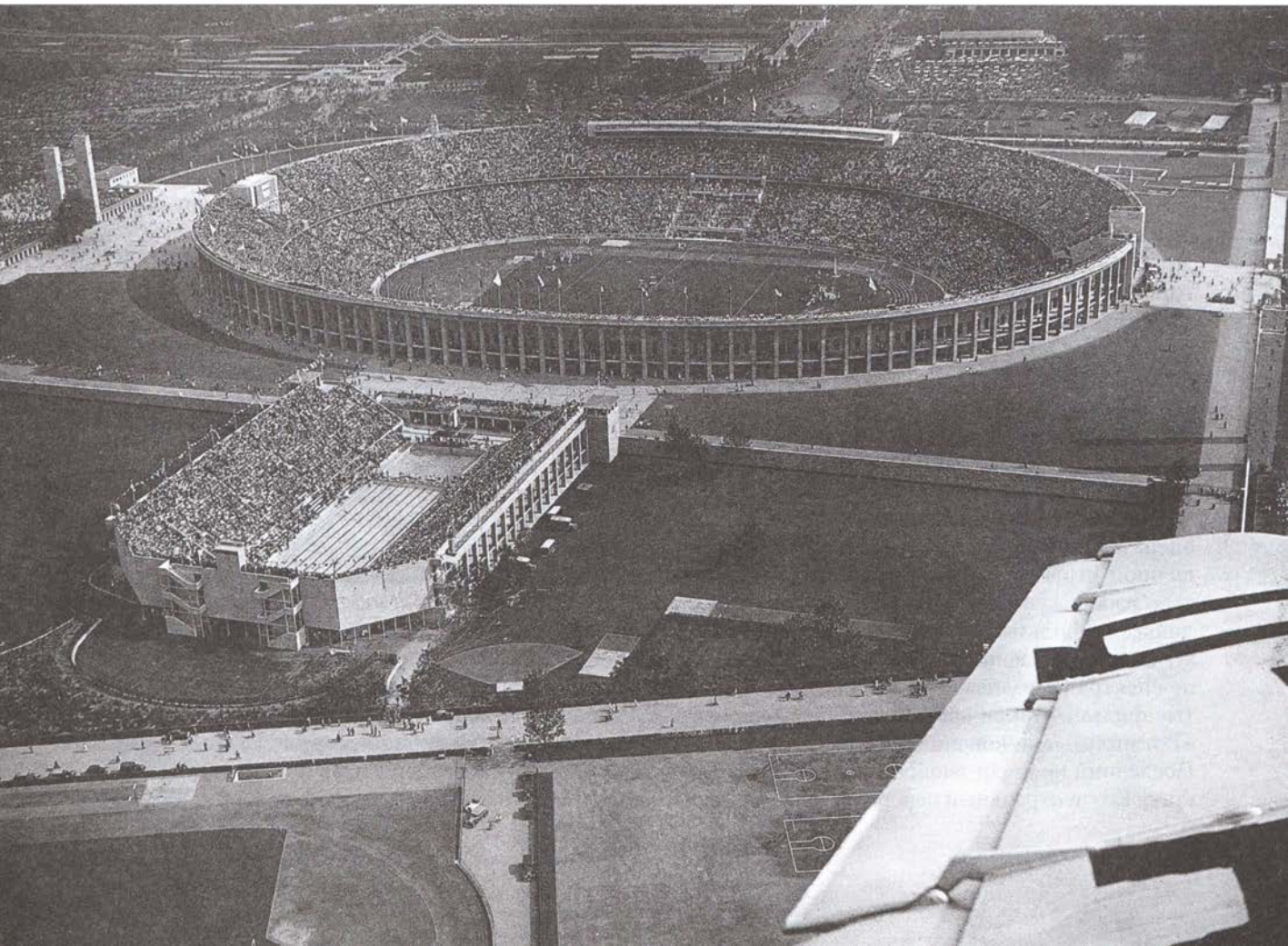
Кино (*вверху*) и радио (*слева*) были средствами, при помощи которых нацисты могли донести идеологию национал-социализма до обычных немцев

1094 полнометражных художественных кинофильма. Много денег вкладывалось и в инфраструктуру: так, число кинотеатров выросло с 5071 в 1933 г. до 7042 в 1942 г. За это же время посещаемость их выросла с 245 миллионов человек в год до более чем миллиарда.

Нацистские художественные фильмы

Как показывает эта статистика, немцы и до нацистов много ходили в кино. С одной стороны, это делало кинофильмы идеальным пропагандистским инструментом. Для большинства немцев поход в кино был способом хотя бы на время уйти от действительности. Люди хотели, чтобы их развлекали, а не бомбардировали откровенной политической пропагандой. Слишком много пропаганды — и люди, вероятно, перестали бы приходить. Тщательно прорабатывая сценарий посещения кинотеатра, нацисты не забывали и об этом. Часть времени зрители тратили на просмотр новостных роликов, в которых были неразделимо смешаны информация и пропаганда. Остальное время смотрели фильм, где пропаганда действовала скорее на подсознательном уровне. Из 1094 художественных фильмов, поставленных в нацистской Германии, 941 относился к категории комедий, музыкальных фильмов, драм, детективов или приключенческих фильмов. Их цель была отвлекать народ. Фильмы должны были внушать гражданам Германии, что все в порядке, заставлять их верить, что жизнь идет как прежде, без особых изменений. Чем меньше это соответствовало действительности — скажем, в военные годы, — тем важнее было поддерживать эту иллюзию, хотя бы при помощи фильмов.

Большая часть нацистских фильмов представляла собой обычное развлекательное зрелище, но были и выдающиеся



Внизу: вид сверху на полный стадион берлинских Олимпийских игр 1936 г. — темы кинематографического триумфа Лени Рифеншталь «Олимпия». Фильм был снят с полного одобрения нацистских властей

произведения. Некоторые из них стали классикой кинематографа. Другие представляют худшие зверства, когда-либо запечатленные на целлулоиде. В первой категории наибольшей известностью пользуются работы талантливого и неоднозначного режиссера Лени Рифеншталь, создавшей два впечатляющих полотна нацистских массовых мероприятий. Один из них — «Триумф воли», документальный фильм о съезде нацистской партии 1934 г. в Нюрнберге; фильм этот подчеркнул единство партии, представил лидеров германского народа миру и продемонстрировал силу нацизма. Второй — «Олимпия», двухсерийный фильм об Олимпийских играх 1936 г. Это шедевры технического великолепия операторской работы, образцы совершенной игры света и тени, гипнотическое изображение величественного зрелища; эти фильмы и по сей день поражают кинематографистов. На другом конце спектра — полные ненависти ядовитые фильмы, такие как «Вечный жид», «Ротшильды» и, конечно, «Еврей Зюс». Последний не имеет аналогов в истории кино. Его центральный персонаж, еврей-

ростовщик Йозеф Зюс Оппенгеймер (а расширительно и все евреи), изображен с таким ядом, с такой ненавистью, что фильм показывали в подразделениях СС перед операциями по ликвидации евреев Восточной Европы; считалось, что он помогает мотивировать эсэсовцев. Этими

Вверху: кинотеатр с афишей фильма «Танцовщица из Сансуси, или Барберина» с Лил Даговер, «гранддамой» немецкого кино. Ее фильмы были легкомысленным развлекательным зрелищем и, как правило, не затрагивали расовые проблемы

Слева: актер и режиссер Вейт Харлан в главной роли в фильме «Еврей Зюс». За участие в создании этого фильма он был арестован союзниками. В апреле 1949 г. Харлан был признан невиновным в преступлениях против человечества и освобожден

Слева: Кристина Сёдербаум (*слева*), одна из крупнейших кинозвезд нацистского режима, светловолосая и голубоглазая красавица. Была замужем за Вейтом Харланом. После войны оправдана союзниками и признана невиновной в военных преступлениях. На фото кадр из фильма «Еврей Зюс»

качествами фильм фактически подготавливал холокост. Именно поэтому режиссер фильма Вейт Харлан после капитуляции Германии в 1945 г. был арестован за преступления против человечества (позже он был оправдан судом, но попал в черный список и несколько лет с большим трудом находил работу).

Подход к искусству как к преступлению — очень точная эпитафия нацистской культуре. Руководство национал-социалистической партии на всех уровнях превращало то, что должно быть высочайшим творением человека, в нечто грязное и низкое. Началось все со лжи о намерениях в отношении культуры. В 1933 г. Геббельс утверждал, что нацисты «собираются не ограничивать, скорее наоборот, поощрять художественно-культурное развитие». После этого нацисты начали демонстрировать свои культурные ценности: жечь книги, преследовать художников, подавлять оригинальность и творческое начало. Добившись своего, пошли еще дальше — употребили свои власть и энергию на то, чтобы заставить культуру служить автократическому государству. Искусству позволялось существовать в нацистской Германии постольку, поскольку оно продвигало в массы идеологию нацистского режима и побуждало обычных людей принять национал-социалистические ценности. Зная о том, что это были за ценности, легко признать неоспоримый факт, что плата за ненадежное существование была весьма высокой. Фашистское искусство, как объясняла Сьюзен Зонтаг, «восхваляет капитуляцию, превозносит бессмысленность, идеализирует смерть». Если так сформулировать его роль, то нечего удивляться, что значительная часть культурных произведений, появившихся в нацистской Германии, являют собой образец отупляющей посредственности. Неудивительно и появление таких произведений, как фильм «Еврей Зюс», — произведений, которые способны были подстрекать к убийству. Как заметил Эрнест Блох, культура Третьего рейха напоминала царя Мидаса наоборот: все, к чему она прикасалась, обращалось в грязь. По инициативе и под руководством нацистов было создано много грязи, низости и отчаяния. Это и есть сумма их культуры.

Глава 4

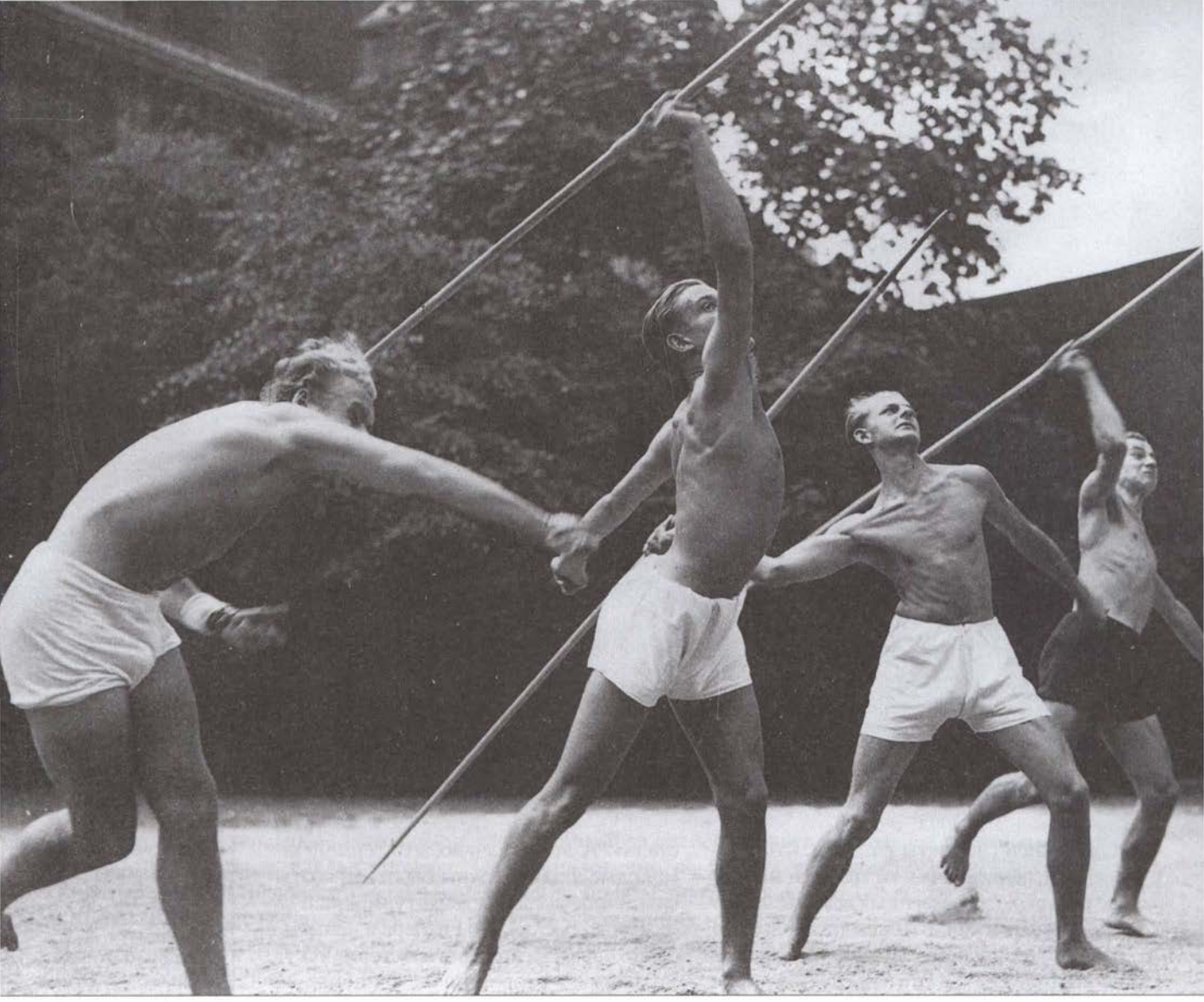
Молодые немцы и молодежная политика нацистов

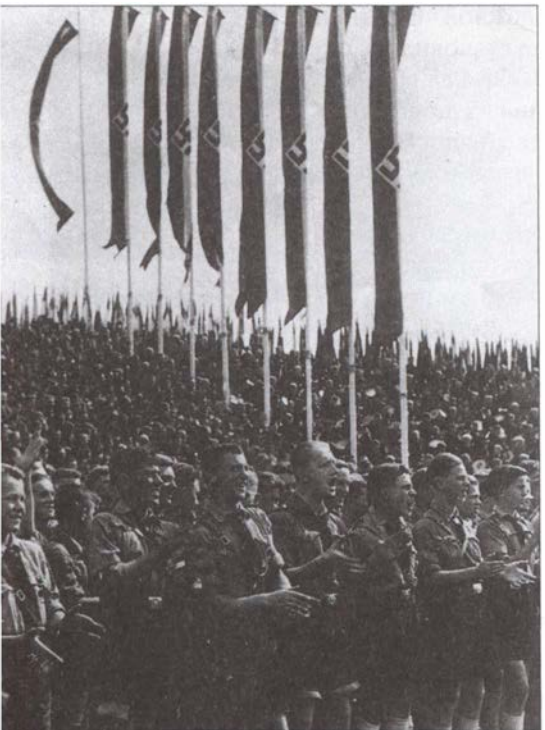
Тщательнейшим образом формируя ментальность молодых, нацисты обеспечили себе постоянный приток верных и надежных соратников, убежденных национал-социалистов. В школе молодежь изучала нацистскую идеологию, а вне школы энтузиазм молодежи обуздывал гитлерюгенд.

Задачей первостепенной важности для Гитлера и нацистов было обеспечение влияния на молодежь. Отчасти это объяснялось их болезненным стремлением к омоложению германской нации. Нацисты рассматривали себя как строителей «новой Германии» и намеревались выковать новую породу немцев, пригодную для роли «господствующей расы». Сырьем для этого проекта — людьми, из которых вырастут «арийские полубоги», способные омолодить нацию, — должен был стать самый молодой, самый динамичный и лучше всего поддающийся обработке слой населения Германии. Поэтому немецкие дети и подростки представляли для национал-социалистического руководства особый интерес.

Кроме этих глубоко идеологических соображений, навязчивые мысли о молодежи объяснялись и другими мотивами. Необходимость обеспечить нацистам поддержку немецкого народа была первейшим из них — ведь на выборах в марте 1933 г. за национал-социалистов проголосовало меньше половины избирателей. Нацисты прекрасно понимали, что в долговременной перспективе обеспечение влияния на новое поколение означает поддержку большинства населения.

Внизу: Адольф Гитлер с членами гитлерюгенда, 1935 г. Эти юноши — члены организации «Гитлеровская молодежь», в которую принимали мальчиков от 10 до 14 лет. Обратите внимание на их полувоенную форму





Если человека можно еще в детстве сделать страстным национал-социалистом, то он, и повзрослев, почти наверняка останется таковым. Это и было стратегической целью Гитлера. Вот что он сказал в речи, произнесенной 6 ноября 1933 г.: «Когда противник говорит: «Я не перейду на вашу сторону», я спокойно отвечаю: «Ваш ребенок уже принадлежит нам... Вы уйдете. Но ваши потомки уже теперь стоят в новом лагере. Очень скоро они не будут знать ничего, кроме нашего нового общества».

В дополнение к внутренним политическим расчетам, молодые люди были и существенным элементом внешнеполитической повестки Гитлера, особенно его заветной цели завоевать Европу и создать новое жизненное пространство

Вверху: немецкие юноши метают копья. Нацисты поощряли занятия спортом как способ сделать молодых людей «твердыми, как крупповская сталь»

Слева: сотни членов гитлерюгенда восторженно приветствуют Адольфа Гитлера во время его прибытия на Нюрнбергский съезд 1935 г.

для немцев (нацисты считали, что Германия перенаселена и ей требуется больше сельскохозяйственных земель, чтобы прокормить себя; эти земли следовало отнять у «низших» славянских народов на востоке). План этот предусматривал обширные территориальные завоевания; соответственно, требовалась военная «живая сила» в большом количестве. Гитлер никогда не забывал, что сегодняшние дети — это завтрашние солдаты, и рассматривал германскую молодежь в ореоле потребностей грядущей войны. Он рассчитывал сделать так, чтобы молодое поколение Германии, ничего не подозревая, морально и физически готовилось к вооруженному конфликту. Он был совершенно серьезен, когда говорил на Нюрнбергском съезде партии в 1935 г.: «То, чего мы ждем от нашей германской молодежи, в корне отличается от того, что ждали люди от молодежи в прошлом. Мы считаем, что германский юноша будущего должен быть стройным и гибким, быстрым, как гончая, прочным, как ремень, и твердым, как крупповская сталь». А это означало, что германские молодые люди должны были вырабатывать в себе все качества штурмовика.

Поскольку целью Гитлера и нацистов было навсегда превратить германскую молодежь в сторонников национал-социализма, а затем и в солдат, главными принципами их молодежной политики совершенно неизбежно становились систематическая идеологическая обработка и военизация германских детей и подростков. Соответственно, нацисты начали менять характер повседневной жизни молодых немцев.

В нацистской Германии знакомство детей с культурой и подлинными знаниями стало для учителей второстепенной задачей. Вместо этого, как свидетельствует декрет от 18 декабря 1934 г., «главной задачей школы было воспитание молодежи для служения нации и государству в духе национал-социализма». Исходя из этого нацисты в первую очередь озаботились политической благонадежностью учителей, для чего «организовали» их в Национал-социалисти-

Вверху: члены гитлерюгенда защищают уши во время стрельбы из пулемета с водяным охлаждением и автоматической подачей ленты. Знакомство с различными типами оружия должно было подготовить германских юношей к выполнению национального долга — службе в вермахте

Справа: типичная сцена в школьном классе Германии 1930-х гг. Чтобы «правильно» учить детей, все учителя должны были пройти месячный курс обучения, организованный нацистской партией

ческий союз учителей. После этого переписали учебный план, сделав упор на ключевые моменты идеологии нацизма. Так школьный класс превратился в площадку для подсознательного освоения идей национал-социализма. К примеру, на уроках музыки учили антисемитизму — основным учебным текстом служило эссе Рихарда Вагнера «Евреи в музыке». Аналогично на уроках немецкого языка изучались почти исключительно тексты о сражениях и конфликтах — в результате милитаризм и любовь к войне — вот что пропагандировали эти уроки. Позже один из учеников того времени вспоминал:

Вверху: мальчики из гитлерюгенда проносят на параде свои знамена. Маршировка и другие занятия на свежем воздухе были очень популярны.

Слева: Бальдур фон Ширах, глава гитлерюгенда с 1933 по 1940 г. Говорили, что он прочел «Майн кампф» за один вечер; по слухам, его жена-американка одно время была любовницей Гитлера

«Значительную часть обязательного чтения на уроках немецкого языка составляла мировая военная литература... Как правило, это были книги вроде «Семеро под Верденом» или «Группа Бозе-мюллера», в которых, несмотря на все ужасы современной войны, торжествовало фронтовое товарищество — и если уж герой погибал, то его, по крайней мере, награждали Железным крестом».

Для пропаганды нацизма чаще всего использовалась история. Вильгельм Фрик, министр внутренних дел, заметил в мае 1933 г.: «Из всех школьных предметов на первом месте стоит история. Поэтому развитию методики преподавания истории следует уделять особое внимание». Это «особое внимание» заключалось в манипулировании прошлым так, чтобы оно подтверждало истинность нацистской идеи. В результате немецких школьников учили, что во все времена германский народ превосходил по своим качествам все остальные народы. Несмотря на это очевидное превосходство, злобные и хитрые враги постоянно угрожали величию германской расы. В национал-социалистической версии истории эти враги поразительно походили на реальных и воображаемых внутренних врагов нацистского режима — коммунистов и евреев. Таким образом, вольная интерпретация прошлого позволяла оправдывать преследования и угнетения невинных людей в настоящем.

Герои прошлого и настоящего

Точно так же возводили в статус героев с помощью фактов прошлого Гитлера и других руководителей-нацистов. Согласно новой школьной программе по истории, несмотря на все усилия врагов, Германии всякий раз удавалось сохранить величие — в нужный момент появлялся национальный герой, способный отвратить опасность и повести Германию к новым славным вершинам. Если речь шла о героях прошлого, то упоминались такие фигуры, как Карл Великий, Фридрих Великий и Бисмарк. Герои настоящего, говорилось в учебниках, вышли из хаоса веймарских лет, чтобы спасти Германию от экономической и политической катастрофы; естественно, назывались Гитлер и другие руководители национал-социалистической партии. Из всего этого следовал несложный вывод: Гитлер — это новый Карл и новый Фридрих.

Школьные классы стали эффективными — но ни в коем случае не единственными — площадками идеологической обработки. Кроме школьной системы, средством продвижения национал-социалистической идеи стали многочисленные молодежные организации, созданные нацистами для того, чтобы обеспечить идеологическую обработку детей и в свободное время тоже. Самая известная из этих организаций — «Гитлеровская молодежь», или гитлерюгенд. Почти сразу после захвата власти нацисты создали систему учреждений, которые могли охватить и организовать всех детей и подростков Германии. Возглавил эту систему «вечный мальчик» Бальдур фон Ширах, назначенный 17 июня 1933 г. главой молодежи германского

Вверху: члены Союза германских девушек в летнем лагере. В Третьем рейхе считалось, что женщина должна быть хорошей матерью, женой и нацисткой. В политику, армию и полицию женщины не допускались

рейха. Система включала в себя четыре основных элемента. Это две ассоциации для девочек: Союз девочек, охватывавший девочек с 10 до 14 лет, и Союз германских девушек в возрасте 14—18 лет. Аналогично у мальчиков: «Германская молодежь» для мальчиков 10—14 лет и сам гитлерюгенд для юношей с 14 до 18 лет.

Первоначально набор в эти группы осуществлялся на добровольной основе, и Ширах заявлял, что «ни одного мальчика насильно не заставят вступать в гитлерюгенд». Тем не менее, чтобы убедить детей вступить добровольно, усилий не жалели. Для этого, в частности, постепенно были ликвидированы все другие молодежные организации. Левое движение трудовой молодежи было откровенно запрещено, тогда как другие ассоциации со временем вынуждены были слиться с гитлерюгендом и стать частью процесса приобщения к господствующей идеологии. Избежать этой участи смогла только Лига католической молодежи; ее защитил конкордат — соглашение между Гитлером и Ватиканом. Но и в этом случае на молодых людей, посещающих клубы католической молодежи, оказывалось серьезное давление; их пытались уговорить вступить вместо этого в гитлерюгенд. Известны случаи, когда учителя задавали тем из учеников, кто не был членом этой организации, дополнительные домашние задания. Если этого оказывалось недостаточно, им угрожали побоями. Подобными средствами нацисты без особого труда добились для себя монополии на молодежные организации. Дети, хотевшие участвовать в работе какой-нибудь ассоциации, поневоле шли к ним. Более позитивной формой привлечения подростков служила срежиссированная на-

Вверху: немецкие мальчики с письмами-разрешениями от родителей стоят в очереди, чтобы стать членами «Германской молодежи». После вступления каждый новенький становился «малышом» и должен был подвергнуться психологическим и физическим испытаниям

цистами пропагандистская кампания, призванная подчеркнуть «новое товарищество», которое будто бы привнесли в молодежную среду нацистские молодежные организации. Ярким образцом такой пропаганды может служить кинофильм «Квекс из гитлерюгенда», который вышел на экраны в 1933 г. и имел громадный успех. В нем рассказывалось о жизни реального человека — пятнадцатилетнего члена гитлерюгенда Герберта Норкуса, распространявшего нацистскую предвыборную литературу в Берлине в январе 1932 г. и убитого группой боевиков-коммунистов. Фильм следит за судьбой выдуманного героя Гейни Фёлькера. Сюжет, хотя и составленный из одних только штампов, производит сильное впечатление. Гейни, герой фильма, вырос в рабочем районе Берлина. Его отец, всю жизнь состоявший в компартии, изображен как алкоголик, грубиян и бездельник, который делает несчастными Гейни и его мать. Мать в отчаянии совершает самоубийство, зато Гейни вступает в гитлерюгенд и находит там утешение, настоящих друзей и цель жизни. Его преданность «новой семье» такова, что мальчик, защищая своих новых товарищей от коммунистического заговора, умирает смертью мученика; перед самым концом он говорит, что «знамя значит больше, чем смерть». Фильм посмотрели многие тысячи подростков, и для них заключенное в фильме послание — о том, что гитлерюгенд способен дать чувство товарищества, цель и дело, за которое можно пожертвовать жизнью, — было и очевидным, и привлекательным.

В результате всех этих действий нацистские молодежные организации стали весьма привлекательными для германских детей. Историк Стивен Робертс, посетивший нацистскую Германию в середине 1930-х гг. и наблюдавший эту систему в действии, отметил, что «дети хотели вступить в гитлерюгенд. Остаться за бортом этой организации было худшим наказанием». Количество членов росло по экспоненте. Если в декабре 1932 г. нацистское молодежное движение насчитывало всего лишь 108 тысяч членов, то к концу 1933 г. их число достигло 2,2 миллиона, к концу 1934 г. поднялось до 3,6 миллиона, в 1935 г. было чуть меньше 4 миллионов и в 1936 г. до-

стигло 5,4 миллиона. В этот момент, когда соперничающие молодежные организации были эффективно устранены, а большинство молодых немцев уже состояло в организации, был принят закон, который сделал членство в ней практически обязательным. В результате численность организации поднялась до чуть больше 7 миллионов членов и на этом стабилизировалась. Объединение 7 миллионов молодых немцев в одну организационную структуру дало нацистам неограниченные возможности по усилению программы идеологической обработки и милитаризации, уже осуществлявшейся в германских школах. Молодые национал-социалисты с энтузиазмом приступили к выполнению этой задачи.

С момента вступления в ряды германской молодежной организации подросток постоянно подвергался всевозможным воздействиям, целью которых было сформировать из него верного и покорного исполнителя воли нацистского государства. Новые члены гитлерюгенда должны были принести присягу на верность фюреру. Была разработана церемония приема, призванная придать событию торжественный характер, сделать его величественным и запоминающимся, внушить юному рекруту уважение к руководству. Вот что было написано в одном руководстве для партийных работников: «Нужно, чтобы принятие новых членов проводилось торжественно; это имеет важнейшее значение. Час приема должен стать для каждого великим событием в жизни». Ребенок переходил с одной ступени организации на другую, и его продвижение сопровождалось подобными торжественными церемониями; ему постоянно напоминали о священности нацистского руководства и о его могуществе.

Воспитание верности Гитлеру и национал-социалистическому государству было, разумеется, ключевой целью нацистского молодежного движения; тем не менее это была не единственная концепция, которую они старались донести до немецкой молодежи. Еще одним посланием была ценность личного опыта, особенно опыта физической деятельности. Эту концепцию также продвигали различными способами. В июне 1935 г. было принято решение о том, что каждый молодой немец должен в обязатель-

Внизу: герой фильма «Квекс из гитлерюгенда» лежит на кровати под присмотром своей подружки после уличной драки с коммунистами. Фильм был очень популярен в Германии и заметно увеличил число желающих вступить в гитлерюгенд

Слева: мальчики из гитлерюгенда на стрельбище. Тренировки в обращении с оружием и всевозможные военизированные упражнения были чрезвычайно популярны. При помощи подобных методов подростков можно было превратить в настоящих нацистов

Справа: побудка в летнем лагере гитлерюгенда под Вёртерзее в августе 1938 г. В результате увлечения активными занятиями на свежем воздухе к началу Второй мировой войны молодежь Германии была физически самой крепкой в Европе

Слева: одной из целей гитлерюгенда было пробудить в мальчиках латентную агрессивность. На снимке новенькие наблюдают за боксерским поединком. Каждый в свою очередь тоже становился участником поединка; пары подбирались по росту и весу

ном порядке посвятить шесть месяцев ручному труду; целью было дать молодому поколению возможность на собственном опыте понять значение тяжелого напряженного физического труда. По большей части физическая активность под эгидой нацистского молодежного движения принимала форму всевозможных спортивных соревнований, в том числе по любимому Гитлером боксу, а также различные походы и жизнь на природе. Все упражнения были направлены на развитие физической формы, умения работать в команде и духа взаимопомощи среди немецких детей и подростков. Эти качества необходимы в военной жизни; мы видим, что вся работа нацистского молодежного движения намеренно строилась так, чтобы как можно больше облегчить превращение мальчика в солдата. И это не единственные черты гитлерюгенда, призванные обеспечивать нужды будущей военной службы. Тщательно продуманная форма, отдание салюта, военизированные парады, знамена и церемонии, структура самого движения с его региональными и местными отделениями — все это заранее знакомило членов молодежного движения с тем, с чем им предстояло столкнуться во время службы государству.

Итак, молодые немцы как через систему школьного образования, так и через нацистское молодежное движение систематически подвергались идеологической обработке и привыкали к тотальной регламентации. Естественно, возникает вопрос: насколько успешной была такая обработка? Удавалось ли нацистам воспитать свою невольную аудиторию — немецких детей и подростков — в духе преданности режиму и милитаристских ценностей?

С одной стороны, на этот вопрос следует ответить так: доля успеха была чрезвычайно высока. Огромное большинство молодых немцев принимали участие в деятельности одной или нескольких ветвей нацистского молодежного движения, и многие из них относились к этому с энтузиазмом. Как писала Мелита Машманн, одна из руководителей Союза гер-

Внизу: Бальдур фон Ширах (*в центре*) показывает фюреру проектную модель школы им. Адольфа Гитлера, апрель 1937 г. Из-за начала Второй мировой войны грандиозная схема так и не была полностью реализована

Вверху: знамена гитлерюгенда на параде, сентябрь 1938 г. Мечтой любого юноши, неоспоримым поводом для гордости было получить в награду особый кинжал, пройти на глазах у всех в первом ряду колонны под лозунгом «Кровь и честь»

манских девушек, «ненасытная жажда действия и движения, которую испытывают многие молодые люди, находила достойное проявление в стремительных активных программах гитлерюгенда». Принимая участие в различных мероприятиях и испытывая при этом исключительно положительные эмоции, многие молодые немцы всем сердцем принимали национал-социалистическую партию и превозносили ее достоинства всем своим друзьям и родным. Этот факт с очевидностью проявился в некоторых «Рассказах о Германии», подготовленных Социал-демократической партией Германии в изгнании (SOPADE). В выпуске за июнь 1934 г. имеется такое наблюдение:

«...Молодые люди следуют указаниям гитлерюгенда и требуют от своих родителей, чтобы те стали нацистами, отказались от марксизма, реакционизма и общения с евреями. Именно молодые люди приносят домой восторженное отношение к нацизму. На старших уже никто не обращает внимания... секрет национал-социализма — это секрет его молодежи».

Существует множество свидетельств того, что система, кроме верности, воспитывала в молодых немцах готовность повиноваться и воинственный дух. Вспоминая себя в 1930-х гг., один молодой немец рассказал, что в результате постоянной муштры и идеологической обработки школьники «были идеологически запрограммированы на подчинение приказу, на извечную солдатскую добродетель встать во фрунт и сказать: «Так точно!..» К несчастью, это была не единственная солдатская добродетель, которую усваивали молодые люди. Дальше в этих же мемуарах говорится, что постоянная обработка в духе национал-социалистических идей превращала молодых немцев «в старательное пушечное мясо национал-социализма, готовое ко Второй мировой войне».

Вверху: идеологическая обработка в духе нацизма начиналась в самом раннем возрасте. Дети посещали мероприятия «крови и почвы» (*слева*) и торжественные шествия в честь тевтонских рыцарей в Мариенбурге (*справа*)

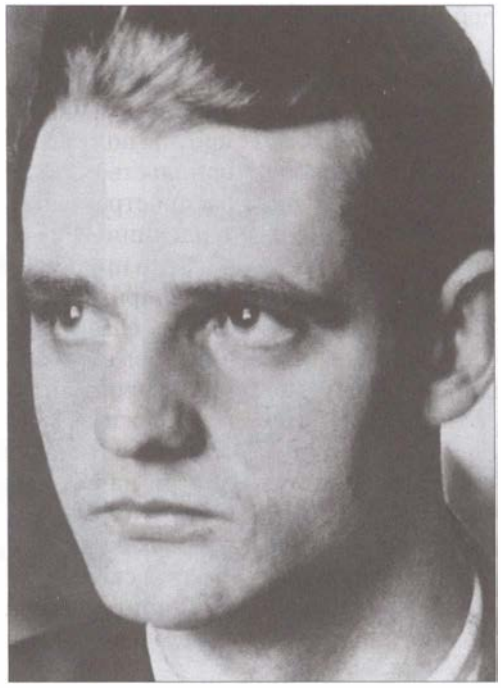
Успехи этих организаций тем не менее не следует переоценивать. Хотя для большинства молодых немцев участие в нацистском молодежном движении означало верность режиму и усвоение по крайней мере части национал-социалистической идеологии, существовало меньшинство значительное по численности, для которого дело обстояло совсем не так. Посередине между двумя группами размещались те, кому все это было просто неинтересно и кто принимал в движении только символическое участие. Эти юноши вступали в нацистские организации лишь потому, что это было обязательно, и принимали в их работе минимальное участие — только бы не обратить на себя внимание или не навлечь наказание. Такая стратегия гарантировала, что недостаток энтузиазма с их стороны не будет замечен и отмечен на будущее. На другом конце шкалы находились те, кто, из-за отвращения к жесткой регламентации нацистского молодежного движения или из-за неприятия любого авторитета вообще, бунтовал против системы. Бунт выражался в том, что эти молодые люди отвергали нацистскую молодежную субкультуру и объединялись в собственные недозволенные группы вне нацистского молодежного движения. Они доставляли властям серьезные неприятности, поэтому за их деятельностью тщательно следили.

Одна из самых известных групп — «Свингующая молодежь» (Свинг-югенд) — состояла в основном из молодых немцев, выходцев из среднего, как правило городского класса. Свое несогласие с режимом они выражали в том, что отвергали предпочтительную с точки зрения режима «немецкую» музыку и обожали джаз. Нацисты считали, что джаз, возникший в черных кварталах США, порочен уже своим происхождением; это означало, что поведение свин-

гующих молодых людей противоречит расовым принципам национал-социализма. Это было достаточно плохо и в мирное время, а с началом войны, когда Германия вступила в вооруженный конфликт с Великобританией и Америкой, на тех, кто предпочитал культуру врагов режима, легло дополнительное клеймо «негерманского» и непатриотического поведения. Ко всему прочему, свингующие молодые люди любили одеваться в «английском» стиле, носили клетчатые спортивные пиджаки и свернутый зонтик под мышкой. Это еще сильнее раздражало руководство рейха, которое в конце концов рекомендовало принять против свингеров строгие меры. Гиммлер, например, призвал отправить лидеров «свингующих» в концлагеря, где их можно муштровать и «устраивать им взбучки» до тех пор, пока не согласятся с правилами и нормами государства. Как он выразился: «По моему мнению... это безобразие должно быть вырвано с корнями и уничтожено. В этом деле я против полумер... Только грубым вмешательством сможем мы предотвратить распространение этой англофильской тенденции».

Если пристрастие к джазовой музыке могло привести молодого немца в концлагерь, едва ли стоит удивляться тому, что связь с любой из групп, которые нацисты считали активными противниками режима, могла закончиться значительно более суровым наказанием. Несмотря на все давление, социальную и политическую унификацию, в рабочих районах нацистской Германии возникло сразу несколько таких групп. В их числе «Лейпцигские банды», насчитывавшие 1500 членов, «Мюнхенские трубачи» и

Внизу: нацистский детский стишок. Мишенями для нацистской идеологии служили даже совсем маленькие дети — обратите внимание на флажки, форму и игрушечное оружие в руках детей



Слева: некоторые молодые немцы были активными противниками нацизма. Это Софи и Ганс Шолль, лидеры группы Сопротивления «Белая роза». Оба они были обезглавлены на гильотине в феврале 1943 г.

«Пролетарские отряды». Некоторые из этих групп участвовали в яростных схватках с членами гитлерюгенда. По сравнению с более ранними социал-демократическими и коммунистическими молодежными ассоциациями эти группы, безусловно, были шагом назад, но они отвергали нацистскую идею «народной общности» и утверждали первичность классовой принадлежности.

Еще более вызывающими были действия группы «Белая роза» — организации, которую возглавляли пятеро студентов Мюнхенского университета. Будучи принципиальными противниками нацистского режима, руководителей которого они называли «зверями» и «преступниками», члены «Белой розы» выпустили серию памфлетов, разоблачающих внутреннюю тиранию нацистов, их внешнюю агрессию и преступления против человечества в форме уничтожения евреев и поляков. Их второй памфлет начинался так: «Невозможно догово-

Внизу: не все члены гитлерюгенда были фанатичными сторонниками нацизма. Эти мальчики без боя сдались американским войскам в Кронахе (апрель 1945 г.). Они наблюдают, как сгорает на улице их униформа

риться с национал-социализмом с позиций разума и логики, поскольку он не имеет никакого отношения к разуму. Вы не можете говорить об идеологии национал-социализма. Если бы такая вещь существовала, вы поневоле должны были бы защищать или анализировать ее с позиции разума. На самом же деле все выглядит совершенно иначе. Когда это движение еще находилось в зачаточном состоянии, оно полагалось исключительно на обман. Даже тогда оно было насквозь прогнившим и могло поддерживать свое существование только при помощи постоянной лжи». Это был серьезный вызов режиму, и тот ответил соответственно: после захвата члены группы были подвергнуты пыткам и обезглавлены.

Не меньше проблем для режима создавали различные группы, вместе известные как «Пираты эдельвейса». Названные по эмблеме «цветок эдельвейса», которую их члены носили на вороте своей неизменно яркой одежды, эти группы состояли из молодых людей, которые не только не были согласны с авторитарной и строго иерархической структурой нацистских молодежных организаций, но и готовы были предпринимать против них рискованные действия. Кроме обычных акций протеста — в частности, «пираты» собирались возле отделений гитлерюгенда, слушали «негерманскую» музыку и танцевали, — они сочиняли антинацистские песенки, писали антинацистские лозунги на стенах германских городов и даже затевали драки с теми, кто поддерживал нацистский режим, в первую очередь с членами гитлерюгенда. Появление на стенах дюссельдорфских подземных переходов лозунгов «Долой Гитлера» и нападения на членов гитлерюгенда представляли для властей реальную — хотя и не особенно серьезную — угрозу и были событиями, которые режим не мог спокойно терпеть. Гестапо предпринимало решительные меры для обнаружения и ареста лидеров групп. С теми, кого удавалось взять, обходились весьма сурово. К примеру, в ноябре 1944 г. были публично повешены несколько кельнских «Пиратов эдельвейса», одному из которых было всего 16 лет.

Эти казни непредвзято свидетельствуют о характере нацистской молодежной политики. Целью режима было превратить молодежь Германии в верных сторонников нацизма и готовых к самопожертвованию солдат. Те, кто попал под действие тщательно разработанной режимом программы идеологической обработки, в результате мало что получили кроме шанса умереть на поле боя. Те, кто сопротивлялся, рисковали подвергнуться преследованиям и умереть у себя дома. Поэтому молодежная политика нацистов, в сущности, свелась к тому, что молодое поколение страны было целиком принесено в жертву безумной идее.

Внизу: члены гитлерюгенда, захваченные в Берлине в мае 1945 г. Этим повезло. Тысячи мальчиков погибли в Германии в 1945 г., пытаясь остановить продвижение войск союзников, особенно русских, которых все очень боялись

Глава 5

Женщины

Национал-социализм исключил женщин из политики, запретил им служить в вооруженных силах и заниматься юриспруденцией. Партия видела роль женщины в том, чтобы быть хорошей матерью, женой и нацисткой, — в развитие известного лозунга «Дети, церковь, кухня».

Идеи нацистов нередко базировались на том, что они считали непреложным законом природы. В частности, они верили, что отношения в обществе должны основываться на непоколебимом биологическом фундаменте расовой принадлежности; из этого следовало, что евреи, цыгане и славяне (о которых нацисты говорили не иначе как об «отбросах» и «недочеловеках») никак не могут быть равны немцам-арийцам. И отношение нацистов к полу основывалось, по их мнению, на столь же непреложных законах природы. Поэтому не стоит удивляться, встречая в речи Гитлера перед членами нацистской женской организации (1934) такие слова: «Мы считаем, что женщина не должна вмешиваться в мир мужчины, в его главную сферу. Мы считаем, что эти два мира и впредь должны быть естественным образом разделены».

Аргумент не нов — это всего лишь новое изложение старой теории двух сфер: в ней публичная, политическая сфера принадлежит исключительно мужчинам, а женщине остается частная, домашняя сфера. Такой подход легко понял бы любой человек середины XIX в. По существу, эта позиция глубоко консервативна; именно консерватизм сделал нацистское отношение к женщине популярным далеко за пределами обычного круга сторонников нацизма. Взгляды и политика нацистов в вопросах секса, брака и семьи выглядели весь-

Внизу: германские солдаты в землянке во время Первой мировой войны. После той войны многим ветеранам, ставшим членами нацистской партии, хотелось воссоздать испытанное однажды мужское окопное братство — и женщинам там места не было

ма привлекательными в глазах немецких католиков — как отдельных людей, так и организованных групп, таких как прихожане какой-либо конкретной церкви. Среди ветеранов Первой мировой войны, которых в нацистской партии и СА поначалу было очень много, мужской шовинизм был обычным явлением — и это неудивительно, ведь эти люди пытались воссоздать в мирной жизни чистое мужское окопное братство. В результате еще до 1933 г. женщины были практически не допущены на поле деятельности нацистов.

Такое отношение еще усиливалось тем, что нацисты всегда выступали против демократических начинаний Веймарской Германии, которая ввела всеобщее избирательное право и чрезвычайно активно создавала новые возможности для женщин в сферах образования и работы. У недовольных и маргинальных первых нацистов образ «современной женщины» вызывал исключительно ненависть. В образе этом удивительным и сложным образом переплелись «синий чулок», то есть образованная женщина; женщина, занятая оплачиваемым трудом на производстве и забросившая поэтому мужа и детей; женщина в брюках и с сигаретой во рту; женщина, которая может оказаться проституткой, а то и лесбиянкой; и женщина, требующая себе прав и при этом не выполняющая своих домашних обязанностей. Неудивительно, что Гитлер пошел еще дальше и заявил в своей речи 1934 г.: «Лозунг эмансипации женщин придумали еврейские интеллектуалы». Более серьезного обвинения в дурном влиянии на истинно германскую женственность, да еще из уст самого фюрера, невозможно себе представить.

Отношение нацистов к женщинам

Когда нацисты пришли к власти, их отношение к женщинам было принципиально антифеминистическим, антилиберальным и весьма покровительственным. Отвергая веймарскую демократию с ее претензией на равенство, они отвергали и все с ней связанное, в частности

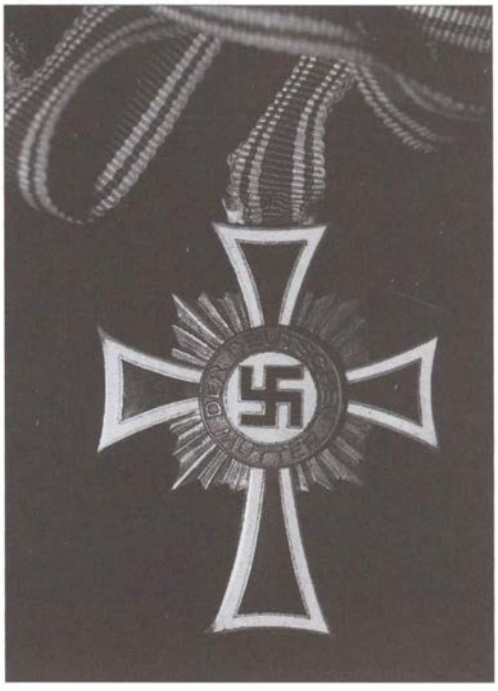
неподобающую роль и статус женщины в обществе. Вместо этого они предлагали женщине иную, «более истинную» роль. В речи 1934 г. Гитлер сказал: «То, что мужчина отдает на поле боя храбростью, женщина отдает вечным самопожертвованием, вечной болью и вечным страданием. Каждое дитя, которого женщина приносит в мир, — это сражение, которое она ведет за существование рода».

Вверху: женщина пользовалась уважением, но рассматривалась только как машина для продолжения рода

Внизу: Гитлер поощрял большие семьи, которые должны были резко увеличить численность немцев

Все вышесказанное подвело нас к центральному вопросу политики нацистов по отношению к женщине. Начиная с 1933 г. одним из ключевых требований Гитлера и нацистов было резкое увеличение рождаемости. Гитлера, Гиммлера и многих других видных нацистов преследовало навязчивое ощущение упадка Германии. Одним из признаков этого явления было уменьшение рождаемости и представление о том, что в долговременной перспективе помешать возрождению Германии как мировой державы может все более массовый приток обильно размножающихся славян. Упаднические веймарское правительство допустило появление одно- и двухдетных германских семей, которые, конечно, не могли служить прочным фундаментом для возрождения Германии, стремящейся к доминирующему положению в Европе. Хотя крайние националисты и нацисты преподносили эту проблему как исключительно германскую, на самом деле она была более общей и касалась всех стран Западной Европы. После 1918 г. одновременно с резким ростом городского населения во всех развитых европейских странах уменьшилось число детей в городской семье — ведь так люди могли добиться более высокого уровня жизни и комфорта. Во Франции дела обстояли не лучше, в Австрии — даже хуже, чем в Германии. Предвзятое отношение и жесткая политика не позволили нацистам более трезво оценить ситуацию.

Вверху: Гитлер, добиваясь резкого роста населения Германии, имел в виду только чистокровных арийцев. Неарийцам, а также инвалидам и душевнобольным (как на фото) в Третьем рейхе места не было



Слева: женщины, родившие особенно много детей, награждались особыми медалями, такими как Материнский крест

В поисках детей

Нацисты склонны были рассматривать германскую женщину преимущественно как устройство для продолжения рода; длинные речи и многословные рассуждения о «подвиге материнства» лишь прикрывали этот незамысловатый факт. «Народная общность» считает, что женщины новой Германии должны рожать детей; это долг, возложенный на них природой». Исходя из этого нацисты взялись за устранение препятствий, которые будто бы воздвигла Веймарская республика на пути зачатия и деторож-

дения, — начали ревностно претворять в жизнь законодательный запрет на аборты. С 1934 по 1938 г. число обвинительных приговоров по этому закону выросло в полтора раза. Нацисты закрыли клиники по контролю над рождаемостью и воздвигли всевозможные препятствия на пути распространения противозачаточных средств, методик и знаний. Эта политика пользовалась в Германии полной поддержкой католической церкви.

Кроме того, нацисты стремились предложить немцам новые стимулы к зачатию и рождению детей, причем преимущественно в браке. Одним из таких стимулов был брачный заем — часть программы, принятой в июне 1933 г. и получившей название Закон о стимулировании брака. Заем должен был подталкивать пары к заключению брака и рождению детей. Он был беспроцентным и выплачивался в течение ста месяцев по 1% в месяц. Средний размер займа составлял 600 рейхсмарок, что примерно соответствовало четырехмесячному жалованью промышленного рабочего. С рождением каждого ребенка сумма долга уменьшалась на 25%. До 1937 г. включительно такой заем при заключении брака получила примерно треть всех пар — всего около 700 тысяч. Среди других мер были материнские пособия и дополнительные льготы по подоходному налогу на материально зависимых детей. Финансировалось все это за счет увеличения налогов на одиноких людей и бездетные пары. Эти меры, возможно, дали некоторый немедленный эффект и увеличили число браков, но желаемого действия на прирост населения не произвели. Число браков выросло с 630 тысяч в 1933-м до 740 200 в 1934 г., но рождаемость, соответственно, не увеличилась. В 1933 г. было произведено на свет 971 174 живых младенца; в следующем году — 1 198 350. Учитывая примерно 750 тысяч смертей в год, прирост населения составил всего лишь 450 тысяч. Только в 1938 и 1939 гг. эта величина преодолела порог в 500 тысяч.

Громкая кампания по реализации программы «Битва за рождаемость» оказалась, судя по всему, не слишком успешной, несмотря на широко разрекламированные бронзовую, серебряную и золотую медали, которыми стали награждать послушных долгу плодовитых женщин с шестью и более детьми. Большинство женщин все равно предпочитали иметь одного-двух детей. Более того, в конце 1930-х гг. появились данные о том, что около миллиона женщин все еще остаются незамужними, а 5,4 миллиона бездетны. И это несмотря на короткую, но емкую проповедь Гиммлера: «Только тот, кто оставляет после себя дитя, может умереть спокойно». К его словам

Внизу: традиционно землю обрабатывали мужчины, но с развитием городской промышленности они перебрались работать на фабрики и заводы, оставив женщин трудиться на фермах

Вверху: в сельскохозяйственной школе в Рендсбурге женщины-работницы учатся доить корову. В период пребывания нацистов у власти роль женского труда в сельском хозяйстве постоянно росла

прислушивались, а тем более следовали его указаниям явно не все германские женщины. Вероятно, такое поведение имело очень конкретную практическую причину. Экономика нацистской Германии быстро росла, но развитие ее было направлено в первую очередь на перевооружение и подготовку к войне, а не на строительство жилья. По всей видимости, реакцию женщин на нацистский призыв к размножению определял недостаток жилья и денег.

Слева: идеалом в глазах нацистов был традиционный образ женщины — хозяйки дома

Борьба за повышение рождаемости, как и все нацистские кампании, имела свою зловещую оборотную сторону. Согласно представлениям нацистов, иметь детей, и побольше, должны были только подходящие женщины, истинные арийки. При этом они боялись, что евреи, цыгане, инвалиды, люди, страдающие наследственными заболеваниями, и так называемые «асоциальные элементы» тоже начнут размножаться, нарушая таким образом чистоту германской крови. Жуткие образы этих «нежелательных элементов», которые станут для нации тяжким бременем и затормозят ее развитие, тут же появились в пропагандистских источниках и документальных фильмах. Цель пропаганды была проста — создать условия для того, чтобы меры против этих людей, которые в тот момент разрабатывало правительство, шире использовались в германском обществе. Одной из таких мер стало введение в 1933 г. принудительной стерилизации; в результате более 300 тысяч граждан Германии были подвергнуты операции, чтобы их потомство ни в коем случае не стало для нации дополнительным «бременем». Закон действовал как в отношении мужчин, так и женщин, но в целом он, пожалуй, немало говорит об

Слева: женщины посещали уроки и курсы по экономному ведению домашнего хозяйства. Кроме того, их, как в английских школах для девиц, обучали умению вести себя в обществе

отношении нацистов к женщинам и продолжению рода. Согласно их взглядам, немцы должны были рожать детей не ради себя или семьи, а ради того, чтобы в будущем эти дети стали новыми «товарищами народа». Следовательно, в обязанности родителей входило обеспечить их надлежащее воспитание, в частности членство в гитлерюгенде. Нежелание правильно воспитывать детей могло привести и приводило, в крайних случаях, к изъятию детей из семьи и помещению их в государственное воспитательное учреждение.

У этой политики была и положительная сторона. Национал-социалистическая организация социальной помощи, или *NSV*, организовывала и вела для немецких женщин программы «Мать и дитя». Ее 25 тысяч консультативных центров, кроме неизбежной идеологической обработки, предлагали желающим курсы домоводства и материнства. Утверждалось, что около 10 миллионов женщин воспользовались ими. Представление об идеологической части этой программы могут дать «десять заповедей по выбору супруга»:

1. *Помни, что ты немка.*
2. *Если ты генетически здорова, то не должна оставаться незамужней.*
3. *Держи свое тело в чистоте.*
4. *Разум и дух следует держать в чистоте.*
5. *Будучи сама немкой, выбирай супруга исключительно той же — или родственной нордической — крови.*
6. *Выбирая супруга, узнай о его предках.*
7. *Здоровье, кроме всего прочего, — непременное условие физической красоты.*
8. *Выходи замуж только по любви.*
9. *Ищи не дружка, но партнера для брака.*
10. *Ты должна хотеть как можно больше детей.*

Кроме биологического размножения, нацистов в женском вопросе принципиально интересовал еще один момент — место женщин в экономике, их жизненно важная роль как работниц. Как будет показано в главе об экономике, первоначально в 1933 г. нацисты сконцентрировались на «битве за рабочие места», и это сильнейшим образом повлияло на жизнь женщин.

В веймарский период и позже, в годы депрессии, женская занятость в германской промышленности и экономике развивалась по обычному сценарию, характерному для современного общества, где идут процессы индустриализации и урбанизации. Все чаще женщины покидали домашнюю сферу или традицион-

ный семейный бизнес вроде фермы или небольшой лавочки. Этот процесс еще усиливался последствиями Первой мировой войны — ведь женщин в Германии было примерно на 2 миллиона больше, чем мужчин. Число вдов за годы войны выросло примерно на 500 тысяч. Необходимость, а не желание, вынуждала все больше женщин выходить на рынок труда — настолько, что в 1925 г. к категории «экономически активные» было отнесено 11,5 миллиона женщин. Из них более 4 миллионов имели постоянную оплачиваемую работу вне семейных ферм или магазинчиков. Они стали частью специализированной рабочей силы на производстве, в торговле и всевозможных центральных и местных государственных учреждениях. Женщины выступали в роли машинисток, секретарш, продавщиц, врачей, учителей, сиделок, кинозвезд, актрис и музыкантш. Многие стремились воспользоваться новыми, открытыми Веймаром возможностями по получению высшего и университетского образования. Вступая во власть, нацисты рассматривали все эти новшества как идеологически пагубные. Место женщины — дома (уместно вспомнить известный лозунг трех К: дети, церковь, кухня). Женщина должна работать если не непосредственно в доме, то на семейной ферме или в лавочке на углу. Таковы излюбленные символы мелкобуржуазной Германии и ее традиционные взгляды на роль и место женщины в обществе.

Женщины в промышленности

На женщин, работавших на оплачиваемых должностях, нередко навешивали ярлык «второго добытчика»; существовало даже сленговое выражение «двойное удовольствие». Это вроде бы шутливое выражение предполагало, что работа для женщины — не необходимость, а прихоть, без которой можно обойтись. Возможно, в 1932—1933 гг., когда уровень мужской безработицы составлял 29, а женской — около 11%, такую точку зрения можно было понять. Усилия нацистов, направленные на «исправление» ситуации, не только составляли основную часть «битвы за рабочие места», но и встречали широкую поддержку в муж-

Внизу: немецкие женщины во время войны работают на заводе по производству боеприпасов. Почти всех здоровых, крепких мужчин призвали на войну, и женщины, оставшись одни, работали на военную экономику

Вверху: добыча торфа на Эмсландских болотах. Молодые немки вносят свой вклад в военную экономику. Каждая из них должна была бесплатно отработать на подобных работах один год

ских кругах. Популярные среди мужчин представления о женщинах в точности совпадали с образом, который создавала нацистская пропаганда. Домашняя работа считалась нормальным уделом женщины. Если женщина занималась оплачиваемой работой, то это должна была быть работа из категории «изначально женских» (по мнению нацистов) — к примеру, социальная помощь или обучение. Стремясь ограничить женщин «женской» работой и одновременно получить больше рабочих мест для мужчин, нацисты всячески старались удалить городских женщин с оплачиваемой работы. Способов было несколько: от призывов к самим женщинам до официальных предписаний и советов биржам труда всегда отдавать предпочтение мужчинам; эти методы не только работали, но и пользовались в обществе значительной поддержкой. Были и более прямые способы: новые «нацифицированные» власти просто увольняли женщин из государственных организаций. В этом же направлении работала и система брачных займов, поскольку заемщики подписывали бумагу, где «будущая жена берет на себя обязательство не поступать на работу, до тех пор пока месячный доход ее будущего мужа превышает 125 рейхсмарок».

Мы видим, что отношение нацистов к женщинам как к работницам вполне соответствует их отношению к женщинам как к продолжательницам рода. Можно ожидать, что женщина, жизнь которой сосредоточена на доме и хозяйстве, с большей готовностью будет рожать детей. Эта точка зрения ясно проявилась в содержании популярного в то время официального буклета. Авторы его хотели напомнить «народным товарищам»:

«Цель сексуальной активности — продолжение рода ради поддержания жизни нации, а вовсе не удовольствие отдельного человека. Однако если желание иметь ребенка исполнилось, а дальнейшее существование и рост нации обеспечены рождением достаточного количества детей, тогда с точки зрения нации больше нет возражений против дальнейшего удовлетворения сексуального влечения».

На фоне восстановления германской экономики в 1933—1936 гг. женская занятость выросла не слишком заметно: с 4,85 до 5,36 миллиона. Хотя число занятых женщин выросло, доля их в общем

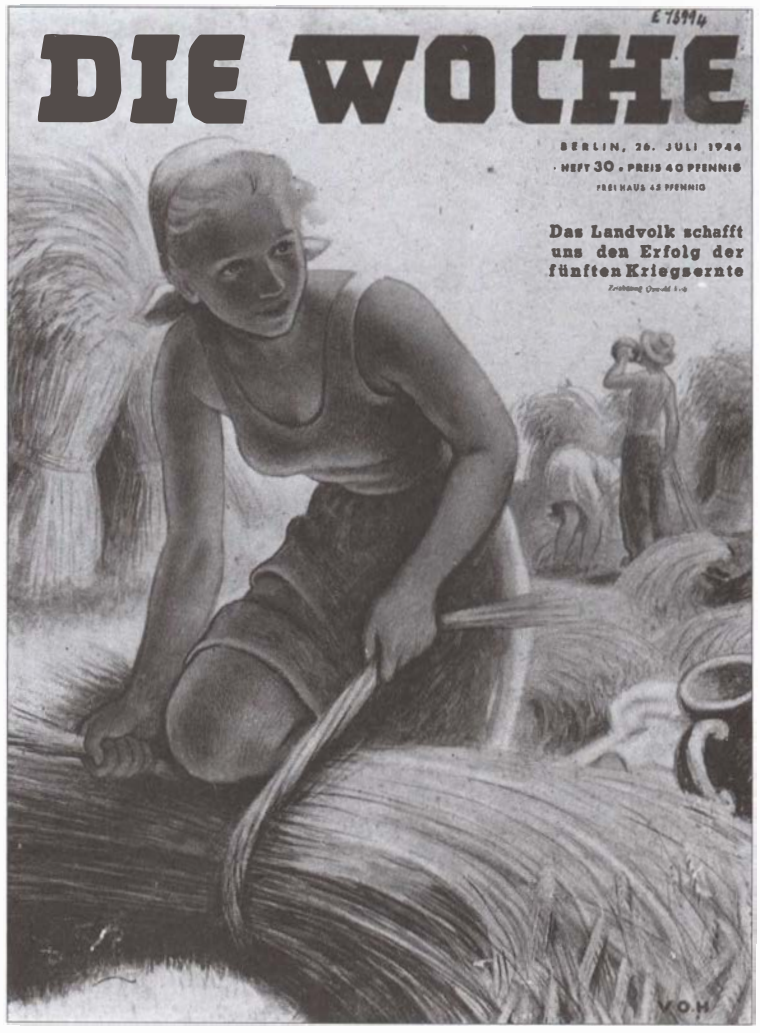
количестве работающих заметно уменьшилась: с 29,3 до 24,7%. В 1938 г. она по-прежнему составляла всего 25%. Возможно, нацисты хотели бы приписать этот результат своим действиям, по крайней мере отчасти. В действительности ситуация развивалась именно так не столько из-за отношения нацистов к женщинам и женской занятости, сколько из-за того, что развивали они в первую очередь тяжелую промышленность и транспорт. Начавшееся перевооружение требовало работников-мужчин; тяжелая промышленность быстро развивалась и расширялась, а производство потребительских товаров и сектор услуг, где традиционно работало больше женщин, развивались очень медленно. Поэтому мужская безработица резко упала, а число работающих по найму женщин при этом почти не изменилось.

Потребность в женском труде

Если поначалу представления нацистской идеологии о женщинах и реальные требования германской экономики совпадали, то начиная с 1936 г. они все больше противоречили друг другу. «Четырехлетний» план, стремление к перевооружению и автаркии (самодостаточности страны) не только привели к полной занятости, но и вызвали растущую потребность в дополнительной рабочей силе. Создалась ситуация, спасти которую могло только увеличение женской занятости. Можно сказать, что «примат экономики» взял верх над «приматом биологии». Как мы увидим в дальнейшем, это была лишь временная и частичная победа политической необходимости над жесткой идеологической схемой.

Экономика набирала ход, потребность в женском труде в 1936—1939 гг. постоянно росла, и нацистам пришлось делать поправки на ситуацию. Отчасти это было связано с растущим оттоком рабочей силы из сельскохозяйственного сектора. В основном (но не только) в город на заводы перебирались молодые мужчины. Нацисты ответили на это, в частности, введением женской трудовой повинности. Поначалу, в 1936 г., она была добровольной; но в январе 1939 г. (а добровольцев к тому моменту набралось около тысячи) она была превращена в обязательный год бесплатного труда на ферме, по обслуживанию дома и хозяйства.

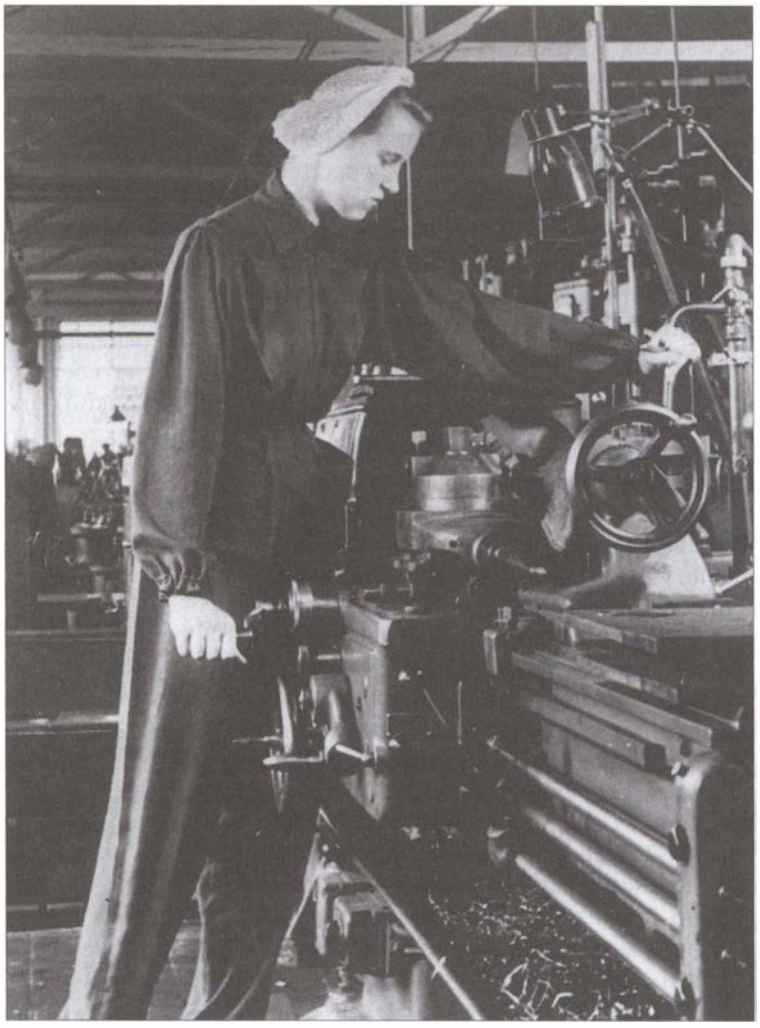
Потребность в женском труде еще выросла в 1939 г. после дополнительного призыва мужчин в армию. В военные годы, когда людские потери постоянно возрастали, а экономика все больше походила на экономику «тотальной войны», эта потребность тоже постоянно росла. Нацисты по-прежнему воздерживались от полной мобилизации резервной «армии» женщин, несмотря на усилия Германа Геринга и Альберта Шпеера получить больше женщин-работниц для производства боеприпасов. В 1939 г.



Вверху: обложка журнала *The Week* с изображением здоровой немецкой девушки-арийки на работе в поле. Пропаганда в нацистской Германии, особенно после 1939 г., вовсю превозносила женский труд

в экономике было задействовано примерно 14,6 миллиона женщин. К сентябрю 1944 г. их число увеличилось до 14,9 миллиона, тогда как в 1941 г. оно упало до 14,1 миллиона. В этом отношении успехи нацистского режима были гораздо скромнее, чем у правительства Великобритании, — те в 1941 г. ввели принудительные работы и подписку на заем. Нацистам в Германии не удалось добиться сравнимых результатов, несмотря на декрет 1943 г. о принудительной мобилизации всех женщин от 17 до 45 лет. Позже этот декрет был распространен на женщин до 50 лет. Однако в результате удалось дополнительно мобилизовать всего лишь около 500 тысяч женщин. И это несмотря на наличие в стране уже упоминавшихся 1 миллиона незамужних и 5,4 миллиона бездетных женщин. Отчасти это объясняется предубеждением нацистов против женщин и грубыми стереотипами, которые они сами и создали. Меры 1943 г. были не только ограниченными из-за массы дозволенных исключений; они также были чрезвычайно непопулярными — а это означало, что все больше и больше женщин добивались освобождения от работ. Вследствие этого основой германской резервной армии рабочих стали не женщины, а иностранные рабочие и настоящие рабы, как мужчины, так и женщины. К 1945 г. нацисты согнали со всех концов империи около 7 миллионов человек.

Вообще, нацисты всегда одобряли и поощряли женский труд в сельском хозяйстве. Смесь консервативных взглядов и идеологической ностальгии вкупе с сомнительными принципами «крови и почвы» создали пропагандистский образ женского сельскохозяйственного труда, естественного и подобающего. С нацистских пропагандистских плакатов улыбались светловолосые молодые женщины в традиционной крестьянской одежде на фоне купающихся в солнечных лучах полей золотой пшеницы. Эти женщины были еще одним порождением нацистской мифологии. На самом деле женщины составляли около половины сельской рабочей силы. Особенно много их было на маленьких семейных фермах, которые



Вверху: кроме работы в сельском хозяйстве, женщин все больше привлекали к тяжелому ручному труду на заводах. Как и в Великобритании, именно женщины производили танки, самолеты и патроны

так превозносила нацистская идеология как часть традиционной опоры здорового возрожденного рейха. На самом деле эта рабочая сила подвергалась отчаянной эксплуатации, и никакое пропагандистское славословие не способно было избавить их от тяжелейшего бремени немеханизированного труда. Однако эти женщины играли в сельскохозяйственном производстве решающую роль, особенно если учесть, что начиная с 1933 г. Германия, добиваясь экономической самодостаточности, стремилась уменьшать импорт продовольствия.

Из женщин, составлявших в мирное время половину сельскохозяйственной рабочей силы, три четверти были не наемными работницами, а членами семьи, для которых труд на земле был практи-

чески неизбежным долгом. На самых маленьких фермах, владевших менее чем двумя гектарами земли, женщины составляли 70% рабочей силы. В 1939 г. было проведено специальное исследование для выявления уровня их эксплуатации; выяснилось, что трудовой год женщины в сельском хозяйстве насчитывает 3933 рабочих часа — в среднем по 10,75 часа в день 365 дней в году. Для мужчин это же исследование насчитало 3544 рабочих часа; это совсем не похоже на занятость в промышленности, где эти величины составляют 2400 и 2700 часов соответственно. Даже геббельсовская пропаганда не могла скрыть истину от людей, испытывающих ее на собственной шкуре. Кстати говоря, при этом никак не учитывалась классическая «двойная нагрузка» женщины с ее домашними обязанностями по приготовлению пищи, уборке и воспитанию детей. Стоит ли удивляться, что представления нацистов о женщинах и домашнем хозяйстве были с такой готовностью встречены мужской частью крестьян-фермеров. Многие из них рано — еще во время сельскохозяйственной депрессии 1928 г. — примкнули к нацистскому движению. Неудивительно также, что женщин-крестьянок, особенно молодых, так привлекал к себе город и оплачиваемый городской труд. Вряд ли стоило ожидать, что им понравятся новые ограничения.

Союз германских девушек

Опрос, проведенный одним из руководителей гитлерюгенда в своем районе среди девочек от 10 до 14 лет, показал, что все они, кроме одной, хотят уехать в город. В качестве комментария он презрительно записал собственное мнение: это просто результат воздействия «кино, модной одежды и других приманок большого города». Хотя у нас нет никаких реальных тому свидетельств, возникает четкое ощущение, что единственной девочкой, которая не высказала желания уехать в город, была дочь этого самого молодежного руководителя.

Создается впечатление, что Союз германских девушек мало что мог предложить селянкам нацистской Германии взамен воображаемых, но таких желанных огней большого города. Государственная пропаганда и созданные ею образы, естественно, их не убеждали.

Внизу слева: женщины-студентки в веймарском Берлине. Независимая женщина никак не вписывалась в нацистский идеал

Внизу справа: в сельскохозяйственной школе в Рендсбурге молодых женщин учили стрелять из винтовки

Однако организованные мероприятия, лагеря и поездки, по крайней мере, расширяли перед ними горизонты и давали возможность бросить хотя бы беглый взгляд на другие миры, далекие от замкнутого и ограниченного домашнего мирка. Но чтобы изменить собственную жизнь, девушкам надо было навсегда уехать из родного села — и тем самым еще увеличить нехватку рабочих рук на фермах.

Мало того что сельские женщины должны были выполнять нацистские нормы «производства», то есть трудиться не покладая рук; они еще испытывали постоянное давление в отношении пронационалистических норм «воспроизводства». Поэтому неудивительно, что младенческая смертность в сельских районах стабильно превышала городские показатели. В Померании и Баварии младенцы умирали чаще, чем в Берлине. Даже в промышленных городских кварталах лучше было вынашивать и растить детей, чем в мифологизированной и многократно воспетой нацистской «деревне».

Уже несколько поколений историков горячо обсуждают вопрос о состоянии женского вопроса в нацистской Германии, но никак не могут прийти к согласованному мнению. Одни видят этот период как неприкрытое господство мужского шовинизма. Женщины не могли стать полноправными членами нацистской партии. В рейхстаге после 1933 г. не было ни одной женщины. Образ женщины в общественном сознании связывался исключительно с материнством и домашним хозяйством. Нормой были ограничения в приеме на работу; в частности, Гитлер мог произвольно запретить любой женщине занимать какой бы то ни было значительный судебный пост. Неудивительно, что эти историки рассматривают этот режим как антифеминистский по сути; считают, что нацисты стремились навязать народу реакционную трудовую и консервативную националистическую политику, которая серьезно ограничивала женщин и не давала им играть подобающую роль в обществе.

Другие историки оспаривают это мнение и пытаются доказать, что между намерениями нацистов и реальным результатом их политики имеется существенная разница. Они указывают на рост количества женщин, занятых в промышленности на оплачиваемых должностях; на рост числа женщин в химической, электрической и резиновой промышленности; на некоторое увеличение к 1945 г. числа женщин в системе высшего образования. Первоначально нацисты хотели ввести систему квот на поступление женщин в университеты; в 1933 г. была установлена квота в 10% (или 1500 мест от общего количества в 10 тысяч)[1]. По-

[1] Так в оригинале. (*Примеч. пер.*)

Слева: День матери в Берлине, 1942 г. Пожилая женщина (*сидит*) только что получила награду — Материнский крест. Юная представительница Союза германских девушек вручает ей букет цветов

сле 1939 г. квота выросла до 20% и более. Происходили и другие аналогичные изменения — нацисты, сами того не желая, оказались свидетелями и отчасти даже проводниками социальной революции (хотя и не той, которую планировали), которая подняла статус и возможности женщины в обществе. И это несмотря на их принципиально враждебную позицию: будь их воля, нацисты не позволили бы женщинам выйти за рамки узких застывших стереотипов. Эти историки утверждают, что предполагавшаяся консервативная революция потерпела неудачу, но вместо этого нацисты дали женщинам «новый статус относительного, хотя и нетрадиционного равенства». Познакомившись с приведенными в этой главе данными, трудно принять эту концепцию.

Взглянув на отношение к женской эмансипации в Германии с более современной точки зрения, можно ясно увидеть, что именно эмансипации нацисты решительно и неуклонно противодействовали с позиции, которую считали идеологически и биологически оправданной. Их твердое убеждение в неизменности расовых и биологических различий невозможно было поколебать. «Расы» в их представлении имели четкие границы и не должны были смешиваться; точно так же мужчины и женщины рассматривались как совершенно разные существа. Разница эта подразумевала, что как фюрер ведет партию вперед по пути, который не подлежит обсуждению, так и мужчина — животное

Слева: «послушная долгу» мать приветствует кортеж Гитлера; маленькая дочь смотрит

Внизу: пытаясь облегчить бремя военного дефицита, правительство предлагало женщинам обмениваться излишками вещей на специальных биржах. На фото — одна из таких бирж

политическое — самой природой предназначен вести за собой женщину — животное домашнее. Только в этом случае мужчины и женщины смогут в полной мере проявить свои истинные природные способности.

Провал политики нацистов

Экономические обстоятельства заставили нацистов слегка «причесать» и подкорректировать свою политику, особенно в отношении женского труда на производстве. Возможно, некоторые женщины при этом получили возможности, о которых не думали и которые не собирались им предоставлять вожди-мужчины. Тем не менее это означало всего лишь, что наложенные ограничения оказались не такими грубыми и жесткими, как первоначально планировалось. Это вряд ли можно назвать благотворными изменениями.

Исходя из того, что в женском вопросе, как и в других, политика нацистов в значительной степени определялась расовой и биологической детерминантами, возможности каждой женщины определялись совершенно произвольными ограничениями, источником которых очень часто служили догматические высказывания Гитлера. В особенности это относилось ко всем тем женщинам, которые страдали от нацистской тирании: к еврейкам; к арийкам, которые были замужем за евреями; к цыганкам; к женщинам и девушкам, которых классифицировали как «жизнь, недостойную жизни» и убивали; к женщинам и девушкам, которых сочли биологически непригодными иметь потомство и подвергли принудительной стерилизации; к иностранкам, которых превратили в рабынь или проституток; к крестьянкам, к которым относились немногим лучше, чем к племенной и рабочей скотине, — список набирается очень длинный.

Даже женщинам-арийкам, «избранным» этого режима, не давали достаточной самостоятельности и возможности как полностью биологически контролировать собственное тело, так и проявлять в полной мере свои интеллектуальные и экономические способности. Тем не менее нацистам не удалось реализовать конечную идеологическую цель и заставить женщин заниматься исключительно «производством» и «воспроизводством»; им пришлось удовольствоваться более скромным результатом. В конечном итоге эти «реакционеры-преобразователи» потерпели поражение.

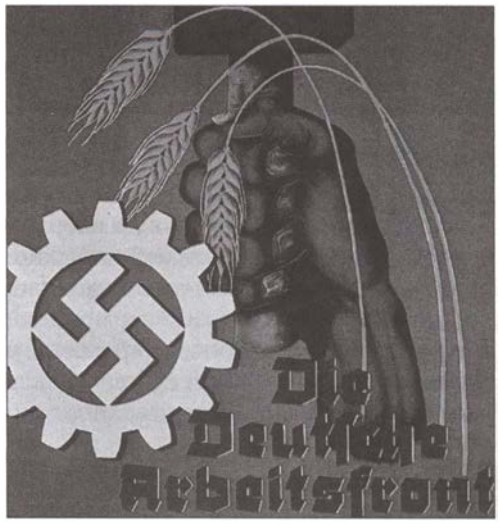
Внизу: женщины, собирающие добровольные пожертвования на «зимнюю помощь», с Адольфом Гитлером в День национальной солидарности, 1937 г.

Глава 6

Городская и сельская жизнь

Успех экономической политики нацистов подстегнул рост городской занятости и заметно поднял уровень жизни среднего немца-горожанина. Однако в сельской местности, несмотря на все усилия правительства, условия жизни были значительно хуже.

Во времена Третьего рейха город и деревня жили, можно сказать, в разных мирах. После 1933 г. экономическая политика нацистов практически возродила жизнь в городах. Организация массовых общественных работ, перевооружение и стремление к автаркии, то есть экономической самодостаточности (поиск внутренних источников сырья и материалов взамен импорта), пошли на пользу городской промышленности. Напротив, сельское сообщество чахло и едва сводило концы с концами; рабочая сила утекала в города на заводы, а село хирело из-за долгов, низкой заработной платы и недостатка инвестиций.



Слева: пропагандистский плакат Германского трудового фронта. По существу, Трудовой фронт был единственной организацией трудящихся Третьего рейха; он устанавливал уровни заработной платы и разрешал любые трудовые споры

Городской бизнес

От гигантского скачка занятости и уменьшения уровня безработицы в нацистской Германии в 1933—1939 гг. (с 6 миллионов до 309 тысяч всего за шесть лет) выиграли в первую очередь города. Несмотря на принятые правительством меры, городская рабочая сила прирастала в основном за счет массового исхода в города сельских жителей, находившихся в невыгодном экономическом положении; все они знали, что в городах не хватает рабочих рук, и рассчитывали без труда найти работу. С 1925 по 1939 г. работающее население Германии увеличилось на 10,6%. В промышленности численность работников выросла на 7%, в торговле и транспорте — на 14%, в обслуживающих отраслях — на громадную величину в 67%. В полную противоположность этому, численность работников в сельском хозяйстве и лесной промышленности за тот же период упала на 9%. Кроме того, в 1934—1939 гг. 1,5 миллиона селян покинули землю ради города.

Не подлежит сомнению, что в период правления нацистов большие и маленькие города Германии стали ареной очень быстрого промышленного роста, отсюда и постоянная необходимость в новой рабочей силе. В целом это было неплохое время для бизнеса, конечно, если хозяин его не был евреем. В Третьем рейхе действовало следующее общее правило: чем крупнее бизнес, тем большие льготы и преимущества он получал от нацистско-

го режима. В конце 1920-х гг. большинство крупных промышленников враждебно относилось к нацистской партии. В политике Гитлера главенствовали национализм и милитаризм, которые внушали страх представителям деловых кругов, как промышленных, так и торговых — ведь после финансового краха, связанного с Первой мировой войной, прошло всего несколько лет.

Однако в 1933 г., после взятия Гитлером власти, ситуация изменилась. Крупные промышленные предприятия, такие как инженерные и сталелитейные концерны Круппа и Тиссена, только выиграли от роспуска Гитлером беспокойных тред-юнионов и замены их Германским трудовым фронтом, который всегда был доброжелателен по отношению к бизнесу. Огромные правительственные заказы принесли в строительство, производство вооружений, химическую и металлургическую промышленность новые прибыли и привели к росту промышленного производства за период с 1932 по 1939 г. более чем на 100%. Кроме того, нацисты заморозили заработную плату рабочих на уровне 1929 г. (разгар депрессии), чтобы не допустить инфляции, и усилили контроль над распределением рабочей силы. Для бизнеса это означало, что рабочие руки стали дешевле и менее подвижны — у рабочих стало меньше возможностей уйти на другое предприятие.

Крупные городские предприятия ухитрялись увеличивать свои прибыли даже после начала войны. Завоеванные территории стали неисчерпаемым источником бесплатной рабочей силы; рабам не нужно было платить жалованье и обеспечивать социальные гарантии, они почти не требовали расходов со стороны предприятия. В 1939 г. на территории Германии, не считая сельского хозяйст-

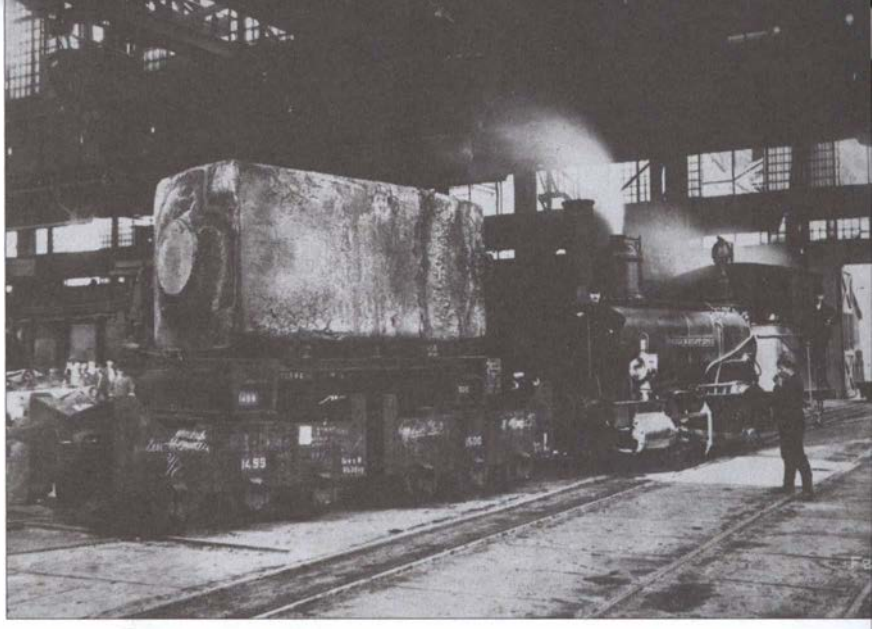
Вверху: в 1930-х гг. металлургическая промышленность выиграла от нацистских заказов

Внизу: несколько романтизированное изображение восточноевропейских рабочих в Германии во время Второй мировой войны

ва, работало 266 тысяч иностранных рабочих — гражданских лиц и военнопленных; они составляли 0,6% от всей численности городских рабочих. К 1944 г. в городах Германии работало по принуждению 4 724 000 иностранцев, которые составляли 22% от численности всей несельскохозяйственной рабочей силы. Поскольку оплата труда на многих коммерческих предприятиях составляет крупнейшую статью расходов, выгода для германского бизнеса от неограниченного источника бесплатной рабочей силы очевидна.

Разумеется, иностранные рабочие были не единственной угнетенной группой, служившей для германского городского бизнеса источником дополнительной прибыли. Меры, принятые против предпринимателей-евреев, позволили вскоре совершенно вытеснить их из экономики. С апреля 1938 г. любые еврейские активы, превышающие 5 тысяч рейхсмарок, подлежали регистрации, причем правительство направляло эти активы в любые отрасли промышленности по своему выбору. В результате этих мер погибли почти все еврейские предприятия. Их ликвидация или «ариизация» значительно снизили уровень конкуренции для многих других германских предприятий. В первую очередь выиграли мелкие и средние торговые и ремесленные городские предприятия — ведь конкурирующие еврейские лавочки и мастерские закрылись или сменили владельца. Более крупные корпорации тоже не остались внакладе: они с удовольствием приобретали еврейские предприятия и брали под контроль еврейскую часть потребительского рынка. Но большинство еврейских предприятий не сме-

Вверху: экономическая политика нацистов в действии. Боевики СА и СС обеспечивают бойкот еврейских предприятий в Берлине, апрель 1933 г. В результате действий нацистского режима еврейские предприятия в большинстве своем закрылись или обанкротились



нили владельца, а просто закрылись. Как указал Ричард Грунбергер в книге «Социальная история Третьего рейха», только 700 из 3750 магазинчиков, которыми до «хрустальной ночи» (ноябрь 1938 г.) владели евреи, были приобретены другими владельцами и вновь открылись после разгрома.

Политика нацистов во многих отношениях оказывала благотворное действие на нееврейские городские предприятия, но были у нее и отрицательные стороны. Централизованный государственный контроль эффективно лишил владельцев предприятий возможности управлять ими по своему усмотрению. Те, кто имел дело с гигантскими государственными заказами, волей-неволей вводили в совет директоров нацистских чиновников или военных. Все больше отраслей переходило под управление либо непосредственно государства, либо связанных с государством монополий — в 1937 г. монополии контролировали не менее 70% германской промышленности. Любой бизнес, вне зависимости от размера, должен был в конечном итоге подчиняться государству. В 1933 г. гиганты сталелитейной промышленности, такие как «Объединенные сталелитейные заводы», Крупп и Маннесман, отказались начать крупномасштабное производство стали из низкокачественных руд, как предусматривала программа автаркии. В порядке наказания Герман Геринг основал государственное предприятие со скромным названием имперский завод «Герман Геринг». 70% капитала нового предприятия принадлежало государству; государство же распоряжалось на этом имперском заводе распределением трудовых ресурсов, сырья и технологий. После этого нацисты, не ограничиваясь практическими мерами,

Вверху: наращивание германской военной мощи. На сталелитейном заводе Круппа: паровоз тянет за собой платформу с тяжелым слитком железа

Внизу: на заводе Круппа в Эссене кипит лихорадочная деятельность — нацисты готовятся к войне в Европе

но желая демонстративно оскорбить непокорных, заставили крупные сталелитейные компании приобрести оставшиеся акции новой корпорации за 130 миллионов рейхсмарок. С этого момента правительство, по существу, контролировало все сталелитейное производство Германии.

Мелкие предприятия тоже не были застрахованы от вмешательства нацистов. Власти выпустили множество законов, ограничивающих свободную торговлю и упрощенное делопроизводство, столь важные для стабильной работы небольшого предприятия. Сбор налогов и финансовые процедуры подвергались строжайшему мониторингу; начиная с 1935 г. все предприятия должны были вести строгую бухгалтерию и предоставлять соответствующие документы. Вообще, нацисты не слишком ценили мелкий бизнес, видя в нем размывание партийного курса на развитие крупной индустрии. Вследствие этого многие мелкие предприятия вынуждены были под давлением государства войти в картели (так, число предприятий, торгующих радиоприемниками, за 1933—1939 гг. сократилось вдвое) или просто закрыться из-за новых законов (в 1936—1940 гг. было ликвидировано 168 тысяч мелких предприятий). Для открытия нового магазина или мастерской требовалось официальное разрешение местных властей, а местная бюрократия всегда славилась своей неповоротливостью. Несмотря на столь серьезное давление со стороны государства, германские предприятия продолжали создавать рабочие места во множестве.

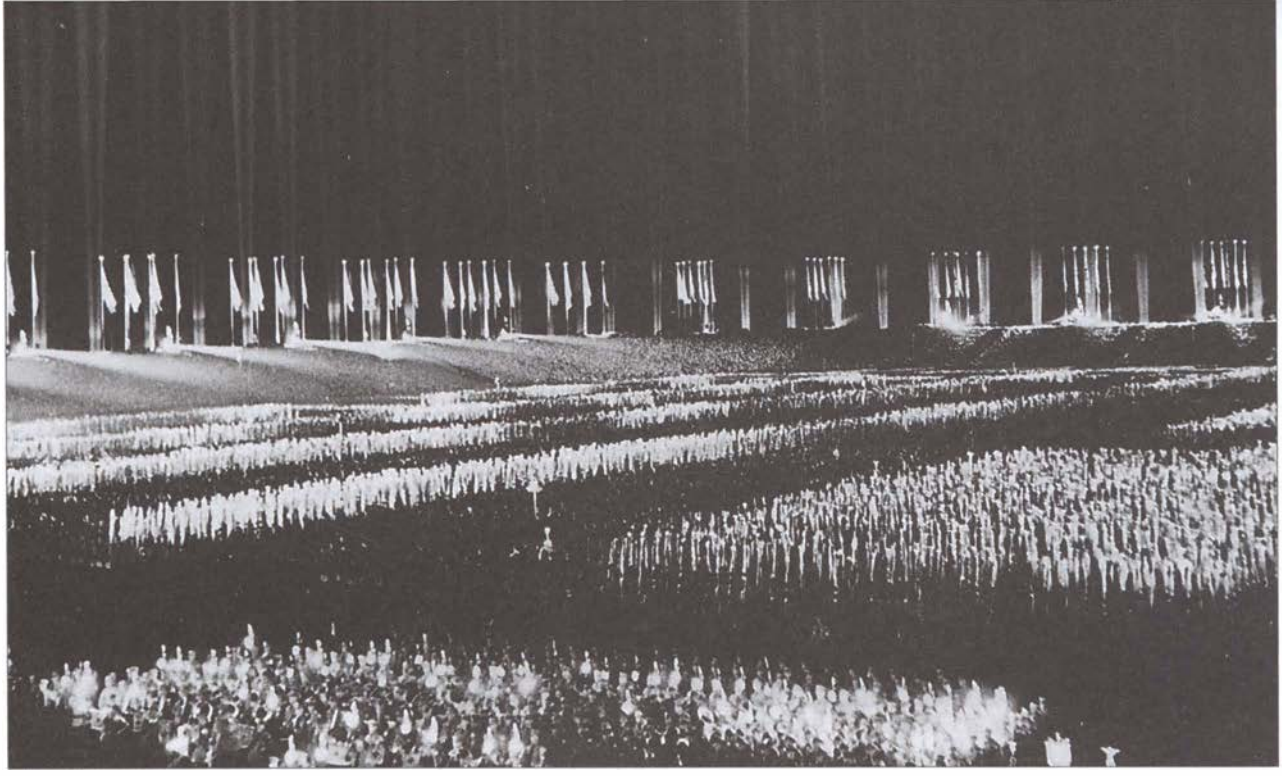
Время Третьего рейха было временем преобладающей бедности — и все же полная занятость принесла в германские города ощущение процветания. Правительство создавало в городской администрации тысячи новых должностей — соответственно росло число городских профессионалов, «белых воротничков». К примеру, в 1933 г. в Германии было около 5,5 миллиона государственных служащих. Любопытно отметить, что клерки способствовали развитию городской ресторанной культуры Германии — в то время она буквально расцвела, так как рестораны и кафе, в отличие от частных лиц, могли по-прежнему поддерживать кулинарные стандарты за счет продуктов, потребление которых не нормировалось, — рыбы и дичи.

Если добавить сюда же рабочий класс, который, хотя и не купался в роскоши, был по крайней мере платежеспособен, то получится, что города ис-

Вверху: одно из мероприятий нацистской программы «Сила через радость» — массовая гимнастика на берегу озера Ванзее, Берлин, 24 апреля 1937 г.

Справа вверху: государственные праздники в Третьем рейхе сопровождались многочисленными мероприятиями, такими как это массовое шествие в Нюрнберге

Справа внизу: нацистский зимний фестиваль, март 1936 г. Такие мероприятия должны были подчеркнуть особые отношения между людьми, работающими в сельском хозяйстве, и землей



пытывали определенный оптимизм и увеличивали потребление товаров и услуг, связанных с отдыхом и развлечениями. Выросло потребление алкоголя и кофе; потребление вина, к примеру, с 1933 по 1938 г. увеличилось на 50%. Вообще, выросло потребление практически всех пищевых продуктов — естественно, речь идет о периоде до 1939 г., когда с началом войны было введено продовольственное нормирование. То, что невозможно было купить легально, обычно имелось на черном рынке. В рабочих семьях отдых, который раз в год предлагала программа «Сила через радость», по стоимости примерно соответствовал недельному заработку. Увеличилась и посещаемость кинотеатров — особенно во время войны. Зрители жаждали увидеть новости с фронта, а позже, когда дела пошли неважно, пытались отвлечься и уйти от действительности. Так, за первый год войны посещаемость 7 тысяч кинотеатров Германии выросла примерно на 80%.

Государственные праздники

Кроме всего прочего, развлечениями для городского населения служили многочисленные государственные праздники и партийные торжества. К 1938 г.

Вверху: немецкие студенты и члены нацистских полувоенных организаций сжигают «ненемецкие» книги, май 1933 г. Только в центре Берлина было уничтожено 20 тысяч книг

было установлено 11 главных нацистских праздников, тогда как религиозные праздники в основном были отменены или заменены светскими. Среди них День прихода к власти — 30 января, день рождения Гитлера — 20 апреля, День летнего солнцестояния, Имперский съезд партии в Нюрнберге (сентябрь) и годовщина «пивного путча» — 9 ноября. Но не в природе нацизма позволить людям просто отдохнуть в праздничный день. Напротив, каждый из праздников имел обширную программу и был наполнен событиями, вечеринками, шествиями и собраниями, призванными подкрепить лишний раз нацистскую пропаганду. К примеру, в день рождения Гитлера города и городки Германии буквально преображались. Чуть ли не в каждом доме выставляли в окно фото фюрера и вывешивали красные, белые и черные флаги. Ночью улицы, стадионы и конференц-залы заливал свет факелов — начинались массовые шествия и собрания.

Такие события добавляли живости и красок в жизнь городского населения Германии, но далеко не всегда могли заслонить собой мрачные стороны городской жизни. Часто говорят, что Гитлер «заставил автобусы ходить по расписанию». Следует отметить, что другим жизненным удобствам и благам повезло меньше. Из-за особенностей нацистской системы приоритетов городские больницы остались без высококвалифицированного персонала. Придя к власти, нацисты урезали на два года срок обучения врачей. В результате число специалистов разом уменьшилось на 40%, а если добавить к этому изгнание из медицинской профессии 5500 врачей-евреев... Более того, многие квалифицированные доктора после окончания обучения шли в армию, в правительственные медицинские учреждения или частную практику, лишая городские больницы и этого источника квалифицированных специалистов. В результате отношение числа врачей к числу пациентов за шесть лет упало на 6%.

Урезая сроки медицинского образования, нацисты одновременно выкашивали население университетских городков в целом. До подъема национал-социализма Германия могла по праву гордиться своей интеллектуальной и либеральной культурой, процветавшей как в крупных, так и в маленьких городах. Нацистский режим был категорически против всякого интеллектуализма, и городские культурные учреждения, в первую очередь библиотеки и университеты, подверглись чистке. 10 мая 1933 г. множество членов партии, гитлерюгенда и нацистских студенческих организаций по всей Германии устроили набег на публичные и частные библиотеки;

они изымали из них книги еврейских и других «политически нежелательных» авторов. В Берлине эти книги сложили в огромную кучу напротив университета, на Унтер-дер-Линден, и сожгли. В числе тысяч уничтоженных томов были труды Карла Маркса, Эриха Марии Ремарка, Марселя Пруста, Герберта Уэллса, Джека Лондона и Зигмунда Фрейда.

Это событие — символ ненависти нацистов к любым академическим занятиям. В 1932 г. многие университеты Германии принадлежали к числу лучших в западном мире, но вскоре в результате новой политики нацистов все изменилось. В 1932 г. высшее образование получали 127 580 студентов. К 1934 г. это число уменьшилось до 92 622 и продолжало падать вплоть до 1941 г. — до минимального уровня в 40 968 человек.

Реализация нацистских идеологических постулатов пагубно сказалась и на академических стандартах. Все сотрудники-евреи и те, кто был не согласен с режимом, были уволены; это коснулось примерно 10% университетских преподавателей. Нацисты проявили типичную близорукость, подвергнув гонениям многих самых выдающихся ученых Германии; иногда это приводило к интеллектуальному краху целых кафедр и научных направлений. Оставшихся ученых постоянно проверяли государственные чиновники или коллеги-нацисты. Их трудовые договоры теперь пересматривались представителями государства; кроме того, каждый преподаватель должен был пройти обучение в шестинедельном лагере ассоциации лекторов. Там ученых подвергали политической и идеологической обработке и заставляли проходить физкультурные тесты; успешное освоение программы такого лагеря стало непременным условием работы в академическом учреждении. Многие лекторы решили, что такие требования слишком жестки, и предпочли более престижную работу на производстве, где платили больше и где не было подобных предварительных условий и ограничений. От университетов остались лишь тени прежних «храмов науки». Стандарты обучения резко упали, а программа наполнилась военными и техническими курсами в нацистском стиле.

Вверху: нацистская идеология в действии. Берлинские студенты идут маршем на Институт сексуальных наук; вскоре он был закрыт как «прибежище еврейской науки»

Внизу: торжественный марш студентов с факелами и знаменами со свастикой, 19 мая 1933 г. Они собираются устроить костер из трудов, признанных «противоречащими германскому духу»

Позже национал-социалистическая партия поняла, что антиинтеллектуализм может привести лишь к ее собственному поражению. Некачественное образование резко ограничивало тот вклад, который могли внести в дело государства молодые люди — особенно в жизненно важных с военной точки зрения областях вроде технологии и инженерного дела. С 1937 г. число научных и инженерных стипендий, спонсорами которых выступали промышленные предприятия, начало расти, но число студентов, получающих стипендии, выросло лишь до 2% от общего числа студентов университетов и технических институтов. Остальные студенты, как правило, должны были сами платить за обучение — а это было нелегко, так как полная стоимость университетского курса, включая стоимость жизни, иногда превышала 10 тысяч марок. Неудивительно поэтому, что 95% студентов университетов происходили из зажиточных семей среднего и высшего класса. В 1939 г. выходцы из рабочих семей составляли лишь 5% студентов технических вузов.

Нацистская архитектура и жилищная политика

Наиболее очевидным свидетельством нацистского режима в городах и городках Германии была именно архитектура. Несмотря на отрицательное отношение к интеллектуализму вообще, к архитектуре Гитлер испытывал неизменный и страстный интерес. Его юношеские альбомы полны зарисовок величественных необарочных архитектурных сооружений вроде Венского оперного театра. Еще до 1933 г. Гитлер понял, что архитектура общественных зданий должна стать постоянным орудием пропаганды — она призвана нести народу жизненно важную принципиальную информацию о философии и могуществе нацистского режима. Стилистически Гитлера равно привлекали и солидность классической архитектуры Греции или Рима, и орнаментальность дворцов и барочных замков Возрождения — ему были близки масштабные стили, символизировавшие власть и намекавшие на имперский жребий.

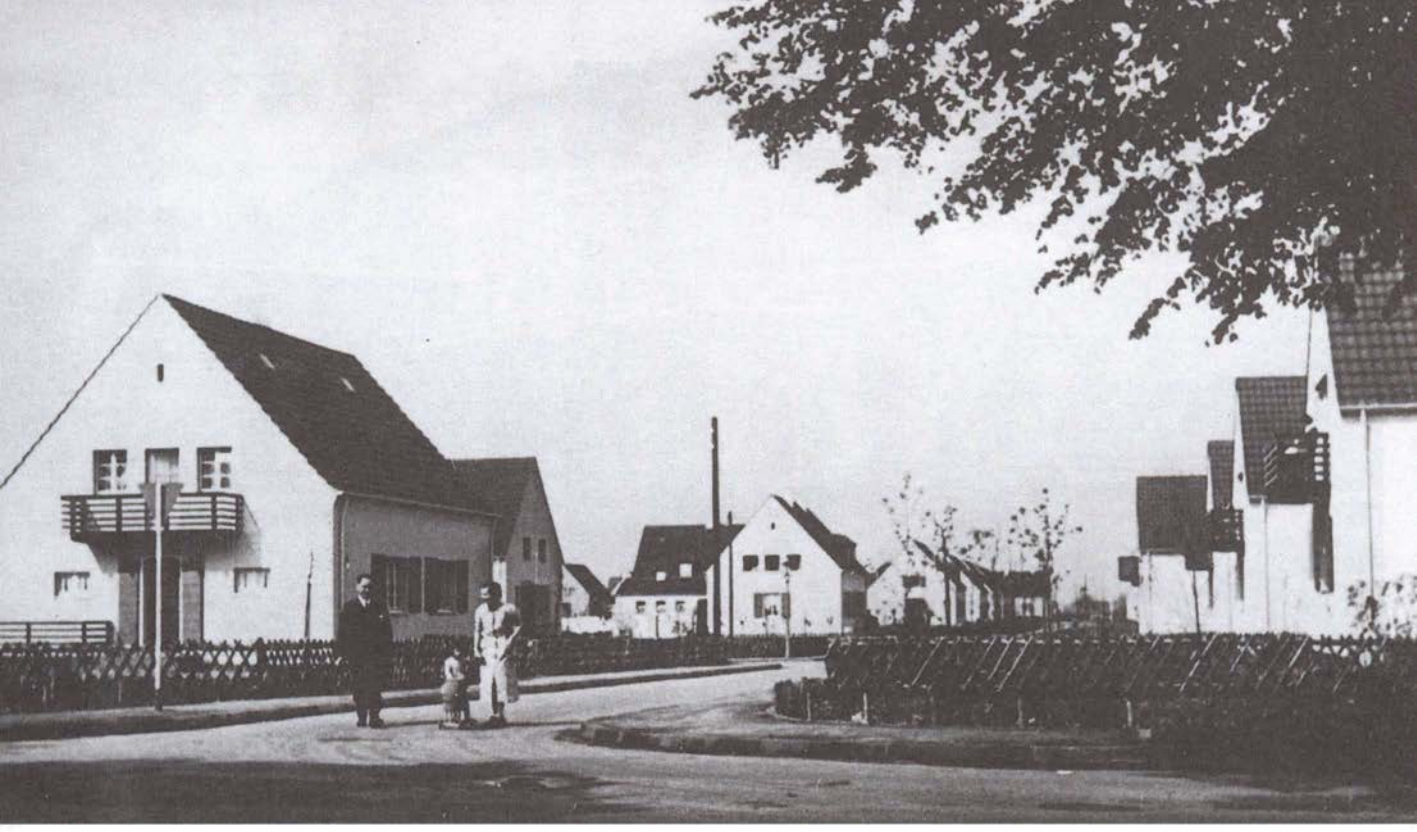
Внизу: Дом немецкого искусства стал одним из первых строительных проектов Гитлера. Архитектор Пауль Людвиг Троост, разработавший проект музея, не дожил до его открытия в 1937 г.

Вверху: Венский государственный оперный театр, который Гитлер рисовал юношей перед Первой мировой войной. В частности, именно это здание вдохновило его, став в январе 1933 г. фюрером, перестроить Берлин в похожем стиле

Честь привести стили прошлого в соответствие с современной нацистской мифологией выпала нескольким тщательно отобранным архитекторам. Одним из первых сумел воплотить в камне архитектурные мечты Гитлера Пауль Людвиг Троост. Этот архитектор начал работать на нацистов еще в конце 1920-х гг.; в 1930 г. Гитлер поручил ему перестроить мюнхенский дворец Барлов и превратить его в штаб-квартиру нацистской партии. Архитектор справился с заданием; перестройка обошлась в 800 тысяч рейхсмарок, большую часть из которых предоставил нацистам в качестве займа промышленный концерн Тиссена. Результат понравился Гитлеру, и Троост стал его любимым архитектором. После этого Троост заново отделал берлинскую резиденцию канцлера.

После 1933 г. в германских городах начался настоящий бум общественного строительства. Чуть ли не в каждом городе появились новые неоклассические здания для местных представителей законодательной, исполнительной или судебной власти. Троост спроектировал новый Дом немецкого искусства в Мюнхене. Фронтоны партийной штаб-квартиры стали постаментом для монументальных греко-римских обнаженных скульптур в стиле Йозефа Торака, создавшего также гигантскую скульптуру под названием «Памятник труду» для одного из новых автобанов.

Особого архитектурного внимания удостоился, разумеется, Берлин. Олимпийский стадион, построенный специально к Олимпиаде 1936 г., после стал центром нацистских массовых мероприятий и церемоний. В марте 1934 г. умер Троост, и на место государственного архитектора потребовался новый человек. Так на сцене появился Альберт Шпеер — архитектор, член нацистской партии с 1934 г. Его стиль стал символом национал-социалистической идеологии в ее чистейшем выражении. Впервые Шпеер продемонстрировал свой талант Гитлеру во время массового нацистского митинга на поле Темпельгоф 1 мая 1933 г. — он придумал, как можно по-новому использовать флагштоки и световые эффекты. Его заметили. В сле-



Вверху: новые дома для рабочих на химическом заводе «ИГ Фабен». Это жилье не типично для тех более чем скромных жилищных условий, в которых вынуждены были жить германские рабочие накануне и во время Второй мировой войны

дующем году умер Трооост, и дела Шпеера резко пошли в гору.

Шпеер стал главным инспектором архитектуры рейха в 1937 г.; все свое время он посвящал неустанной перестройке и проектированию государственных зданий. Он прекрасно понимал архитектурные устремления Гитлера. Одна из самых масштабных ранних работ Шпеера — переоборудование громадных полей Цеппелина в Нюрнберге в арену для нацистских массовых партийных митингов и шествий. На первой временной трибуне для зрителей красовался массивный металлический орел со свастикой, с размахом крыльев более 30 м. В 1934 г. ее заменило монолитное сооружение с мраморными ступенями и колоннадами, фасад которого вытянулся в длину почти на 400 м и поднялся на 24 м в высоту. В ночи нацистских торжеств, когда на трибунах, увешанных нацистскими флагами и освещенных мистическими колоннами света из военных прожекторов, теснились более 300 тысяч сторонников нацизма, поля Цеппелина представляли собой грандиозное зрелище.

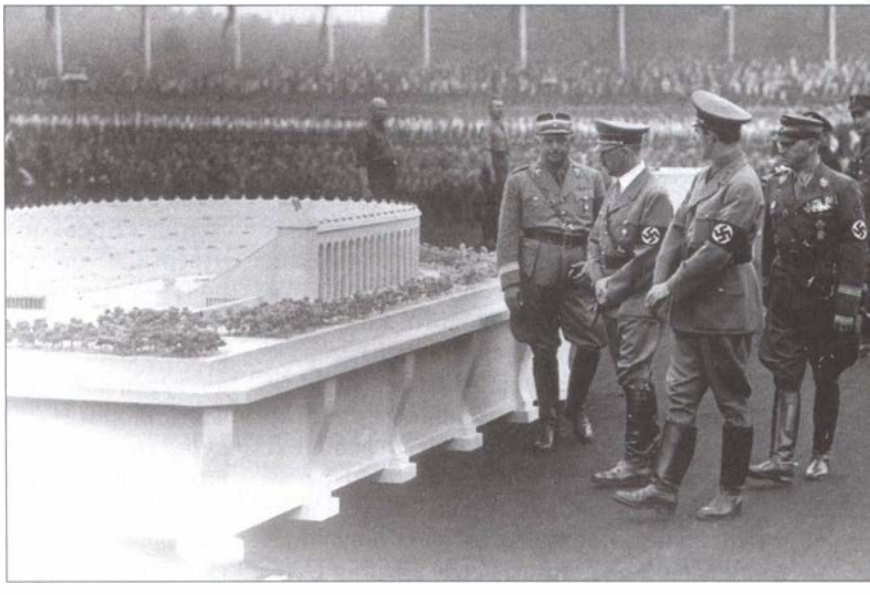
После этого Шпееру было поручено перестроить и сам Берлин. К середине 1930-х гг. у Гитлера окончательно сложилось представление о новой германской империи — Германии; она должна была распространиться на всю Европу, а новый Берлин должен был стать ее центром. Известно, что еще в 1925 г. Гитлер делал кое-какие архитектурные наброски, воображая себе новый Берлин, гордый своими победами и завоеваниями. Он представлял себе массивную Триумфальную арку высотой 99 м — по сравнению с ней парижская арка должна была показаться карликом — с высеченными на ней именами всех погибших в Первой мировой войне со стороны Германии. Эти идеи он обсуждал со Шпеером, когда тот начал планировать эпическую перестройку города.

Планы, чрезвычайно детально воплощенные профессиональными мастерами-мебельщиками в моделях масштаба 1:50, производили очень сильное впечатление. Реконструкцию Берлина предполагалось вести по двум осям: север—юг и восток—запад. Вдоль оси север—юг должен был раскинуться бульвар длиной 2,5 км, залитый светом 400 фонарей и оседланный посередине гитлеровской Триумфальной аркой. Через просвет арки виден Большой зал в конце бульвара;

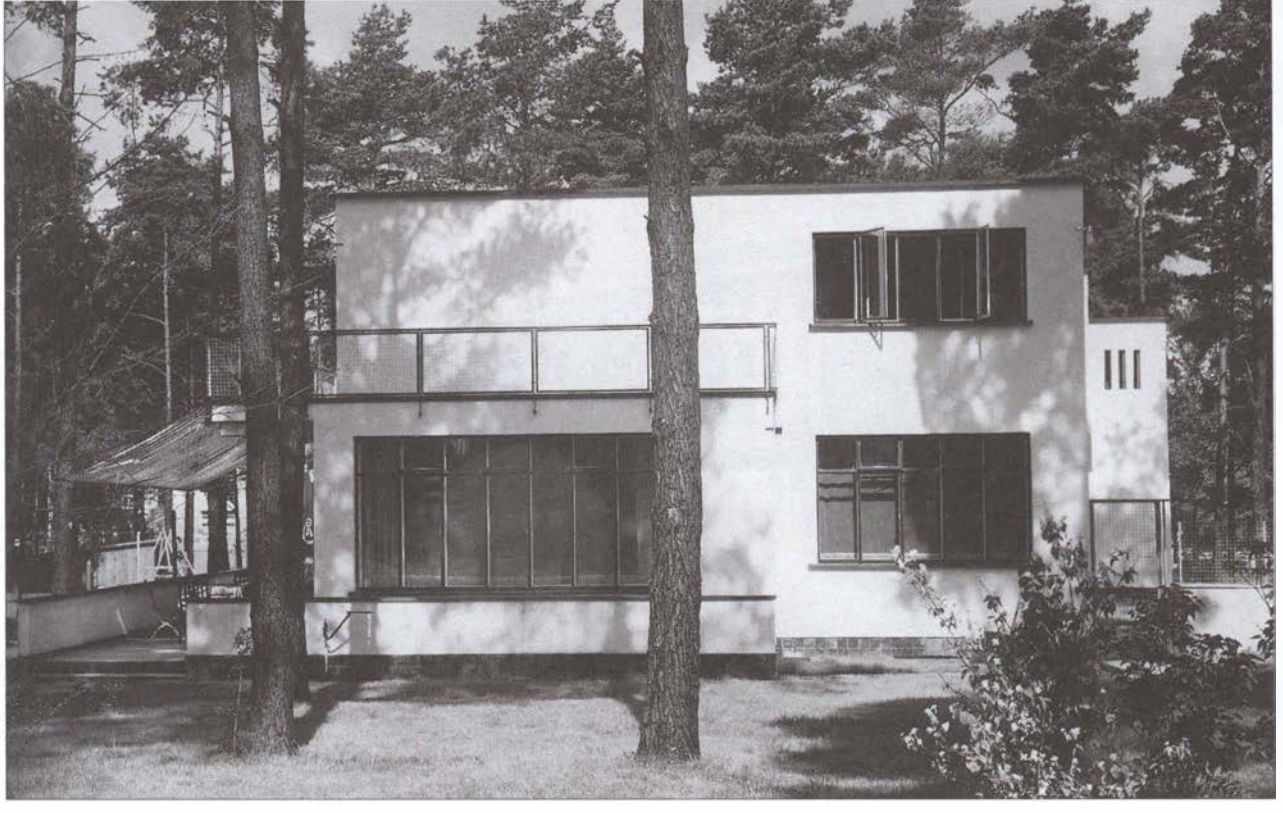
здание увенчано массивным куполом и вмещает 150 тысяч человек одновременно. Вдоль бульвара выстроились величественные правительственные здания; в дополнение к центральному ансамблю город украшен многочисленными неправительственными зданиями вроде кинотеатра на 2 тысячи мест, 21-этажной гостиницы и общественного бассейна в стиле традиционных римских бань.

План реконструкции Берлина не был реализован. Активно начатое строительство прервала война. О живучести архитектурных фантазий Гитлера свидетельствуют фотографии, сделанные в феврале 1945 г., когда русские уже пробивались к столице; на них фюрер осматривает модели предполагаемой послевоенной реконструкции Линца, своего родного города, по проекту архитектора Германа Гислера.

Рассмотрев монументальное городское строительство, поговорим теперь о том, в каких условиях жили обычные граждане Германии в годы правления нацистов. Если в государственной архитектуре Гитлер предпочитал имперский величественный стиль, то жилье он представлял себе скорее в национально-немецком народном стиле. В сельской местности, конечно, можно было построить традиционный деревенский дом с выступающей соломенной крышей, но в городе к жилью предъявлялись гораздо более функциональные требования — особенно если учесть взрывной рост городского населения, ведь в некоторых городах, таких как Магдебург и Галле, население за короткий срок выросло вдвое.



Вверху: архитектура новой Германии. Коричневый дом — штаб-квартира партии в Мюнхене (*на верхней фотографии*); Гитлер и молодой Альберт Шпеер осматривают модель гигантского стадиона в Нюрнберге, 1933 г.



Вверху: чистые линии жилого дома по проекту Вальтера Гропиуса, решительного сторонника стандартизации и крупноблочного строительства. Однако мало кто из германских рабочих мог позволить себе такое жилье

Для решения жилищной проблемы в городах ежегодно создавалось 300 тысяч единиц жилья, хотя многие из них были результатом разделения существующих уже площадей на квартиры меньшего размера. Обычное городское жилище для рабочей семьи, как правило, было довольно бедным. К примеру, так называемая «народная квартира», предназначенная для семьи из четырех человек, имела площадь всего 36 кв. м. При этом значительную долю нового жилья составляли квартиры среднего размера с тремя-четырьмя спальнями, слишком большие, а потому и слишком дорогие для огромного большинства рабочих. Результатом стала хроническая перенаселенность многих городских районов и плохие жилищные условия большинства. По результатам исследования DAF 1937 г. из 2 тысяч проверенных жилищ 22% не имели прямого водоснабжения, а 96% — ни ванны, ни душа.

В годы войны темпы жилищного строительства в городах Германии резко упали — в 1944 г. было построено всего 28 тысяч квартир. Воздушные налеты также внесли свою лепту, лишив население 4 миллионов квартир; в результате кое-где рабочим дневной и ночной смен приходилось даже делить одну кровать — спать на ней в свободное время по очереди. Архитектурные мечты Гитлера, как и многие другие его проекты, не принесли большинству людей лучшей жизни.

Село для Гитлера олицетворяло особую философскую концепцию. В первые годы существования нацистская партия была буквально пронизана идеями движения «Кровь и почва»; движение это отвергало городской космополитизм в пользу ностальгической близости к земле. В расовой и политической теории нацистов село воплощало в себе наиболее чистую в расовом отношении арийскую часть нации — там не было множества культур и «межпородного скрещивания», столь обычного в крупных городах. Кроме того, сельские труженики всегда были ближе к земле и к простой тяжелой жизни, которую так превозносил Гитлер, — в противовес хилому интеллектуализму городского населения.

Когда Гитлер пришел к власти в 1933 г., сельское хозяйство Германии пребывало в глубоком кризисе. Депрессия конца 1920-х гг. тяжелее всего ударила именно по сельским сообществам. Цены на предметы потребления рухнули, и условия жизни селян, и без того спартанские, упали ниже черты бедности; множество фермерских хозяйств

разорилось из-за долгов и недостатка инвестиций. Долг сельскохозяйственных предприятий в 1932 г. составлял 10,6 миллиарда рейхсмарок, и 15% дохода селян уходило на выплату банковских процентов.

Был предпринят целый ряд мер, призванных вернуть Германии былое сельскохозяйственное процветание. Долги, калечившие фермерские хозяйства, были реструктурированы с отсрочкой или снижением процентной ставки, а процентные ставки по закладным на имущество вообще были снижены примерно до 4,5%. Займы на развитие хозяйства — покупку сельскохозяйственной техники, строительство складских помещений и домов для работников — стали более доступными, а их условия более благоприятными. Расширение рынков также благоприятно сказалось на состоянии фермерских хозяйств. Отъезд сельских жителей в города, конечно, лишил село необходимых рабочих рук, но одновременно увеличил число горожан — потребителей сельскохозяйственной продукции. Точно так же массовый призыв в вооруженные силы давал выгодные контракты на поставку продовольствия, лошадей или даже аренду земли на военные цели.

Имперское продовольственное управление

Для надзора за производством продовольствия была специально создана новая организация — Имперское продовольственное управление. Возглавил его Рихард Вальтер Дарре, лидер крестьян рейха, рейхсбауэрфюрер, и имперский министр продовольствия — сам бывший фермер-свиновод. (Дарре был также ярым сторонником и пропагандистом концепции «крови и почвы». В 1929 г. он опубликовал книгу «Крестьянство как источник жизненной силы нордической расы».) Имперское продовольственное управление являлось мощным инструментом государственного управления и имело в своей юрисдикции около 3 миллионов фермерских хозяйств. Оно было призвано защитить германских фермеров от рынка и в то же время обеспечить удовлетворение потребностей Германии в продовольствии и продуктах сельского хозяйства. Его полномочия распространялись практически на все аспекты существования любой германской фермы, включая выбор культур для возделывания, производственные квоты, распределение техники и, самое главное, цены на продукты и ставки оплаты труда. Контроль Дарре в последнем вопросе позволил за 1933—1935 гг. поднять оптовые цены на продукцию минимум на 20%, причем сильнее всего выросли цены на овощи, скот и молочные продукты. Естественно, розничные цены выросли еще больше, ведь за все платил конечный потребитель, и за те же два года заработки фермеров выросли на 34%; этому способствовало и общее освобождение крестьян от выплат по страхованию от безработицы и по медицинскому страхованию.

Кроме того, были разработаны законы, ограничивающие продажу сельскохозяйственных земель. В 1933 г. был принят закон «О неотчуждаемых землях», призванный защитить крестьян от потери своих земель в случае разорения. В это же время Дарре ввел закон «О наследственных дворах», РЭГ. Хозяйства, владеющие не более чем 123 гектарами земли, объявлялись наследственными владениями. Их нельзя было продать или разделить для оплаты долга или получения дохода. После смерти крестьянина такое хозяйство переходило целиком его старшему сыну; при этом на него ложилась и обязанность содержать своих родных. Дарре считал, что таким образом можно будет обеспечить передачу традиций по обработке земли будущим поколениям и надолго гарантировать продовольственную независимость Германии.

Сельская жизнь

Во многих отношениях политика нацистов была благотворна для сельского хозяйства — только налоги для большинства сельских хозяев были уменьшены на 60%. Однако инвестиции в сельское

хозяйство не могут заслонить того факта, что в нацистской экономике оно всегда оставалось вторичным по отношению к промышленности и перевооружению. Уровень производства продукции, заданный Имперским продовольственным управлением, зачастую превышал возможности хозяйства, и фермеры вынуждены были тратить большие деньги на покупку новых машин или удобрения; их издержки росли. В то же время из-за фиксированных цен на товары в магазинах продавать больше продукции было невыгодно.

С течением времени методы работы Имперского продовольственного управления становились все более авторитарными. В управлении были собраны досье на каждое (на все до единого!) крестьянское хозяйство Третьего рейха; чиновники тщательно контролировали все — от выполнения норм до качества продукции. Нормы производства, кстати говоря, были очень жесткими: так, одна курица должна была откладывать по 65 яиц в год. Кроме того, управление могло распорядиться, чтобы конкретное хозяйство перешло на выращивание других культур — независимо от того, повысит такой переход прибыльность хозяйства или нет.

Долг появился вновь — к 1938 г. он достиг по величине суммарной стоимости всей сельскохозяйственной продукции Германии. Если крупные хозяйства немецких аристократов в Восточной Пруссии способны были приспособиться к этим переменам, то мелким хозяйствам они были не по плечу; небольшие фермы потеряли до трети работников. Оставшимся работникам приходилось жить на крохотное жалованье. Годовой доход фермерского хозяйства (за вычетом фиксированных расходов на содержание фермы) порой составлял всего лишь 240 марок; работник на ферме получал в среднем на 400 марок меньше, чем промышленный рабочий средней квалификации, а работал по времени чуть ли не вдвое больше. Некоторые фермерские семьи получали помощь от государства — правительственные гранты или пособия на детей, но многие работники жили в нищете.

Вверху: сцены сельской жизни в Германии 1930-х гг. Рынок скота в Регене (*верхнее фото*); женщины-работницы за прополкой возле Тарле. Работникам на фермах приходилось нелегко: большая продолжительность рабочего дня, низкое жалованье и недостаток жилья наносили серьезный вред всему сельскому хозяйству

Серьезную проблему на фермах представляло жилье. Правительство старалось поощрять инвестиции в строительство качественного жилья для работников со стороны владельцев крупных хозяйств — «пряником» служили налоговые льготы и гранты, а «кнутом» судебное преследование за плохие жилищные условия. Тем не менее ситуация практически не улучшалась; по примерным оценкам, на селе не хватало около 300 тысяч жилищ. Более 60% хозяйств не имели никакой системы водоснабжения. Тракторов, по сравнению с Великобританией или США, было довольно мало; это означало, что землю нередко приходилось пахать на волах или лошадях. Большую часть работы на ферме делали вручную, например носили воду, хотя соответствующая техника уже существовала. Низкое жалованье, плохое жилье, продолжительный рабочий день и растущие долги — всего этого более чем достаточно, чтобы объяснить массовый исход сельских жителей в города. Чувствуя серьезный кризис, связанный с нехваткой рабочих рук в сельском хозяйстве, нацистское правительство приняло в 1934 г. законодательный акт, по которому сельскохозяйственные рабочие не имели права сменить место работы и уехать в город. Однако в 1936 г., когда недовольство таким ограничением достигло критического уровня, а городским предприятиям нацистов потребовались дополнительные немецкие рабочие руки, этот закон был отменен.

Сельские проблемы, кроме описанных выше последствий, дали неожиданный социальный эффект. Из-за недостатка семейного жилья число браков среди сельхозрабочих и селянок было чрезвычайно низким. Женщинам к тому же все чаще приходилось самостоятельно управляться с хозяйством — большинство мужчин были призваны в армию. Даже в мирное время женщины составляли не меньше половины сельскохозяйственных рабочих (причем 75% из них работали бесплатно); чтобы уследить за фермой и семьей, им нередко случалось работать по 70 часов в неделю. Среди тех, кто бежал из деревни в город, значительную часть составляли молодые незамужние женщины, которые стремились выйти замуж за городского парня и тем самым улучшить свои перспективы и уровень жизни. Возможно, нацисты и сами подстегнули это движение. В Третьем рейхе процветало множество женских групп и объединений — некоторые независимо, но по большей части под эгидой Национал-социалистического женского союза. Сельские женские кружки занимались, в частности, организацией однодневных экскурсий и поездок, которые позволяли селянкам вырваться за пределы привычного круга, увидеть другие села и города. Такие поездки зачастую разрушали сложившиеся патриархальные представления, заставляли женщин стремиться к новому и неизведанному.

Росла и, в нацистском понимании, преступность; чаще всего речь шла о спекуляции и операциях на черном рынке. На селе такие операции обычно сво-

Вверху: вспашка земли в Померании, 1935 г. Уже давно существовали тракторы, но многие немецкие фермеры не могли позволить себе покупку или даже аренду такой техники. В результате большую часть полевых работ приходилось выполнять вручную

дились к незаконному забою скота или утаиванию части урожая для себя или на продажу. «Черным забоем», вероятно, можно объяснить тот факт, что поголовье скота, свиней и кур с 1935 по 1940 г. оставалось практически неизменным. Надзор в сельской местности был гораздо менее строгим, чем в городах, и «вольничать» с продуктами было значительно проще. Тем не менее торговать на черном рынке было очень опасно. Тюремный срок больше одного года автоматически запрещал в дальнейшем владеть землей, а за незаконный забой значительного числа животных можно было получить смертный приговор, как нередко и случалось.

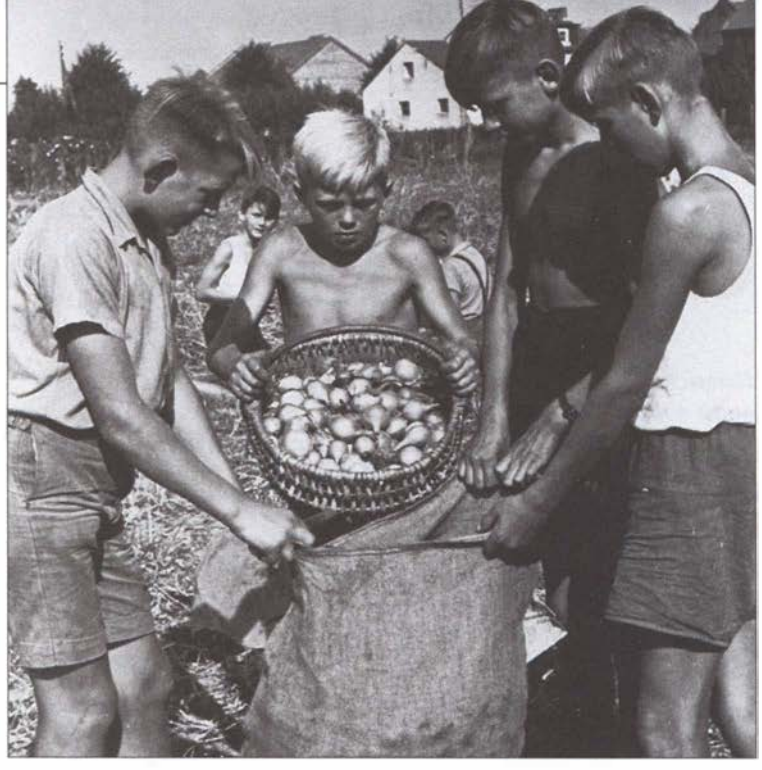
Придя к власти, Гитлер и его ставленники довольно быстро поняли, что с оттоком рабочей силы из села надо что-то делать. Первоначально они попытались решить вопрос при помощи молодых временных работников — членов гитлерюгенда, студентов, школьников и других. Считалось, что работа на земле закаляет характер, так что нацистская партия без труда привлекала школьников — гигантский источник бесплатной рабочей силы — к работе в рамках социально значимой программы «земельной службы». Кроме того, в 1937 г. было введено «сельское ученичество» — но эта программа оказалась непопулярной; из 41 тысячи мест занятой оказалась всего четверть.

Более эффективным решением проблемы рабочих рук на селе оказались иностранные рабочие (взрослые). Итальянцы и венгры, измученные у себя дома

Вверху: попытки нацистов помочь сельскому хозяйству включали, в частности привлечение к работам подопечных Имперской службы труда, *RAD* — мужчин 18—25 лет, отрабатывавших обязательную трудовую повинность

Слева: к работе в сельском хозяйстве Германии привлекалось большое количество иностранных рабочих. На фото — молодые работницы из Восточной Европы (обратите внимание на нашивку OST на их одежде), 1943 г.

экономическими трудностями, хлынули в Германию помогать с уборкой урожая. Только в 1938 г. их было 100 тысяч. С началом войны резерв иностранной рабочей силы многократно вырос — правда, на этот раз речь шла о принудительном труде. Из 7 126 000 иностранных рабочих в Германии в 1944 г. 2 402 000 использовались в сельском хозяйстве. Еще до войны на германских фермах нередко работали польские батраки, так что теперь Польша вновь стала главным источников иностранных сельхозрабочих.



Вверху: в сельском хозяйстве использовался и гитлерюгенд. Считалось, что труд на земле — часть процесса закаливания. Гитлер заявлял: «Слабых необходимо безжалостно отсекать. Мне нужны молодые люди, способные терпеть боль».

Иностранные рабочие

Большое количество иностранных рабочих среди сельского населения Германии, насчитывавшего всего около 13 миллионов человек, доставляло нацистским чиновникам немалое беспокойство. Польские рабочие по большей части жили в специальных лагерях: нацисты предписывали селить отдельно от немцев-работников даже тех, кто работал на небольших фермах. Однако многие немецкие крестьяне достаточно близко сходились с новыми рабочими, и уровень сегрегации нередко снижался — особенно на маленьких изолированных фермах, где о нацистской идеологии думали мало и где не было строгого надзора со стороны властей. К рабочим из Западной Европы, например из Франции или Бельгии, почти всегда относились более снисходительно — представители этих народов, в отличие от большинства восточноевропейцев, не относились к категории «недочеловеков».

Особенно опасно было женщине-селянке вступить с кем-то из иностранных рабочих в сексуальные отношения. К 1944 г. молодых немцев-мужчин в селе почти не осталось, и риск, естественно, многократно возрос. Женщины вели замкнутую жизнь, много и тяжело работали, часто страдали от одиночества и нередко заводили близкую дружбу с иностранцами — дружбу, которая иногда перерастала в нечто большее. В глазах нацистов это было серьезное преступление. Законы против «осквернения чистоты расы» были суровы, и иностранцу-мужчине, как правило, грозила смертная казнь (если это был поляк или русский, казнили наверняка). Женщине полагалось тюремное заключение; поскольку «заключение» могло означать нацистский концлагерь, по существу, это был тот же смертный приговор.

Война затронула село в не меньшей степени, чем город. В среднем жизнь работающих на земле стала еще тяжелее. Молодые немцы, как правило, были на фронте, и оставшимся в селе женщинам и старикам приходилось работать еще больше — в страду нередко по 100 и больше часов в неделю. Но худшее было впереди. В 1945 г. советская Красная армия хлынула на территорию самой Германии. Страх перед русскими — вполне обоснованный — был таким, что чуть ли не все население Восточной Пруссии, района в основном аграрного, попыталось в разгар зимы бежать на запад. Результат — один из самых страшных случаев массового вымирания населения в истории. Согласно оценкам, почти миллион человек стал жертвой холода, голода и мести Красной армии. Так страшно кончили жизнь многие из тех, кто больше десяти лет терпел физические лишения, обрабатывая землю под властью национал-социалистов.

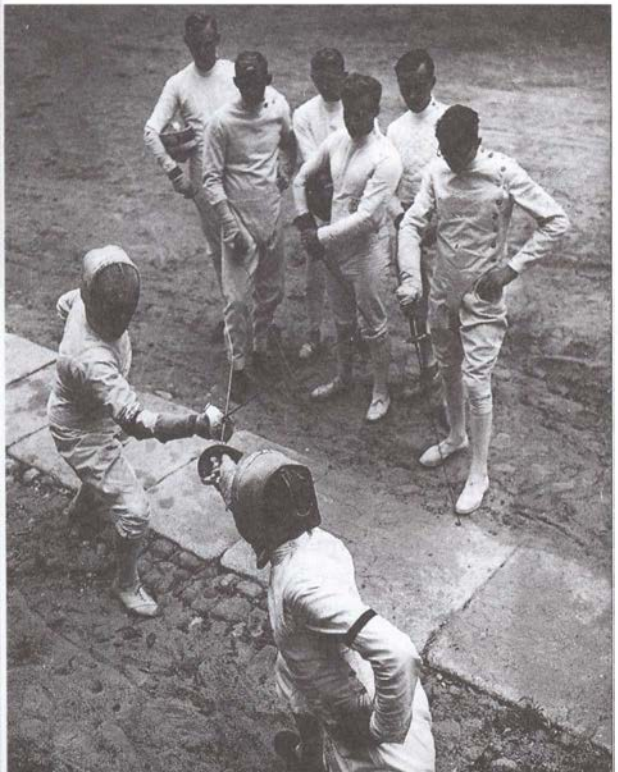
Глава 7

Спорт

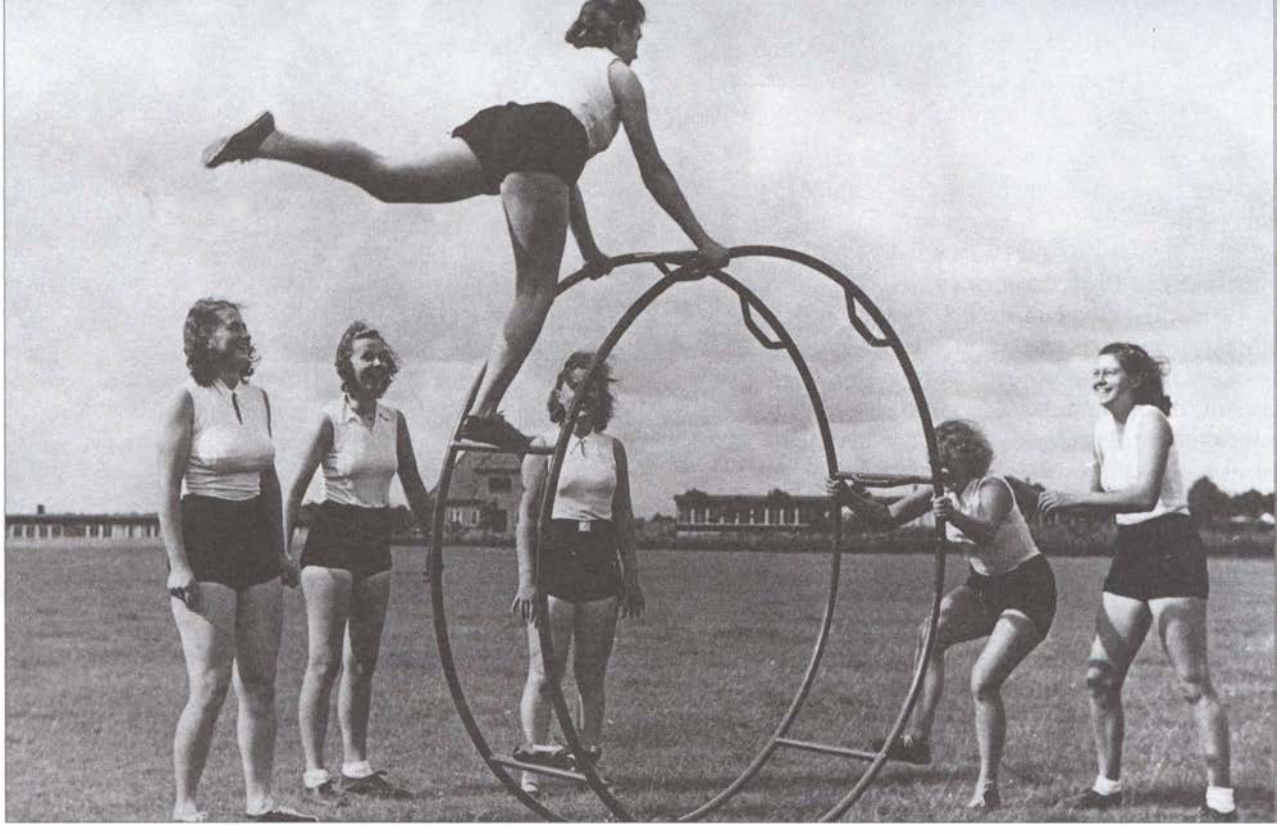
Нацисты относились к спорту с большим энтузиазмом, видя в нем важную часть процесса формирования господствующей арийской расы. В результате появилось закаленное физически и духовно поколение, которое отправилось сражаться — и умирать — в германских вооруженных силах Второй мировой войны.

Энтузиазм нацистов по отношению к спорту неотделим от их страсти к войне. В 1933 г. спорт был объявлен частью нацистской политики «унификации». «Унификация» была попыткой объединить все германское общество и культуру в рамках нацистской доктрины. Даже спорт не был уже невинным занятием; он стал центральной идеей нацистского социального строительства. Вынуждая практически все слои германского общества регулярно заниматься физическими упражнениями, гитлеровский режим рассчитывал создать физически и духовно сильную нацию, готовую и способную следовать своему неизбежному предназначению — воевать. 23 апреля 1933 г. Йозеф Геббельс, имперский министр пропаганды, с готовностью признал в своей речи: «У германского спорта только одна задача: укрепить характер немецкого народа, внедрить в него боевой дух и стойкое товарищество, необходимые в борьбе за существование».

Нацистская идеология, как мы еще убедимся, считала физическую силу высшей добродетелью — полагалось, что по иерархии она выше как интеллектуальной, так и духовной силы. Согласно



Внизу: в нацистской Германии можно было заниматься множеством видов спорта, начиная с фехтования (*слева*) и заканчивая плаванием (*справа*). Но цель у всех занятий была одна — дать молодым людям Германии «закаленные и сильные» тела



Вверху: физическая активность должна была не только сохранять телесное здоровье, но и отвлекать молодых немцев от «вредных занятий вроде карточных игр, выпивки и дурной музыки»

но странным представлениям Гитлера о мире, интеллект способен породить лишь слабоумных индивидов, непригодных для великих военных предприятий, предстоящих Германии. Очевиднее всего эти представления проявились в отношении Гитлера к молодежи — главному объекту спортивной программы нацистов.

Спорт и молодежь

В одной из самых известных своих цитат фюрер высказал желание видеть молодого немца «быстрым, как гончая, прочным, как ремень, и твердым, как крупповская сталь». Система молодежного спорта нацистской Германии, нацеленная на выполнение воли Гитлера, делала основной упор на яростные активные игры, разжигающие соперничество, — игры, обычными составляющими которых являются боль и предельная усталость. Логическое обоснование этого принципа мы можем найти еще в одной речи Гитлера. Молодежь, по Гитлеру, будет

«в полной мере тренирована во всех физических упражнениях. Я намерен создать атлетическую молодежь, это первое и главное. На этом пути я уничтожу без следа результат тысячи лет воздействия цивилизации на человека. После этого передо мной окажется чистый и благородный естественный материал. С ним я смогу создать новый порядок. Все образование в национальном государстве должно быть нацелено не на то, чтобы набить студента какими-то знаниями, но на то, чтобы построить тела, здоровые до самой сердцевины. Я не потерплю никакого интеллектуального обучения. Знание для моих молодых людей — гибель. Яростно активная, властная, жестокая юность — вот чего я добиваюсь. Молодежь должна быть безразлична к боли. В ней не должно быть слабости и слюнтяйства. Я хочу снова увидеть в ее глазах блеск гордости и независимости хищного зверя».

По существу, спорт у нацистов был методом устранения у молодого человека всяких признаков гуманности и мягкости перед призывом его в армию — то есть перед тем моментом, когда преобразованный индивид становится наконец полезным в военном отношении. Тот факт, что многие самые фанатичные юнцы, порожденные этим режимом,

Вверху: «Моя программа обучения молодежи — тяжелая программа. Слабость нужно вышибать. Мне нужна резкая, властная, бесстрашная, жестокая молодежь. В ней не должно быть ничего слабого». (Адольф Гитлер, 1933 г.)

служили в эсэсовских «эскадронах смерти» на Восточном фронте, вовсе не совпадение.

В середине 1930-х гг. каждый школьник должен был два или три раза в неделю заниматься спортом. К 1938 г. число занятий физкультурой увеличилось до пяти в неделю за счет сокращения занятий, посвященных религии. Дети занимались спортом не только в школе, но и в различных нацистских молодежных организациях, которые посещали после школы или в выходные дни, а также в специальных лагерях. Было четыре основные организации: «Германская молодежь» (Молодежный союз юношей) и «Гитлеровская молодежь» (Гитлерюгенд), которые объединяли, соответственно, мальчиков 10—14 и 14—18 лет. Союз девочек (юнгфольк) и Союз германских девушек работали с девочками этих же возрастных групп. «Многообещающие» юноши могли также посещать одну из трех молодежных школ, которые готовили будущих руководителей: школу Адольфа Гитлера, Национально-политическую академию, Napola, или Рыцарский замок, Орденсбурген.

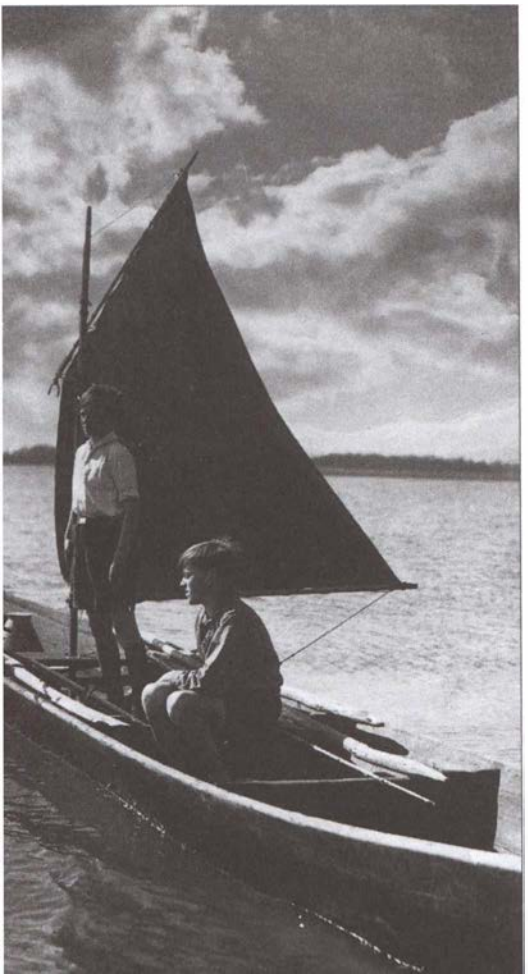
В этих учебных заведениях на физическую подготовку тратилось больше времени, чем на любые другие занятия. Диапазон видов спорта был чрезвычайно широк; представлены были практически все виды атлетики и гимнастики, но особенную популярность снискали бег на длинные дистанции, плавание, прыжки в длину, метание диска и молота. Молодежный спорт у нацистов был призван развивать полезные в военном деле качества и формировать приверженность к тому, что можно определить как «командная психология». Спортивные занятия в гитлерюгенде велись по слегка видоизмененным программам общефизической подготовки пехотинцев. В период с 1933 по 1935 г., когда в Германии по Версальскому договору были еще запрещены многие виды военной подготовки, в категорию «спорт» попали стрельба, хождение под парусом, управление планером, ориентирование по карте, транспортировка орудийных лафетов и маскировка. Участники всех этих занятий были одеты в полувоенную форму; за победу в состязаниях награждали медалями. После отмены в 1935 г. версальских ограничений военный характер подобных «спортивных занятий» стал чуть более очевидным; тем не менее нацисты по-прежнему пытались скрыть реальную их цель под маской спорта. Истинное лицо нацистского спорта проявилось только в конце 1930-х гг., когда содержание курса спортивных тренировок гитлерюгенда было передано под непосредственную юрисдикцию вермахта. (Единственным преимуществом надзора со стороны вермахта стало запрещение боксерских поединков между мальчикам иначе как под непосредственным надзором офицера — хотя можно спорить, вело ли такое правило к воспитанию меньшей жестокости.)

Сочетание практической военной подготовки и занятий спортом должно было дать молодым людям умение работать в команде. Как большинство тоталитарных режимов, нацистская Германия была категорически антииндивидуальна. Игры для молодежи разрабатывались таким образом, чтобы прививать участникам скорее чувство принадлежности к определенной группе или команде, чем ощущение собственной индивидуальности. Это не так хорошо и полезно, как кажется на первый взгляд. К примеру, одна из игр называлась «траппер и индеец». Две команды, различающиеся по цвету нарукавных повязок, выслеживали друг друга с использованием техни-

Вверху: в нацистской Германии спорт и военная подготовка зачастую смешивались. На фото член гитлерюгенда готовится к полету на гидропланере. Вне всяких сомнений, позже этот юноша вступил в ряды люфтваффе

ки маскировки, патрулирования и засад в густом лесу. Одна команда пыталась застать другую врасплох, а затем в ходе санкционированной потасовки каждый участник пытался сорвать как можно больше повязок «противника» и обеспечить своей команде победу. Хотя подобные игры проходили под наблюдением лидеров групп, физического насилия хватало. Успеха добивались только развитые физически, целеустремленные юноши. Те, у кого получалось не слишком хорошо, со временем подвергались остракизму как со стороны товарищей по команде, так и со стороны руководителей лагеря; в наказание за физическую слабость их третировали и заставляли выполнять грязную работу.

Для тысяч не слишком физически развитых или просто нервных детей по всей империи спорт превратился в настоящий инструмент пытки. Старшие мальчики в школах и молодежных лагерях должны были в обязательном порядке заниматься боксом — это означало, что множество детей каждую неделю подвергалось настоящим побоям со стороны какого-нибудь безжалостного громилы. Другие — не такие жестокие — виды спорта также играли в этой системе свою роль. Считалось, что тренироваться нужно до полного изнеможения; результатом все чаще становились физические травмы или нервное истощение. Спортивные травмы превратились в серьезную проблему. Если растущий организм подростка подвергается сильному напряжению, то особенно часто страдают и особенно уязвимы так называемые «пластинки роста» в костях — а ведь именно подростки в нацистской Германии составляли ту демографическую группу, которая должна были выдерживать самый интенсивный спортивный режим. В 1936 г. около 37% призванных на военную службу 18-летних немцев страдали плоскостопием, развившимся в результате травмы свода стопы. Один из молодежных лидеров Ганновера даже вынужден был отдать приказ о немедленном снижении физических нагрузок для своих подопечных, чтобы справиться с этой проблемой.



Возникали также психологические и социальные проблемы. При поступлении во многих школах устраивали спортивные испытания, и не слишком спортивным детям, несмотря на интеллектуальные способности, нелегко было получить достойное образование. Более того, сертификат об окончании школы выдавался только тем, кто выполнял

Слева: «Мы не хотим, чтобы эта нация стала мягкотелой. Нет, она должна быть твердой, и вам придется закаляться с юности. Вы должны научиться переносить лишения». Обращение Гитлера к членам гитлерюгенда, 1934 г.

установленные спортивные нормы. После окончания школы молодые люди, поступившие работать учениками, должны были весь срок своего ученичества продолжать заниматься физкультурой по школьной программе. Ученика, показывавшего слабые спортивные результаты, в любой момент могли отстранить от занятий или даже исключить из школы. В извращенном сознании нацистов такие — неспособные к физическим занятиям — люди были бесполезны на службе Третьему рейху. Стоит ли удивляться, что при выборочном обследовании лагеря гитлерюгенда в 1938 г. у 50 детей в возрасте от 10 до 15 лет были обнаружены различные хронические расстройства пищеварения, связанные с постоянным нервным напряжением.

Однако для тех молодых людей, кто способен был добиться успехов в спорте, середина и конец 1930-х гг., должно быть, стали счастливым временем. Спортивная удаль приносила уважение старших и начальства и давала молодому человеку возможность быстро и без проблем сделать карьеру и стать офицером. Спортивный талант давал также возможность участвовать в соревнованиях национального масштаба. В 1935 г. Бальдур фон Ширах — руководитель гитлерюгенда — объявил «год физической подготовки» и открыл первое национальное спортивное первенство. В дальнейшем эти ежегодные соревнования превратились в грандиозное событие, привлекавшее тысячи участников; они позволяли молодым людям проявить себя и продемонстрировать высочайшие спортивные достижения.

Увлечение немецкой молодежи спортом благотворно сказалось и на инфраструктуре Германии. Строительство молодежных турбаз было одним из видов приложения физического труда членов гитлерюгенда. На Нюрнбергском процессе после Второй мировой войны фон Ширах хвастался тем, что за один только год его организация построила по всей Германии одну тысячу молодежных турбаз и гостиниц. Гитлерюгенд представлял собой неисчерпаемый источник бесплатной рабочей силы для гитлеровского режима, поскольку к 1939 г. в этой организации состояло почти 9 миллионов молодых немцев.

Внизу: немецкие девушки принимают участие в беге на 80 м с препятствиями. Следствием одержимости нацистов физическим развитием стал тревожный рост числа спортивных травм среди немецкой молодежи

Вверху: один из Рыцарских замков нацистского режима. В Рыцарские замки — полувоенные школы, где учащихся доводили до предела физической выносливости, а во время военных игр использовали боевые боеприпасы, — попадали лучшие из лучших

Взрослые и спорт

Взрослое население, хотя львиную долю «спортивного» внимания нацистский режим уделял молодежи, тоже не оставалось без надзора; почти все работающие граждане Германии в возрасте от 16 до 55 лет принимали какое-то участие в спортивных занятиях.

В централизованном нацистском государстве частью рабочего дня для большей части людей, занятых в промышленном секторе, стала ритмическая гимнастика. Целые заводы практически останавливались на некоторое время — до получаса, — чтобы заняться растяжкой, силовыми упражнениями или аэробикой. Эти физкультурные паузы значительно сократились, а во многих местах прекратились вовсе после вступления Германии в смертельную схватку и начала ее постепенного соскальзывания к гибели. К 1944 г. даже женщины — которым нацистская доктрина предписывала заниматься домашним хозяйством — работали по 55 часов в неделю и больше, поддерживая жизнь германской военной машины. В такой обстановке дополнительные спортивные нагрузки были определенно лишними.

Плата за физическую подготовленность

Нацистская программа физической подготовки даже до войны, то есть до 1939 г., ложилась на плечи многих немцев тяжким бременем. Один особенно беспощадный эдикт конца 1930-х гг. устанавливал физкультурные тесты и нормы для всех без исключения взрослых мужчин-немцев до 55 лет включительно. Чтобы сдать тесты, человек должен был прыгнуть в длину на 2,8 м, пробежать 1 км меньше чем за шесть минут и метнуть туго набитый мяч весом 2,9 кг на 6,15 м. Для людей постарше сдача таких тестов нередко заканчивалась растяжением мышц спины, разрывом связок и сухожилий, переутомлением. Неудача при сдаче норм могла означать дополнительные тренировки и даже трудности с поиском работы. К примеру, железные дороги Германии принимали на работу только обладателей национального спортивного сертификата.

Взрослый спорт в тогдашней Германии, как и молодежный спорт, можно расценивать неоднозначно. С одной стороны, множились случаи физических травм и даже нервных заболеваний. За период с 1933 по 1939 г. в Германии резко выросло число самоубийств; росло и неумеренное потребление алкоголя. В некоторых районах Германии число пациентов психиатрических клиник увеличилось примерно на 30% (хотя значительную часть этого роста можно объяснить притоком умственно неполноценных людей, которых режим посчитал «нежелательными»). Очевидно, говорить об «ответственности» спорта здесь можно лишь с большой осторожностью. Спорт, скорее, был еще одним фактором из тех, что усложняли в нацистском обществе жизнь людям и оказывали постоянное психологическое давление, — чтобы быть успешным или хотя бы не показаться неудачником, нужно было соответствовать стандартам. Все играло свою роль — и повышение нагрузок на работе, и угроза, а затем и реальность войны, и психологические нагрузки.

Однако следует признать то, что точно так же нацистская спортивная программа оказала и благотворное влияние на здоровье многих взрослых. К примеру, благодаря движению «Сила через радость» более 5 миллионов немцев получили национальные спортивные сертификаты. У нас почти нет прямых сви-

детельств того, какое влияние оказали постоянные спортивные занятия на здоровье населения Германии. Главное, что регулярные занятия спортом дают снижение частоты сердечных заболеваний, инсультов и рака — трех главных убийц современности. Мы можем точно сказать, что за мирные годы ожидаемая продолжительность жизни в Германии значительно выросла. Если в 1910 г. ожидаемая продолжительность жизни при рождении составляла для мужчины 45 лет, а для женщины 48, то к концу 1930-х гг. — в результате улучшения как медицинского обслуживания, так и общего состояния здоровья населения — эти цифры выросли до 60 и 63 лет соответственно.

Однако некоторым группам германского общества спортивные программы нацистов не принесли совершенно никакой пользы.

Спорт и расовая доктрина

Идеализированные образы светловолосых голубоглазых атлетов были предназначены не только для повышения настроения и развития чувства прекрасного. Они были реально действующим элементом нацистской расовой доктрины. На базовом уровне спортивные успехи немцев должны были демонстрировать всему миру физическое и духовное превосходство арийской расы над всеми прочими, особенно над евреями и цыганами.

Заявление имперского комиссара спорта от 6 августа 1935 г. служит доказательством этого. В заявлении говорилось, что теперь все спортивные клубы Германии должны будут посвящать октябрь месяц преподаванию антисемитизма и расовой доктрины. Грубые сеансы псевдонауки и идеологической обработки — таков был результат. Из лучших юных спортсменов клуба выбирали несколько классических арийцев и демонстрировали на них совершенство физического строения и структуры лица истинного арийского типа. И наоборот, в качестве обратного примера демонстрировались фотографии юных евреев или

Вверху: любимый нацистами образ арийской женщины. Подобные изображения должны были не только показывать общий атлетизм немцев, но и демонстрировать всему миру физическое превосходство арийцев над другими «низшими» расами

даже реальные молодые люди. Их подвергали унизительному физиологическому анализу, демонстрируя «правильным» атлетам, как отличить еврея от немца-арийца по ключевым характеристикам лица и структуры тела. Принятие закона, запрещающего евреям поступать на военную службу, стало еще одним знаковым событием 1935 г. А поскольку спорт в нацистской Германии представлял собой чуть ли не исключительно подготовку к военной службе, сигнал оказался двояким: евреям нет места в будущем Германии, ни как спортсменам, ни как солдатам.

В то время как большинство населения Германии при нацистах стало более активно заниматься спортом, для евреев и других маргинализированных групп спорт, как любительский, так и профессиональный, стал значительно менее доступным. На любительском уровне еврейских спортсменов и гимнастов исключали из школьных, городских и прочих спортивных клубов или просто не допускали туда. В знак протеста мно-

гие евреи пытались организовать собственные местные клубы, но под властью нацистов деятельность таких клубов скоро стала практически невозможна. Мало того что атлеты становились мишенью для антисемитских выходок — еврейские клубы не получали от германских властей никакого финансирования, — попытки самофинансирования также не имели успеха, и спортивные клубы закрывались один за другим, по мере того как нацисты лишали евреев работы и устраняли из бизнеса. Были прекращены даже выплаты пособий, а затем в ноябре 1938 г. на евреев Германии был наложен штраф в форме «компенсации» размером в 1 миллиард рейхсмарок. После того как все дети евреев в течение одного месяца были исключены из школ, евреи практически потеряли доступ к организованному спорту.

Политика исключения евреев и цыган из спорта сказалась и на профессиональных спортивных командах. В начале 1930-х гг. в Германии было немало спортсменов-чемпионов еврейского происхождения. После прихода Гитлера к власти эти атлеты стали для режима раздражающим фактором — евреи и цыгане должны были служить иллюстра-

Вверху: женщины должны были быть физически развитыми, но не слишком худыми; считалось, что при беременности это может вызвать проблемы

Слева: Ганс фон Чаммер унд Остен, имперский спортивный руководитель. Он сделал спортивные успехи условием поступления в школу и — на некоторых предприятиях — на работу

цией физической ущербности по отношению к арийской расе, а не демонстрировать атлетическое искусство. Поэтому евреев начали планомерно вытеснять из соревновательных видов спорта. К примеру, в боксе чемпион-любитель Эрих Зеелиг (еврей) и чемпион в среднем весе Иоганн-Цыган Тролльман были исключены из Германской боксерской ассоциации, а Тролльману было вообще запрещено заниматься боксом. В теннисе обладатель международных наград Даниэль Пренн (еврей) был изгнан из команды Германии на Кубке Дэвиса; в прыжках в высоту Гретель Бергманн не смогла найти клуба, который бы ее принял, кроме еврейской ассоциации «Щит».

В равной степени опасно было и спортсменам-неевреям поддерживать какие бы то ни было отношения со спортсменами-евреями или еврейками. К примеру, 3 июля 1935 г. официальная газета корпуса телохранителей Гитлера (СС) «Черный корпус» написала, что «поступил критический сигнал о том, что в Берлине группа женщин-евреек соревновалась с группой спортсменок из полицейских спортивных клубов города. Мы проверили этот факт и рады сообщить, что все, кто принимал участие в этой игре, исключены из немецких спортивных организаций».

Исключением из правила о недопущении евреев стала чемпионка по фехтованию Хелена Майер, наполовину еврейка. Она даже представляла Германию на Олимпийских играх 1936 г. в Берлине, хотя, как мы убедимся чуть позже, она была к ним допущена только потому, что германскому режиму нужно было произвести на мировую общественность впечатление либеральности. Нацистский декрет, вышедший немного раньше, ясно объявил, что 1936 г. станет для еврейских атлетов переломным. В декрете утверждалось, что «чтобы заткнуть рот еврейской агитации из-за рубежа... евреям (без сколько-нибудь тесных контактов с неевреями)... позволено будет заниматься [спортом] до Олимпийских игр 1936 г. Общие правила для еврейских спортсменов выйдут после окончания Олимпиады». Упомянутые «общие правила» свелись попросту к изгнанию евреев из спортивного сообщества Германии.

Вверху: американский боксер-тяжеловес Джо Луис (*справа*). В 1937 г. он нанес поражение чемпиону мира в тяжелом весе Джеймсу Брэддоку, после чего сказал: «Я не хочу, чтобы меня называли чемпионом, пока не побью Макса Шмелинга».

Чернокожие оказались еще одним сектором германского общества, исключенным из спортивной жизни. Германские чернокожие, наряду с другими народами вроде русских и поляков, были официально отнесены к категории «недочеловеков». На международной арене тем не менее немецким атлетам приходилось непосредственно соревноваться с чернокожими атлетами. В США, несмотря на сегрегацию и расизм, которые по-прежнему были широко распространены, чернокожие спортсмены — особенно бегуны и боксеры — участвовали в соревнованиях на самом высоком уровне. Поэтому, когда немецкие спортсмены встречались лицом к лицу с чернокожими американцами, на кон ставилось куда больше, чем просто спортивная честь.

Макс Шмелинг и Джо Луис

Именно в таком свете предстает перед нами эпическая дуэль между немецким боксером Максом Шмелингом и его чернокожим американским соперником Джо Луисом. К середине 1930-х гг. Джо Луис успел проявить себя как новая восходящая звезда на небосклоне международного бокса в тяжелом весе. Он нанес свой первый удар по фашизму в 1935 г., когда победил всего в шести раундах итальянского чемпиона-тяжеловеса Примо Карнера. Американская публика была уверена, что Луис запросто побьет своего следующего противника, бывшего чемпиона Германии в тяжелом весе Макса Шмелинга. Схватка была назначена на 19 июня 1936 г.

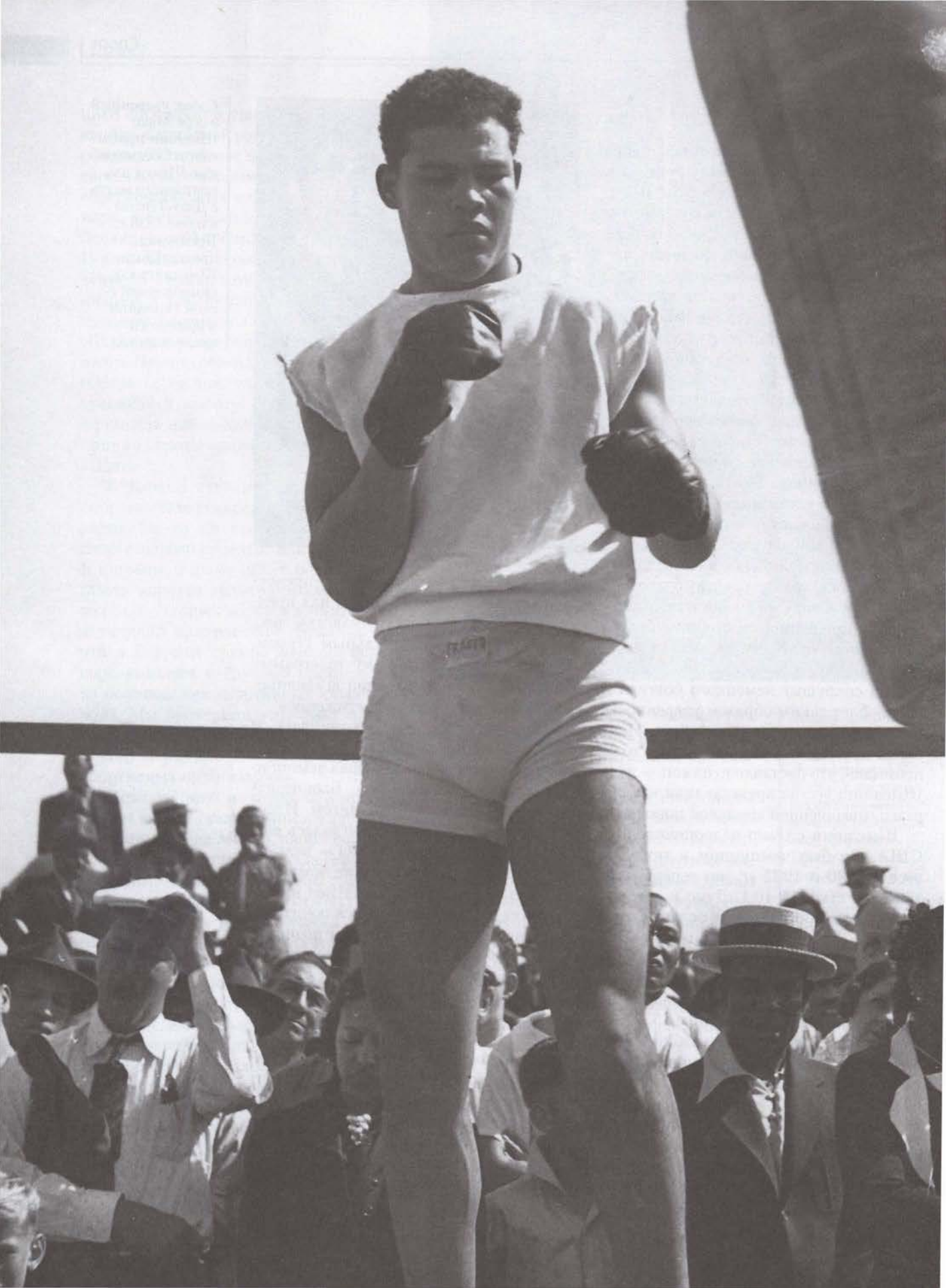
Это было состязание, крепко замешанное на идеологии и политике. Луису и самому приходилось бороться с расизмом в спортивном сообществе США, но — не в последнюю очередь благодаря хорошему агенту — он постепенно добивался признания со стороны белого спортивного братства. Еврейское население США особенно жаждало увидеть, как он сокрушит немецкого боксера и поколеблет таким образом уверенность в расовом превосходстве арийцев. Немцы по другую сторону Атлантики тоже понимали, что поставлено на кон, — ведь Шмелинга всегда представляли как образец совершенной арийской породы.

Шмелинга сильно недооценивали в США. Он был чемпионом в тяжелом весе в 1930 и 1932 гг., но теперь против него ставили 10:1. Луис и сам поверил этой пропаганде и ослабил тренировки, предпочитая им гольф. Это оказалось большой ошибкой с его стороны. Луис ничего не смог противопоставить Шмелингу в вечер схватки на стадионе «Янки» перед лицом 45 тысяч зрителей; немецкий боксер избивал своего противника раунд за раундом, пока не отправил его в двенадцатом раунде в нокаут.

Победа Шмелинга в Соединенных Штатах вызвала настоящее смятение, в нацистской Германии — эйфорию. С точки зрения нацистов, триумф Шмелинга служил подтверждением превосходства белого немца-арийца над представителями прочих «низших» рас. Шмелинг стал национальным героем. Гитлер лично прислал ему телеграмму с поздравлением и похвалой за «великолепное патриотическое достижение».

Слева: уверенный в себе Макс Шмелинг прибывает в Соединенные Штаты для повторного матча с Джо Луисом в июне 1938 г. Пропаганда представляла Шмелинга как символ нацистской Германии и арийского превосходства

На этом история не закончилась. В 1937 г. Луис после победы над Джеймсом Брэддоком вновь завоевал чемпионское звание в тяжелом весе. Был назначен новый матч со Шмелингом. Идеологическая лихорадка разыгралась еще сильнее, чем в прошлый раз — ведь на кон было поставлено звание чемпиона в тяжелом весе, самое почетное в боксе. Матч рассматривался исключительно с национальной и расовой позиции. К 22 июня 1938 г. — дате состязания — американская публика была уже подробно знакома с фактами политической и расовой нетерпимости в Германии. США, с их многочисленными еврейской и афроамериканской общинами, рассчитывали на победу Луиса. Сам президент Франклин Рузвельт сказал Луису во время обеда в Белом доме: «Джо, чтобы побить Германию, нам понадобятся мускулы вроде ваших». Шмелинга, прибывшего пароходом в бухту Нью-Йорка,



встречали сотни демонстрантов из Антинацистской лиги и Американского еврейского конгресса. Сам Шмелинг получил еще одну телеграмму от Гитлера: «Будущему чемпиону мира Максу Шмелингу. С пожеланием всяческих успехов».

На этот раз Луис был готов. Перед лицом 70-тысячной толпы зрителей все на том же стадионе «Янки» он в первые же секунды матча обрушил на Шмелинга каскад из сорока ударов; схватка закончилась за две минуты и четыре секунды. Результат привел германские власти в смятение, и они быстро дистанцировались от Шмелинга. В США газета «Американский еврей» просуммировала настроение публики и написала, что Луис нанес «страшный удар по теории расового превосходства». Ирония ситуации заключается еще и в том, что ни один из противников не интересовался политикой. Шмелинг, вообще говоря, был активным противником нацистской расовой теории. Луис так выразил свои чувства: «Я ничего не имею лично против Макса. Но в глубине души я не считал себя чемпионом, пока не побью его. Все остальное — черный против белого и все такое — придумал кто-то другой». После войны между Луисом и Шмелингом даже завязалась прочная дружба.

Слева: Шмелинг на больничной койке после поражения в поединке с Джо Луисом. Во время Второй мировой войны Шмелинг был парашютистом-десантником, а после войны возобновил свою карьеру боксера. Он выступал на ринге до 1948 г.

Олимпиада 1936 г.

Берлинская Олимпиада 1936 г. — вероятно, самая противоречивая Олимпиада за всю историю Игр. После Первой мировой войны, в 1920 и 1924 гг., Германия не была допущена к участию в Олимпийских играх. Это не особенно беспокоило Гитлера — он считал, что состязаться бок о бок с «неполноценными неарийцами» для немецких атлетов было бы унизительно. Бруно Матлиц, представитель нацистской партии, подтвердил эту позицию в письме к членам немецких спортивных клубов, определив Олимпийские игры как «наводненные французами, бельгийцами, поляками и негро-евреями».

Несмотря на такие взгляды нацистов, 13 мая 1931 г. Международный олимпийский комитет предоставил Германии право принять у себя игры 1936 г. Разумеется, в этот момент нацисты еще не были у власти, и МОК решил, что такой шаг может символизировать возврат Германии в ряды цивилизованных стран. Вопросы возникли после 1933 г., когда фашистские и антиеврейские взгляды нацистов стали государственной политикой. Геббельс приложил все силы, чтобы убедить Гитлера пересмотреть свое отношение к Олимпийским играм. Он утверждал, что проведение Олимпиады покажет мировому сообществу возрожденную мощь Германии и обеспечит нацистов первоклассным пропагандистским материалом. Кроме того, состязания позволят несомненно сильной германской команде продемонстрировать арийский атлетизм. Гитлер согласился; на проведение Игр было выделено 20 миллионов рейхсмарок, то есть 8 миллионов американских долларов.

Однако в 1934 г. в мире разгорелись яростные споры по поводу проведения Олимпиады в Берлине. Особенно резкими они были в США. Еврейские, католические, христианские и светские спортивные организации объединились в своем осуждении германских Игр. Как

Слева: Луис на тренировке перед повторным матчем со Шмелингом. На этот раз он отнесся к предстоящей схватке серьезно и тренировался в полную силу. Шмелинг оказался на полу всего через две минуты и четыре секунды после начала матча

сказал в 1933 г. президент МОК Эвери Брендедж: «Сама основа современного возрожденного олимпийского движения будет подорвана, если позволить отдельным странам ограничивать участие в Играх по соображениям происхождения, веры или расы». Олимпийские правила особо запрещают любую расовую или религиозную дискриминацию; многие спортсмены и спортивные организации настаивали на полном бойкоте германских Игр.

Сам Эвери Брендедж был категорическим противником бойкота. Он утверждал, что Олимпийские игры «принадлежат спортсменам, а не политикам». В 1935 г. его мотивы в вопросе поддержки Олимпиады стали вызывать легкие подозрения, так как он неожиданно заявил, что на самом деле за спиной противников Олимпиады стоит реальная сила — «еврейско-коммунистический заговор». Это ни в коей мере не соответствовало действительности, так как против бойкота выступали даже некоторые еврейские спортивные организации. Тем не менее, чтобы разобраться с волной протеста, Брендедж и другие чиновники МОК в 1934 г. посетили Берлин и оценили ситуацию с дискриминацией. Естественно, германские власти тщательно подготовились к организации этого визита. В Берлине полностью исчезли всякие признаки антисемитизма; члены комиссии смогли встретиться со спортсменами-евреями, которые заверили их в своей полной свободе заниматься спортом.

Споры о бойкоте разрешились 8 декабря 1935 г., когда Любительский спортивный союз, ААУ, проголосовал за участие в Играх. Тем не менее немало атлетов решили остаться в стороне. На июль

Вверху: Игры привлекли лучших атлетов мира, таких как фигуристка Соня Хени из Норвегии
Внизу: зимняя Олимпиада 1936 г. предоставила шанс показать миру нацизм

1936 г. была даже запланирована альтернативная «народная олимпиада» в испанской Барселоне, но ее проведению помешала вспыхнувшая в Испании гражданская война.

Игры начинаются

Незадолго перед Играми в Берлине, 6—16 февраля 1936 г., Германия принимала у себя в Гармиш-Партенкирхене (Баварские Альпы) и зимнюю Олимпиаду. Эта Олимпиада дала руководству Германии возможность опробовать некоторые методики, которые затем, во время берлинской Олимпиады, были доведены до совершенства. Так, ради приличия перед лицом иностранных гостей временно были прекращены всякие проявления антисемитизма.

Гостей, посетивших олимпийский Берлин 1936 г., можно понять: им показалось, что немецкий антисемитизм — просто миф. С улиц и прилавков временно исчезли все антиеврейские плакаты и книги. Немецким газетам на период Игр запрещено было печатать рассказы и статьи антисемитского содержания. Жителям Берлина было даже приказано с 30 июня по 1 сентября не говорить ничего плохого о евреях. Чтобы создать впечатление о либерализме германского государства, к участию в Играх в составе команды Германии допустили даже одну наполовину еврейку (очень «арийской» тем не менее внешности) — чемпионку по фехтованию Хелену Майер. (На зимней Олимпиаде в команде тоже был один спортсмен с половиной еврейской крови — хоккеист Руди Балль.)

Жители Берлина проявили по отношению к приехавшим спортсменам и зрителям щедрое гостеприимство. Скажем, потребление яиц для берлинцев было урезано с тем, чтобы гости могли есть без ограничений. Временно было приостановлено действие законов против гомосексуалистов. Весь город был щедро украшен свастиками и прочей нацистской символикой, что придавало ему энергичный и величественный вид. Военная мобилизация также была

Слева: на зимней Олимпиаде команда Германии заняла второе место по количеству медалей (три золотые и три серебряные). Первое место заняла команда Финляндии (семь золотых, пять серебряных и три бронзовые медали)

укрыта от посторонних глаз. Обратите внимание на инструкцию министерства пропаганды, в которой говорится об Олимпийской деревне: «Северную секцию Олимпийской деревни, первоначально использовавшуюся вермахтом, не следует называть казармами; теперь она будет называться «северной секцией Олимпийской деревни». Мировая пресса была покорена. Лишь два или три репортера из самых опытных смогли заглянуть за красивый фасад — но даже и они не увидели всей правды. В северных пригородах Берлина уже заполнялся евреями и другими неугодными недоброй памяти Ораниенбургский концлагерь.

Церемония открытия Игр запомнилась всем, кто ее видел. По всему городу палили пушки. Гитлер лично выпустил на стадионе «Шпортпаласт» 20 тысяч почтовых голубей. Над стадионом кружил дирижабль «Гинденбург» длиной почти 304 м с гигантским олимпийским флагом на буксире. Посередине всего этого великолепия перед собравшимися толпами зрителей прошествовали атлеты из 49 стран мира.

Идеологическое поражение

В целом результаты XI Олимпиады в Берлине были положительными для хозяев. Громадные финансовые вложения в физическую подготовку и спорт дали свои результаты: команда Германии получила 33 золотые медали, оставив остальные команды далеко позади. Нацисты считали, что расовое превосходство арийцев нашло новое подтверждение.

Тем не менее, хотя многие нацистские предрассудки вроде бы подтвердились, некоторые из них вступили в явное противоречие с реальностью. Фехтовальщица-полуеврейка Хелена Майер заняла второе место, а еврейские спортсмены из других стран завоевали золотые и серебряные медали. В таком военизированном виде спорта, как фехтование, первенство евреев было весьма неприятно для нацистов. Но неоценимый вклад Майер в нацистскую пропаганду более чем компенсировал эту неприятность. Стоя на пьедестале почета, она отдала нацистский салют по всей форме, а на

Слева: Берлин, 1936 г. Гирлянды и щиты с гербами стран — участников Олимпиады. Гостиничный персонал получил указания относиться к гостям-иностранцам с максимальной терпимостью, не обращая внимания на расовую и религиозную принадлежность

Внизу: Бранденбургские ворота в Берлине во время Олимпиады 1936 г. Перед началом Игр с площади исчезли не только все антисемитские плакаты, но и автоматы по продаже газет

Вверху: Большой олимпийский стадион в Берлине вмещал 110 тысяч зрителей. В Играх принимали участие более 4 тысяч атлетов из 49 стран мира. Все парады, как тот, что на фото, были тщательно поставлены и отрепетированы

приеме в честь призеров Олимпиады пожала руку Гитлеру. Ее запечатлела в своем документальном фильме «Олимпия» и Лени Рифеншталь — ведущий кинорежиссер нацистской эпохи.

Более серьезным вызовом нацистской догме стал успех чернокожего атлета из США Джесса Оуэнса. В целом американская команда на берлинской Олимпиаде выиграла 56 медалей, из них 14 были получены чернокожими американцами. Выступление Оуэнса было просто невероятным. Он не только участвовал в эстафете 4 × 100 м и помог американской команде получить в этом виде золото, но и выиграл золото в спринтерском беге на 100 и 200 м, а также в прыжках в длину.

Поразительный успех Джесса Оуэнса был весьма неприятен нацистам и поставил их в неловкое положение. Геббельс лично дал указание немецким газетчикам не травить во время Олимпиады чернокожих атлетов. Вместо этого достижения Оуэнса просто отодвигались в сторону и замалчивались, а Гитлер отказался пожать руку Оуэнсу или любому другому чернокожему спортсмену. В то же время в США успех Оуэнса преподносился как поражение нацистской идеологии. Однако Соединенным Штатам и самим было о чем подумать в плане расовых отношений. Во время Олимпиады произошел достаточно неприятный инцидент: Эвери Брендедж отстранил Марти Гликмана и Сэна Столлера от участия в легкоатлетической эстафете. В легкоатлетической команде это были единственные евреи, и поступок Брендеджа показался всем попыткой угодить Гитлеру. Если не говорить о достижениях Майер и чернокожих американцев, Олимпиада 1936 г. в Берлине, несомненно, стала для немцев громадным успехом. Она произвела на Гитлера очень сильное впечатление; он даже сказал своему инспектору по архитектуре Альберту Шпееру, что «в 1940 г. Олимпийские игры пройдут в Токио. Но после этого они всегда, во веки ве-

ков, будут проходить в Германии, на этом стадионе».

После окончания Игр 1936 г. нацистский режим возобновил прерванные ненадолго преследования. Уже через две недели после закрытия Игр евреи вновь столкнулись с насилием и дискриминацией. (Майер в 1940 г. стала гражданкой США и поменяла фамилию на Мейер. Ее дядя был отправлен в концентрационный лагерь и погиб там.) Как ни печально это признавать, Олимпиада позволила Германии завоевать уважение в мире. Вот что написал 16 августа 1936 г. осторожный американский журналист Уильям Ширер: «Боюсь, что нацисты преуспели в своей пропаганде. Во-первых, они организовали Игры с большим размахом и щедростью, невиданными прежде; естественно, спортсменам это понравилось. Во-вторых, они устроили очень хороший прием для всех прочих гостей, особенно крупных бизнесменов». Только после начала войны в 1939 г. мир увидел наконец истинное лицо нацистской Германии.

Вверху: американский спортсмен Джесс Оуэнс побеждает в беге на 200 м. Гитлер отказался встречаться с чернокожими победителями Олимпиады

Слева: чемпионка Германии по фехтованию Хелена Майер, наполовину еврейка. На Олимпийских играх 1936 г. она завоевала серебряную медаль

В апреле 1945 г. советские войска ворвались в Берлин, и в начале мая война закончилась. Дворец спорта Шпортпаласт лежал в руинах, разрушенный бомбами союзников и огнем советской артиллерии. Его превращение из помпез-

Вверху: Гитлер (*в первом ряду со свастикой на рукаве*) смотрит финал по плаванию на Играх 1936 г. Несмотря на успех чернокожих атлетов, в целом нацисты были очень довольны Олимпиадой, так как Германия завоевала наибольшее число медалей

ного монолита германской идеологии в пустую скорлупу завершилось.

Каким оказался вклад спорта в подъем и падение нацистов? Нацистам, вне всяких сомнений, удалось получить физически и духовно закаленное и крепкое поколение молодых людей, годное для военной службы. Послевоенный анализ показал: в тех случаях, когда германские войска встречались с войсками союзников примерно равной боевой силы, у союзников обычно было на 50% больше раненых и убитых, чем у немцев. Прекрасные качества немецкого солдата можно объяснять не только спортивными занятиями, но и жесткой системой подготовки в вермахте. Тем не менее вряд ли можно сомневаться, что прекрасная физическая подготовка и привычка к напряженному и соревновательному существованию, а также знакомство с системой военизированных тренировок в немалой степени помогали немецкому солдату на поле боя.

Однако во время войны и у союзников были части, способные без всякой спортивной подготовки на равных сражаться с немцами, проявлять равную храбрость и выдержку. Вероятно, самым значительным и странным вкладом спорта в жизнь Третьего рейха было его использование в расовой доктрине. Роберт Лей, руководитель Германского трудового фронта с 1933 по 1945 г., однажды рассказал о том, почему он полагает нужным обучать молодых нацистских лидеров верховой езде. Он считал, что «верховой езде следует уделять большое внимание, потому что она дает... почувствовать, что ты способен полностью подчинить себе живое существо». Возможно, именно это чувство составляло подтекст всех спортивных мероприятий нацистского периода. При помощи спорта воспитывали индивидов, способных испытывать лишь пренебрежение к человеческой слабости и презрение к целым народам. Поэтому можно сказать, что 1933—1945 гг. — период самого постыдного использования спорта и физического развития в истории человечества.

Глава 8

Занятость

В 1930-х гг. нацисты создали в Германии что-то вроде экономического чуда: практически искоренили безработицу и резко подняли уровень промышленного производства. Однако на пути к этому они распустили профсоюзы, ограничили заработную плату и увеличили продолжительность рабочей недели.

Адольф Гитлер однажды сказал: «Тот, кто хочет стать настоящим социалистом, должен сначала испытать несчастье физически, на собственной шкуре». В этой суровой философии — правда об условиях труда в Третьем рейхе в период с 1933 по 1945 г. Труд при нацистском режиме был не вопросом личного призвания, а скорее формой служения государству и нации. Роберт Лей, глава Германского трудового фронта, объяснил в 1936 г. в пропагандистской брошюре:

«Адольф Гитлер создал национал-социализм и поставил общественное благо выше личного. Он устранил классовую борьбу — не важно, сверху или снизу, справа или слева — тем, что объявил во всеуслышание о том, что труд и служение есть дело чести. Чтобы этот урок, сделавший германского рабочего сторонником государства, не пропал, национал-социалистическая служба труда тщательно заботится о том, чтобы каждый, кто прежде работал ради собственной

Внизу: конец 1930 г. — период мировой экономической депрессии, последовавшей за крахом нью-йоркской фондовой биржи в октябре 1929 г. Безработные берлинцы ждут перед зданием муниципальной кассы

пользы, теперь использовал свои созидательные руки на пользу общества».

Лей говорил о труде не как об индивидуальном акте зарабатывания на жизнь, но как о «служении» на благо Третьего рейха, которое нацизм ставил превыше всего. Личность у Лея имела значительно меньшую ценность, чем коллектив, как и в марксизме (хотя Лей тщательно разделял свои взгляды и взгляды Маркса). Если присмотреться внимательнее к системе занятости нацистской Германии, можно заметить, что статус трудящегося в Третьем рейхе был палкой о двух концах. С одной стороны, благоприятные условия почти полной занятости, которые были достигнуты, как только труд занял центральное место в экономике Германии. С другой стороны, в основе системы занятости лежало утверждение о том, что любой труд должен быть направлен на максимальную пользу для государства, — а значит, права и жизни трудящихся были полностью подчинены нацистскому контролю.

Нацистская экономика

В январе 1933 г. в Германии насчитывалось 6 миллионов безработных, что было губительно для экономики. К январю 1939 г. это количество уменьшилось невероятно и составило всего 302 тысячи.

Конечно, к чистой статистике следует подходить осмотрительно, но факт не вызывает сомнений: внутренняя политика Гитлера всего за шесть лет правления привела к почти полной трудовой занятости населения. Чтобы разобраться, как удалось Гитлеру произвести революцию в германской системе трудоустройства, необходимо внимательно рассмотреть экономическую политику нацистов.

В начале 1933 г. Германия все еще страдала от застоя в экономике, ставшего результатом мировой экономической депрессии (начало ее символизирует крах американского фондового рынка в 1929 г.). Экономические проблемы ка-

Вверху: депрессия начала 1930-х гг. затронула всю Веймарскую Германию. *На верхнем фото* — безработные в Берлине, *на нижнем* — очередь за пособием по безработице в Ганновере в 1933 г. Обратите внимание на велосипеды

зались непреодолимыми. 6 миллионов безработных, миллионы трудящихся — особенно сельских жителей — загнаны в ловушку бедности. Банковский кризис отбил у инвесторов желание и готовность вкладывать средства в какие бы то ни было проекты. Германия испытывала хронический торговый дефицит: импортировала гораздо больше, чем экспортировала. Чтобы поднять уровень жизни в стране, Германия должна была экспортировать больше товаров; с другой стороны, рост уровня жизни, как правило, влечет за собой рост потребления заграничных товаров. Если импорт постоянно преобладает над экспортом, в конце концов стране может не хватить средств для оплаты самого необходимого импорта — продовольствия, стратегического сырья и нефти.

Слева: доктор Ялмар Шахт, имперский министр экономики. После Второй мировой войны на Нюрнбергском трибунале он был оправдан по обвинению в военных преступлениях и позже, уже в 1950-х гг., стал в Египте советником полковника Насера

Доктор Ялмар Шахт

Получив в 1933 г. власть, Гитлер понял, что его будущее и реализация всех его планов зависят от того, сможет ли он восстановить экономическую стабильность. При этом Гитлер, вопреки распространенному мнению, мало что понимал в экономике и не слишком интересовался ей. Поэтому первым за спотыкающуюся германскую экономику взялся доктор Ялмар Шахт, обладавший прекрасной финансовой подготовкой. Во время Первой мировой войны Шахт работал финансовым консультантом в оккупированной Германией Бельгии, а в 1916 г. стал директором Германского национального банка. К 1923 г. он был уже имперским комиссаром по денежному обращению; на этой должности Шахт продемонстрировал такие способности по борьбе с инфляцией, что в марте 1933 г. Гитлер лично назначил его президентом Имперского банка.

Кроме того, Шахт предусмотрительно создал себе подходящую политическую репутацию. В 1930 г., прочитав «Майн кампф» Гитлера, он стал сторонником национал-социализма; в 1931 г. он уже работал на партию и обеспечивал ее финансовую поддержку. Кроме того, он был ярым антисемитом. В августе 1934 г. Шахт занял пост имперского министра экономики и взял на себя руководство экономикой Германии.

В настоящее время большинство экспертов сходятся в том, что к 1933 г. мировая экономика снова начала набирать обороты, поэтому нельзя объяснять возрождение экономики Германии только доктриной Гитлера или талантом Шахта. Тем не менее четкая экономическая политика нацистов в первые годы их правления, безусловно, ускорила благоприятные перемены.

Для осуществления поворота экономики Шахт и Гитлер разработали несколько ключевых программ. Первая из них, любимое детище самого Гитлера, — программа автаркии, или, буквально, самодостаточности. Гитлера всегда тревожила зависимость Германии от импорта; так, одной из причин поражения в Первой мировой войне стала блокада импорта флотом союзников. Автаркия означала бы, что все необходимые продукты и производства — в первую очередь резина, нефть, железная руда, кокс и уголь — будут сосредоточены в самой Германии или на территории подвластной ей империи.

Еще один элемент экономического возрождения: перевооружение было ос-

Слева: Роберт Лей (*справа*), глава Германского трудового фронта, положивший начало движению «Сила через радость». Пьяница и ярый антисемит, в 1945 г. в Нюрнберге он покончил с собой, не дожидаясь суда

новано на той же идее автаркии. С самого первого момента, став канцлером, Гитлер мечтал о создании оборонной экономики. Необходимо было полностью реорганизовать германскую промышленность, чтобы сделать, по словам Гитлера, «Германию снова готовой к войне». Но одних этих идей — оборонной экономики и автаркии — было недостаточно. В Германии просто не было ни геологических, ни сельскохозяйственных условий для достижения полной самодостаточности. Гитлер мечтал о территориальных приобретениях, которые позволили бы скомпенсировать этот дефицит. Поэтому параллельно с исключительно экономическими проектами получил жизнь еще один, более долгосрочный проект — агрессивный план захвата жизненного пространства. Завоевание, к примеру, «хлебной житницы» Украины принесло бы Германии сельскохозяйственные ресурсы этой плодородной страны, а взятие Кавказа открыло бы доступ к громадным запасам нефти. До откровенного высказывания этих планов в 1933 г. было еще далеко, но

Внизу: Гитлер, придя к власти, твердо решил дать германской промышленности толчок и подготовить ее к войне. В частности, это означало крупномасштабное перевооружение, очень выгодное таким производителям оружия, как Крупп

мысль о жизненном пространстве стала катализатором главной программы перевооружения Германии.

Возможно, самым важным элементом экономической политики Шахта стала стабилизация германской экономики через резкое уменьшение безработицы. Чтобы дать экономике начальный толчок, Шахт ввел целый ряд весьма предусмотрительных мер: стремясь придать уверенность инвесторам, он зафиксировал низкие процентные ставки по кредитам; чтобы облегчить финансовое положение местных властей, отсрочил для них выплату долгов; чтобы оживить фондовый рынок, предпринял крупномасштабный выкуп государством акций у частных владельцев.

И все же более значительной, чем все эти действия, и необходимой для понимания резкого роста занятости в Германии была гигантская программа общественных работ. Шахт действовал в соответствии с принципами дефицитного финансирования — его правительство вкладывало громадные объемы заемных денег в различные проекты, призванные быстро создать рабочие места и подхлестнуть экономику. За период с 1933 по 1936 г. государственные капиталовложения утроились, а правительственные расходы выросли на 70%. Эти деньги пошли на строительство общественных зданий и жилья, восстановление лесов, строительство дорог и повторное инвестирование в вооруженные силы.

Система занятости в Германии в результате этой политики буквально преобразилась. Один только проект дорожного строительства — создание сети автобанов — в первый же год создал около 84 тысяч рабочих мест. К концу 1934 г. в публичных работах было занято уже около 1,7 миллиона немцев. Проекты общественных работ, как правило, были прочно увязаны с программой перевооружения. В начале 1930-х гг. условия Версальского договора запрещали Германии сколько-нибудь значительно вооружаться. Поэтому строительство аэродромов, казарм и других значимых с военной точки зрения объектов вроде железных и автомобильных дорог шло под маркой общественных работ, предназначенных для создания рабочих мест. Это помогало скрыть их истинное предназначение. Строительство автобанов тем не менее находилось в ведении министра вооружений Фрица Тодта.

Геринг принимает дела

Экономическая политика Шахта была чрезвычайно успешной, и Германия почувствовала себя немного увереннее. Уровень безработицы в этот период (1933–1936) изменялся следующим образом:

Внизу: конец 1930-х гг. Германская металлургическая промышленность производит стволы для морских пушек. Нацистская программа перевооружения привела к росту числа промышленных рабочих и резкому падению уровня безработицы

Январь 1933 г. — 6 млн.
Январь 1934 г. — 3,3 млн.
Январь 1935 г. — 2,9 млн.
Январь 1936 г. — 2,5 млн.

Безработица резко падала. Одновременно набирала ход программа автаркии. Правда, объемы продукции земледелия и животноводства почти не выросли по сравнению с 1935 г., а в некоторых отраслях даже упали, зато добыча полезных ископаемых, производство железа, стали и химической продукции к 1936 г. по сравнению с 1933 г. почти удвоились. Тем не менее, несмотря на все позитивные перемены, актуальным оставался вопрос: может ли Германия в долговременной перспективе позволить себе так щедро тратить деньги на общественные работы и перевооружение? В 1933—1936 гг. государственные средства Германии на 70% вкладывались в проекты возрождения экономики. Если в 1933 г. расходы на перевооружение составили 2772 миллиона рейхсмарок, или 6,3% валового национального продукта, то в 1936 г. эта цифра составляла уже 12,325 миллиона рейхсмарок, или труднопредставимые 19,4% валового национального продукта.

Шахту все сильнее не нравилась создавшаяся ситуация. Автаркия оказалась чрезвычайно дорогим проектом, а ценность и смысл ее оставались сомнительными. Германия стала производить больше собственных материалов — в основном дешевых синтетических заменителей, но даже в 1939 г. огромное количество — 33% — необходимого сырья по-прежнему приходилось ввозить. Шахт впервые высказал свое беспокойство вслух в начале 1936 г. Он предупредил, что дефицитное финансирование и растущие проблемы платежного баланса могут завести Германию в тупик. Выход в том, продолжал Шахт, чтобы сократить программу перевооружения, вложить больше денег в производство предметов потребления (в первую очередь речь шла о пищевых жирах, поэтому эта экономическая дискуссия вошла в историю под названием «пушки против масла»), а также расширить торговые связи с другими странами.

Политические предложения Шахта разозлили Гитлера. Шахт всегда с сомнением относился к автаркии и военной экономике и пользовался поэтому более традиционными финансовыми механизмами. В августе 1936 г. Гитлер выпустил меморандум, в котором еще раз подтвердил свои ключевые экономические цели. Стало ясно, что Шахту придется уйти. В октябре 1936 г. его практически отодвинули в сторону, назначив Германа Геринга уполномоченным по «четырех-

Вверху: новое шоссе, автобан, в 1937 г. (*фото слева*). Проект дорожного строительства заметно поднял уровень занятости в стране. Еще одной целью нацистов была экономическая самодостаточность страны. Несмотря на разработку синтетических заменителей, Германия по-прежнему вынуждена была импортировать необходимые ресурсы — например нефть с румынских нефтяных месторождений (*фото справа*)

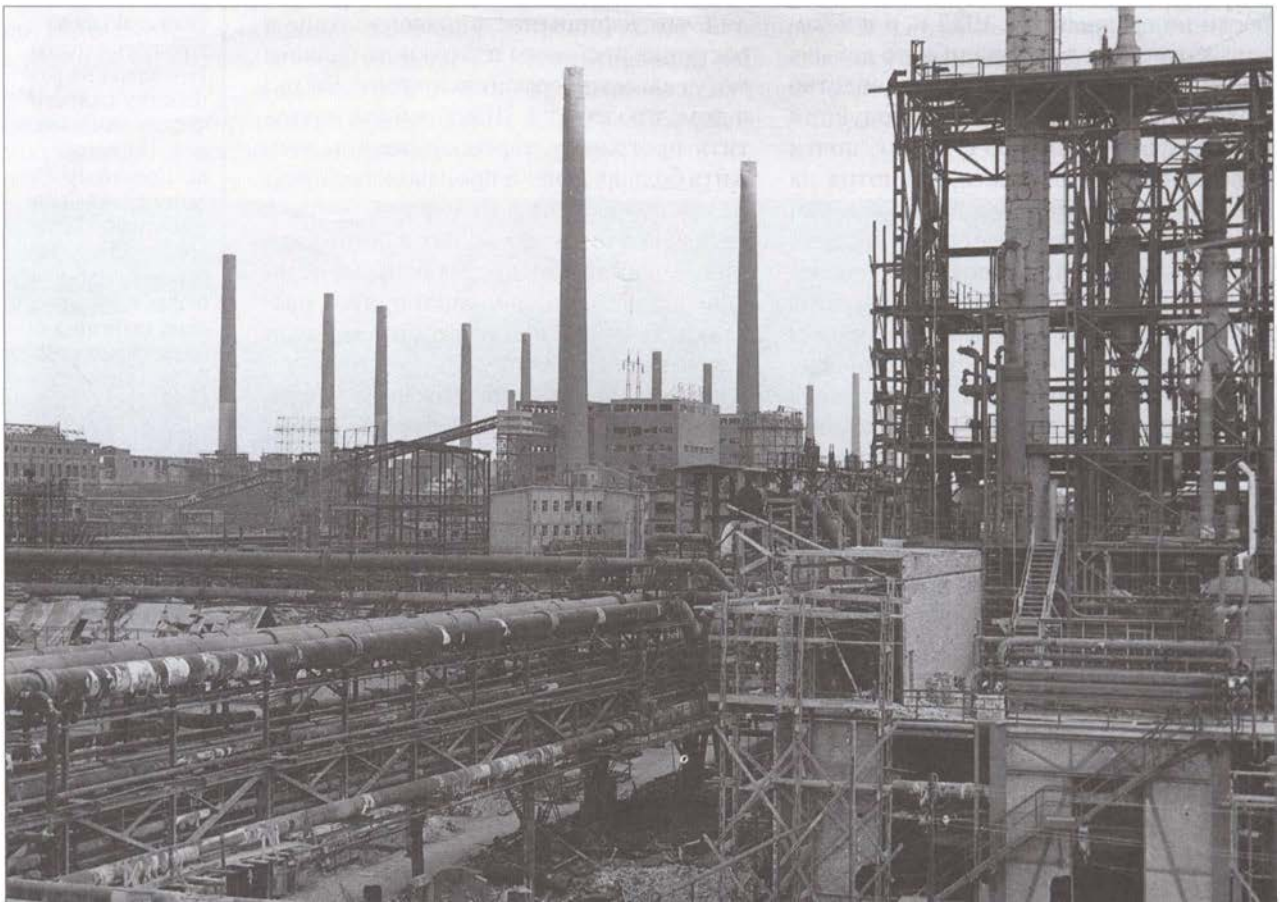
летнему плану». Сам «четырехлетний план» заменил собой «новый план» Шахта и стал официальной экономической доктриной нацистов на период с 1936 по 1940 г. Геринг же, хотя не имел никакой экономической подготовки и хватки, взял на себя надзор за тем, чтобы основой экономической политики Германии по-прежнему оставались автаркия, дефицитное финансирование и строительство военной экономики.

Под управлением Геринга нацисты с новой энергией принялись претворять в жизнь эти принципы экономической политики. В 1937 г. Шахт заявил протест и подал в отставку. Министром экономики стал Геринг. Тем не менее тенденция к падению уровня безработицы сохранялась. Вот данные по масштабам безработицы за 1936—1939 гг.:

Январь 1936 г. — 2,5 млн.
Январь 1937 г. — 1,8 млн.
Январь 1938 г. — 1,0 млн.
Январь 1939 г. — 302 тыс.

Дальнейшее падение уровня безработицы было обусловлено ростом требований к германскому производству. Работа по программам перевооружения и автаркии принесла невиданные успехи. К 1939 г. промышленное производство по сравнению с уровнем 1933 г. выросло примерно на 60%. К 1938 г. было проложено 3 тысячи км шоссейных дорог. В 1936 г. Германия произвела 98 тысяч т алюминия, а в 1942 г. — уже 260 тысяч т. Производство минеральных масел подскочило с 1 790 000 т в 1936 г. до 6 250 000 т в 1942 г., железной руды — с 2 255 000 т до 4 137 000 т за этот же период времени.

Тем не менее, как и предсказывал Шахт, полной автаркии добиться не удавалось. Потребности Третьего рейха в вышеперечисленных материалах (цели программы автаркии) составляли 273 тысячи т алюминия, 13 830 000 т минеральных масел, 5 549 000 т железной руды. Почти в каждом случае — исключая некоторые полезные продукты вроде взрывчатых веществ — внутреннее производство Германии так и не смогло достичь заданного уровня. Если принять во внимание существенный вклад завоеванных после 1939 г. территорий, не-



Внизу: завод по производству синтетического топлива в г. Лейне. 14 декабря 1933 г. Бош и Шмиц подписали от имени «ИГ Фарбен» контракт с нацистами о резком расширении производства в Лейне синтетического топлива

сложно убедиться в том, что автаркия так и осталась для Германии недостижимой мечтой. Кроме того, и Геринг, как мог, приложил руку к плохому управлению экономикой. Он руководил значительным сектором германской промышленности и горнодобычи, а со временем получил под свой контроль производство и переработку угля, железной руды, нефти, стали, тяжелое машиностроение и производство боеприпасов. Из-за продолжавшегося дефицитного финансирования большая часть предприятий в этих отраслях была убыточна. Цифры ужасают: с 1933 по 1939 г. государственные доходы Германии составили 62 миллиарда, а расходы — 101,5 миллиарда марок.

Итак, в 1939 г., на момент вступления Германии в войну, перспективы ее экономики можно было рассматривать двояко. С одной стороны, для немецкого народа это было время финансовой стабильности и полной занятости. С другой стороны, драматический дисбаланс в экономике говорил о том, что долго такое процветание продолжаться не может. Многие историки считают, что Гитлер в 1939 г. был просто вынужден начать войну, потому что дальше поддерживать экономику страны было уже невозможно, и только новые завоевания могли выправить положение с бюджетным дефицитом.

Наш краткий обзор состояния экономики Германии с 1933 г. до начала войны очень важен для понимания условий жизни трудящихся в Третьем рейхе. Мы видим, что нацисты, управляя экономикой Германии, отчаянно старались поддерживать высокий уровень производства, сохранять заработную плату на низком уровне и тщательно контролировать распределение рабочей силы. Гитлеровский режим действительно дал людям полную занятость, но и цена была немалой.

Германский трудовой фронт (DAF)

В Третьем рейхе нацистское государство полностью контролировало все без исключения аспекты труда — заработную

Вверху: Герман Геринг, глава люфтваффе и уполномоченный по «четырехлетнему плану». В 1936 г. он произнес известную фразу: «Что вы предпочтете, масло или пушки? Что нам ввозить, сало или металлические руды?»

плату, перемещение, трудовые споры, рабочее время, производительность, чаевые и пособия. До 1933 г. трудящихся Германии представляли профессиональные союзы. После того как нацисты распустили их, в Германии появилась новая организация — Германский трудовой фронт, который взялся «представлять» 20,8-миллионный корпус трудящихся.

Трудовой фронт представлял собой результат усилий Гитлера добиться порядка и гармонии в трудовом сообществе Германии. Доктор Роберт Лей — амбициозный нацистский политик — первым делом, прежде чем возглавить DAF при его создании 10 мая 1933 г., разгромил все 169 профсоюзов Германии. При создании Трудового фронта ставилась задача создания в возрожденной мощной Германии сплоченной трудовой организации, которая стала бы опорой страны. Трудовой фронт объединил все классы общества — в нем не было никаких различий между «белыми» и «голубыми воротничками». Он взял на себя все те функции, которые прежде выполняли профсоюзы; при этом основной его задачей было навязать трудящимся экономическую и социальную политику нацистов. DAF тщательно заботился о том, чтобы заработная плата не выходила за преде-

Вверху: дети на отдыхе по программе «Сила через радость». Программа эта была очень популярна; с ее помощью обычные немцы смогли лучше, чем когда-либо, познакомиться с собственной страной

лы, установленные государством, и одновременно платил за обучение и подготовку специалистом в ключевых отраслях, которые были принципиально важны для гитлеровской программы реконструкции экономики.

Необходимо отметить, что Трудовой фронт принес трудящимся и реальные блага. Его подразделениями были движения «Сила через радость», KdF, и «Красота труда», SdA, призванные обеспечить трудящихся оплаченным отпуском и другими формами отдыха и развлечения. KdF было значительно крупнее SdA, только за период 1933—1936 гг. его бюджет составил 56 миллионов марок. В сферу деятельности KdF входили, в частности, зарубежные морские круизы (Трудовой фронт построил два роскошных круизных лайнера и сам эксплуатировал их), заграничные путешествия (обычно по железной дороге) в такие страны, как Италия, Португалия и Норвегия, пешие походы, спортивные занятия и состязания, танцы, художественные студии, посещение театров и курсов политического образования.

Субсидий KdF было достаточно, чтобы в 1938 г. не менее 50% трудящихся Германии смогли поехать куда-нибудь во время национальных праздников (в том числе 180 тысяч — за рубеж). Так, неделя отдыха в горах Гарц обошлась бы в 28 марок, а две недели в Италии — в 155 марок. В цену поездки входили стоимость проезда, питания и проживания. Движение SdA также предлагало свою, хотя и не столь обширную, программу путешествий — но в дополнение к этому занималось улучшением условий труда на заводах, шахтах и других предприятиях. Доступность отдыха при нацистах увеличивалась еще и тем, что оплата отпуска по сравнению с временами Веймарской республики была увеличена вдвое. В 1934 г. средний рабочий мог рассчитывать на оплаченный отпуск продолжительностью до 15 дней.

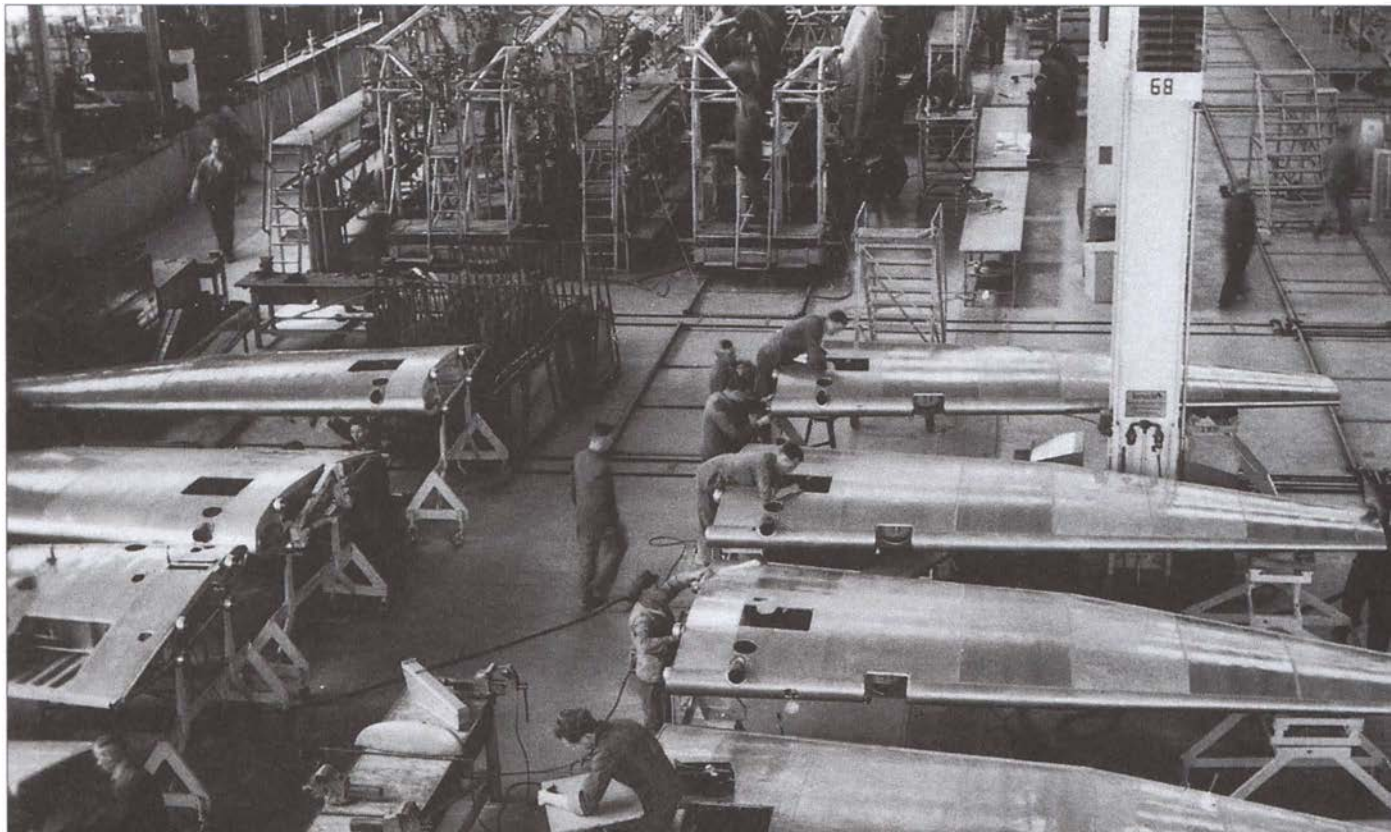
Бесспорно, программы Трудового фронта давали гражданам Германии возможность путешествовать и полноценно отдыхать. Тем не менее у деятельности DAF были и отрицательные стороны. Далее мы увидим, что уровень заработной платы в Третьем рейхе оставался низким, а рабочая неделя — длинной; отдых по программе «Сила через радость» был одним из способов смягчить недовольство трудящихся. Кроме того, всякий организованный отдых непременно сопровождался идеологической обработкой — развлечения перемежались с идеологическими или расовыми лекциями и спортивными мероприятиями, в которых тоже превалировала арийская тема.

И все же, если не говорить об идеологической обработке со стороны Трудового фронта, многие трудящиеся в первые годы нацистской власти не чувствовали себя как-то связанными с политикой нацистов — они были просто благодарны за возможность работать и обеспечивать семью. К примеру, Эрнст Бромберг, слесарь на одном из сталелитейных заводов Круппа, так сказал о разделении работы и политики: «Если работаешь в три смены, времени на это [политическую деятельность] не остается. Ну, достаточно очевидно, если работа сдельная, у тебя нет времени произносить речи; ты встаешь утром, когда положено, и не затягиваешь положенные перерывы — в конце концов, деньги всем нужны. Меня не волновали нацисты, скажем так, за исключением взносов в Трудовой фронт. Мне просто дела не было до нацистов».

По большей части деятельность нацистов проходила где-то на заднем плане жизни обычного человека; часто он этого просто не замечал. Для многих самым заметным признаком нацистского режима стал именно Трудовой фронт.

Трудовой фронт был неотделим от государства; во многих отношениях он помогал наполнять «карманы» нацистского режима. Чтобы просто быть членом DAF, необходимо было платить регулярные взносы, что давало миллионы марок дополнительного дохода. Еще хуже оказалась программа покупки «Фольксвагена» («народного автомобиля»). «Фольксваген» был разработан как многоцелевой гражданский автомобиль и превозносился как настоящее чудо; его конструкция для общедоступных транспортных средств была революционной. Тысячи трудящихся — членов Трудового фронта вступили в предложенную государством программу покупки автомобиля: 5 марок в неделю до тех пор, пока автомобиль не будет полностью оплачен; в этот момент его можно будет получить. Программа «Фольксваген» лишила многих немецких рабочих чуть ли не четверти еженедельного заработка; но в 1939 г. производство автомобилей было переориентировано на военные нужды, и ни один гражданский покупатель не получил своего автомобиля. Стоит ли говорить, что никаких денег никому не вернули.

Еще одной важной стороной деятельности DAF было его участие в распределении рабочей силы. Отобрав у профсо-



Внизу: строительство самолетов на заводе Юнкерса в 1939 г. Германский трудовой фронт контролировал всех рабочих Германии; он отменил забастовки и переговоры о размерах заработной платы, а вместе с ними и права трудящихся

юзов бразды правления, Трудовой фронт упразднил забастовки, протесты и переговоры о повышении заработной платы, серьезно ограничив тем самым возможности трудящихся (Гитлер опасался рабочего класса как потенциальной революционной силы и всеми средствами старался обуздать его энергию). Заняв место профсоюзов, DAF ввел на предприятиях новые отношения. Владелец предприятия теперь именовался «лидером, или фюрером предприятия», а работники — «следующими за лидером».

Согласно концепции «социальной гармонии» — нацисты использовали это понятие, когда хотели сказать о приоритете общественных интересов над личными, — две эти группы должны были существовать в полном согласии. Как указывает Ричард Грунбергер в книге «Социальная история Третьего рейха», у работников предприятия почти не было рычагов влияния на его лидеров. Работники могли высказать свое мнение через «совет доверия» — группу, которая занималась обеспечением безопасности производства и благосостояния рабочих и вообще выполняла роль, аналогичную роли цеховых представителей профсоюза. Далее «совет доверия», чтобы выразить недовольство поведением или политикой руководителя предприятия, должен был подать жалобу на рассмотрение народным уполномоченным по вопросам труда. Народными уполномоченными назывались представители экономических регионов Германии (по одному от каждого региона, всего 13 человек), назначенные центральным правительством. Эти люди должны были выступать арбитрами в промышленных спорах между трудящимися и работодателями и заключать трудовые договоры. Будучи наемными работниками нацистского режима, уполномоченные, естественно, не принимали решений, которые нанесли бы ущерб интересам производства. Крупные компании могли практически не опасаться вмешательства. Если уполномоченные признавали жалобу

Внизу: рабочие были всего лишь винтиками в огромном механизме. На фото берлинские трудящиеся укрепляют тело посредством зарядки на открытом воздухе. Подобные мероприятия были частью программы, призванной сделать труд более эффективным

Вверху: три экземпляра «Фольксвагена» («народного автомобиля»). Несмотря на то что 330 тысяч рабочих внесли по подписке на приобретение «Фольксвагена» миллионы марок (схему такого приобретения предлагало всем желающим движение «Сила через радость»), ни один из них так и не получил желанного автомобиля

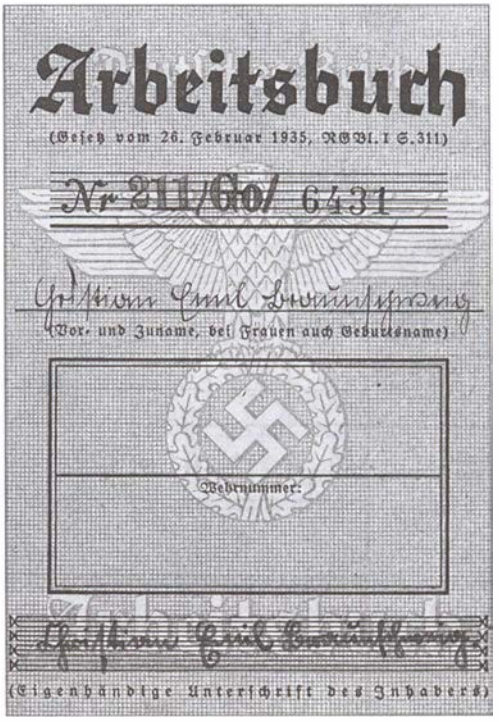
трудящихся необоснованной, жалобщиков могли призвать к ответу — естественно, это было сильным аргументом в пользу позиции «не стоит раскачивать лодку». Более того, позже «фюреры предприятий» получили право освобождать — или не освобождать — своих работников от военной службы. Поэтому после начала войны в 1939 г. — и особенно после 1941 г., когда над каждым немцем повис дамоклов меч Восточного фронта, — у рабочих осталось не слишком много стимулов жаловаться на хозяев.

Экономические планы Третьего рейха требовали строгого государственного контроля над распределением рабочей силы. Миллионы рабочих были изъяты из потребительских отраслей — особенно из текстильной и пищевой промышленности — и направлены в промышленные проекты, связанные с перевооружением или дорожным строительством. К примеру, в строительстве шоссе-автобанов было задействовано около 120 тысяч рабочих. В 1938 г. имперский закон «О промышленной мобилизации» позволил государству набрать людей в конкретные, самые важные на тот момент, отрасли. В результате к 1939 г. каждый пятый немецкий рабочий был занят в тяжелой промышленности.

Что еще можно сказать? Несмотря на весь антиинтеллектуализм Гитлера, при нацизме резко выросло число «белых воротничков», в первую очередь государственных служащих. С 1928 по 1939 г. их количество увеличилось на 25%, тогда как число «голубых воротничков» — только на 10%. Нацистская машина породила огромный бюрократический аппарат, особенно в системе управления общественными работами и перевооружением. На образовавшиеся рабочие места потоком хлынули члены нацистской партии, питавшие надежду сделать карьеру в политической иерархии рейха. В среднем в 1936 г. «белый воротничок» получал в полтора с лишним раза больше, чем «голубой воротничок», хотя со временем неравенство в оплате несколько сгладилось.

Политика нацистов состояла в том, чтобы везде, в любом секторе экономики, строго контролировать каждого немца. Существовало два основных метода такого контроля: заработная плата и особый документ о работе по найму.

Да, экономическая политика Гитлера привела к полной занятости, но полная занятость — совсем не то же самое, что процветание. Шахт, а затем и Геринг, пытаясь взять под контроль государственные расходы и инфляцию, установили жесткие ограничения на размер



Слева: трудовая книжка, которую должен был иметь каждый германский работник. В ней были подробные личные данные, что помогало работодателю удерживать работника после истечения срока контракта

заработной платы. Правительство попыталось даже заморозить заработную плату на уровне депрессии 1929 г. Удалось это лишь частично. Внезапно возросший спрос на квалифицированных рабочих и специалистов в металлургии, машиностроении, строительстве и химической промышленности привел к дефициту; в результате заработная плата квалифицированного работника в этих отраслях выросла примерно на 30%. Если же говорить о низкоприоритетных потребительских отраслях, то рост заработной платы для их работников составил всего 2–3%.

Начиная примерно с 1937 г. экономисты Гитлера пытались бороться с ростом заработной платы, устанавливая верхний ее предел и ограничивая дополнительные блага, которые мог предложить наниматель работнику, мелочами вроде бесплатных обедов в заводской столовой или пособия на детей. Эти меры в значительной степени сдерживали перемещение рабочей силы — ведь теперь не было никакого финансового смысла искать другую работу. Бедность стала в Германии обычным явлением. Грунбергер отмечает, что в 1937 г. «в условиях почти полной занятости более 10 миллионов человек — 16% населения — по-прежнему получали посылки или пособия по программе «зимней помощи».

Серьезную проблему представлял и тот факт, что при фиксированном — да еще на уровне депрессивного 1929 г. — уровне заработной платы вычеты из нее значительно увеличились. Кроме обычного подоходного налога, каждый работающий немец должен был оплатить членские взносы в Трудовой фронт, страховку на случай потери работы и медицинскую страховку, да еще найти деньги на всевозможные схемы приобретения вещей в рассрочку (как, например, схема постепенной оплаты «народного автомобиля»). В 1934 г. в докладе, подготовленном для аппарата канцлера, говорилось, что из среднего жалованья 54% уходит на питание, 30% на оплату жилья и удобств и 11% составляет налог на заработную плату и всевозможные взносы (причем некоторые источники утверждают, что упомянутые взносы могли составлять до 18% от дохода). Для многих единственным выходом были сверхурочные часы или дополнительная сдельная работа. В результате, как мы

увидим, трудиться приходилось по много часов.

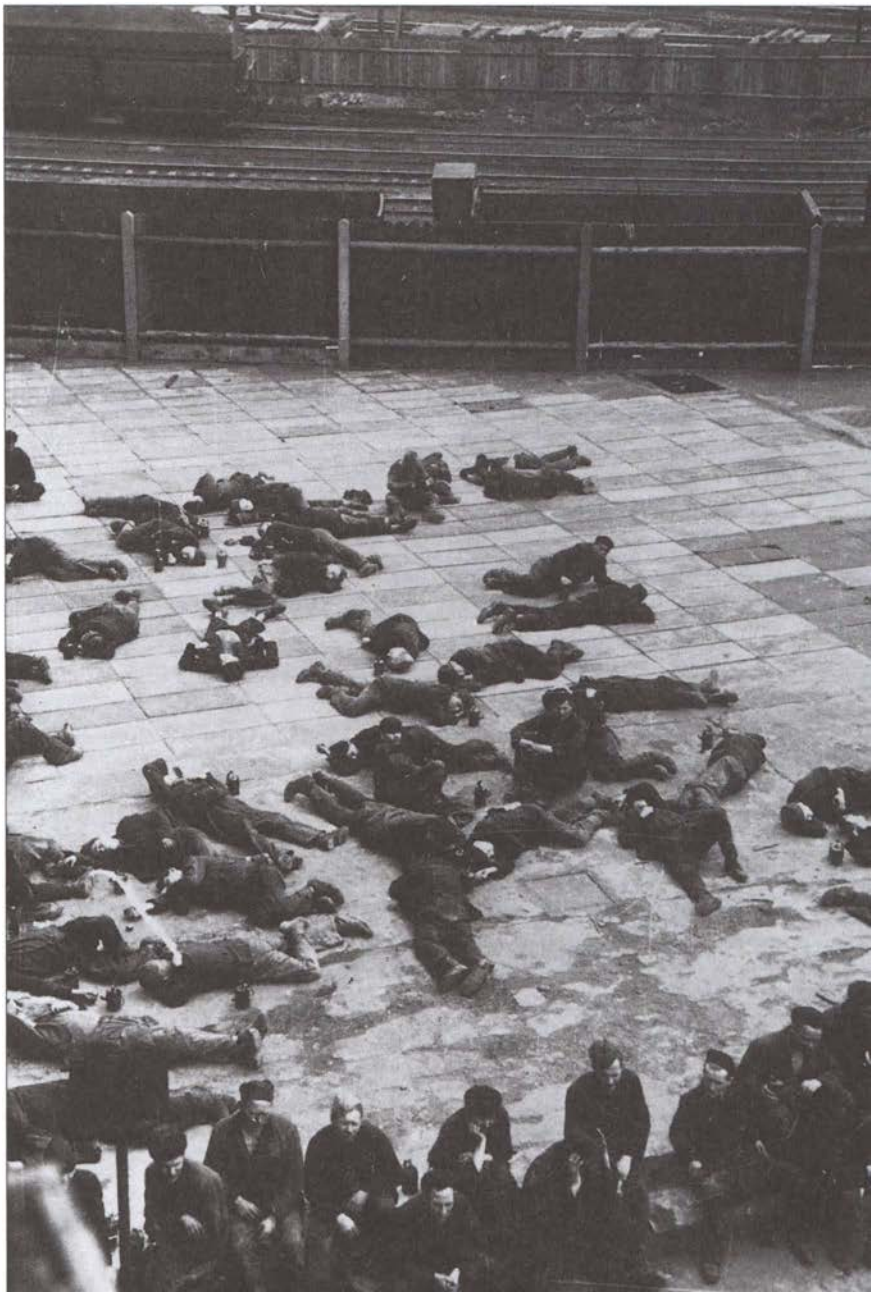
Бедность сама по себе загоняет работника в строгие рамки, поскольку ограничивает его возможности по поиску новой, более высокооплачиваемой работы. Но еще более серьезным средством контроля трудовых ресурсов была для нацистов трудовая книжка работника. Трудовая книжка внешне напоминала паспорт и представляла собой документ о работе по найму. В этом документе, введенном постепенно в 1935—1939 гг., содержались личные данные о работнике (дата и место рождения, род занятий, предыдущие места работы и должности, перемещения внутри компании, семейное положение и количество детей). Эту же информацию можно было найти в местной конторе по трудоустройству в так называемой «карте движения рабочей силы».

Трудовая книжка давала государству серьезные возможности по управлению трудовыми ресурсами. Устраиваясь на работу, человек обязан был отдать свою трудовую книжку, и до окончания срока контракта она хранилась у нанимателя. Поскольку для устройства на работу трудовая книжка была необходима, наниматель получал таким образом власть над работником и мог помешать ему сменить работу. В ключевых отраслях, таких как металлургия и производство боеприпасов, работодателям было приказано не отдавать работнику при увольнении трудовую книжку. Власти лишали человека возможности устроиться на другую работу и тем самым получали мощный инструмент управления распределением и перемещением трудовых ресурсов. Кроме того, система трудовых книжек обеспечивала нацистским властям полную информацию о каждом работнике и о состоянии трудовых ресурсов в целом — и давала возможность планировать и проводить их перераспределение.

Условия труда

Управление трудовыми ресурсами со стороны государства может быть разумным и достаточно благотворным — но только при достойных условиях труда в любой отрасли. Для миллионов рабочих Третьего рейха это было далеко не так. С течением времени работать приходилось все больше. В 1933 г. типичная рабочая неделя рабочего-текстильщика составляла 36 рабочих часов. В более критичных отраслях, таких как строительство, машиностроение или горная промышленность, обычны были 60 рабочих часов в неделю. Однако к 1939 г. средняя продолжительность рабочей недели по всем отраслям составляла уже 49 часов. Многие низкооплачиваемые рабочие не смогли бы прокормить семью без сверхурочной работы, которая рез-

Внизу: приток иностранных рабочих с завоеванных территорий, разумеется, был полезен германской промышленности. Самим же трудягам пользы от этого было немного. Измотанные русские рабы отдыхают между сменами



ко — чуть ли не до 70 часов в неделю — увеличивала продолжительность рабочего времени. Более того, объемы производства, которые государство навязывало компаниям, были таковы, что с увеличением продолжительности рабочего времени росла и интенсивность труда.

Сочетание низкой заработной платы, высокой интенсивности труда и роста его продолжительности вело к резкому росту заболеваемости и производственного травматизма. Если в 1933 г. число травм и заболеваний составило 929 тысяч, то в 1939 г. этот показатель вырос до 2 253 000. Даже с учетом заметного увеличения численности работающих рост травматизма составил более 100%. Особенно тяжело приходилось рабочим на строительстве автобанов. В среднем на каждые 6,4 км проложенной дороги приходился один погибший строитель. Жуткие условия не смягчались ни заработной платой, ни жилищными условиями. Жили рабочие, как правило, во времянках у дороги, а за дни вынужденного простоя, вызванные плохой погодой, денег не полагалось.

Интересен, однако, такой факт: за этот же период реальная продолжительность времени, которое немецкие рабочие не работали из-за травмы или болезни, уменьшилась. Работодатели вводили всевозможные реабилитационные программы, чтобы помочь пострадавшим быстрее вернуться к работе; травмированных работников временно переводили на более легкую работу или на такую работу, где пострадавшая часть тела не подвергалась нагрузке. Следует отметить также, что во многих отраслях в первые годы правления нацистов производительность труда уменьшилась, что связано с падением квалификации и сознательности рабочих. Так, в горнодобыче производительность труда в 1936—1938 гг. упала примерно на 12%, а в строительстве — рухнула на 20% за один только 1938 г.

Вопрос увеличения производительности труда постепенно решался при по-

Внизу: часть большого сталелитейного предприятия Круппа. Для поддержания уровня производства Круппа разумно использовал рабский труд иностранцев и обитателей концлагерей

мощи усовершенствованных технологий, но самый серьезный перелом как для роста производительности труда, так и в системе занятости как таковой связан с началом большой войны.

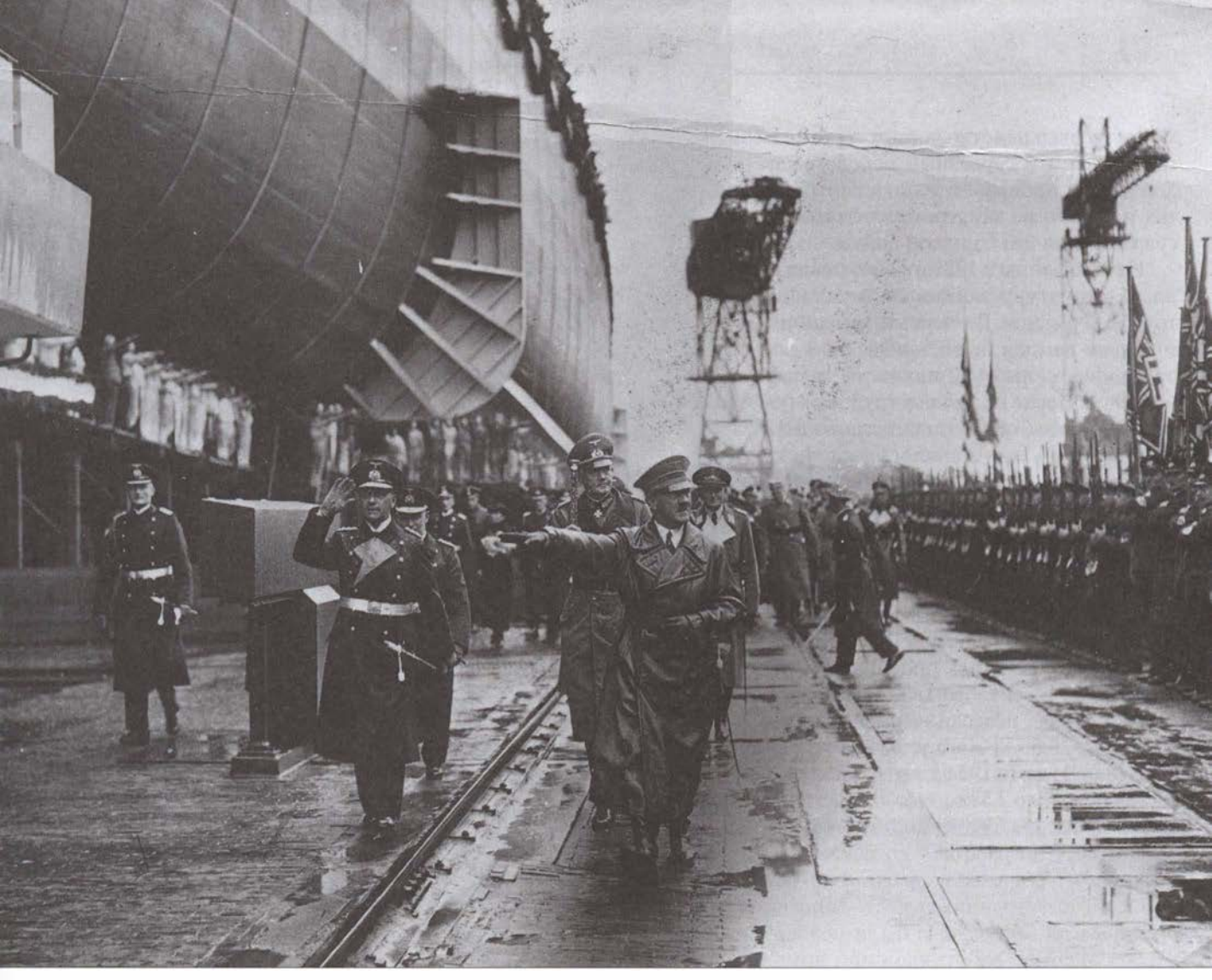
Начало войны в 1939 г. резко повлияло на структуру занятости и условия труда в Германии. Во-первых, миллионы молодых немцев были призваны в вооруженные силы (4,52 миллиона только в 1939 г.). После их ухода в трудовых ресурсах страны образовалась громадная брешь. Брешь эту пришлось заполнять несколькими разными способами. Во-первых, оставшихся рабочих вынудили работать еще больше. Так, в 1944 г. средний мужчина работал около 70 часов в неделю, женщина — 54 часа. Эти цифры следует рассматривать с учетом того факта, что по ходу войны в Германии неоднократно урезались продовольственные нормы. В сентябре 1939 г. взрослый немец получал неограниченное количество хлеба, 0,55 кг мяса и 0,31 кг жиров в неделю. В марте 1944 г. его рацион уже составлял около 2,5 кг хлеба, 0,36 кг мяса и 0,22 кг жиров. Этого достаточно для выживания, но работать до изнеможения при ограниченном питании, должно быть, чрезвычайно тяжело. Многие предприятия вынуждены были поддерживать энергию работников при помощи витаминных таблеток и гимнастики на рабочем месте.

Вверху: с началом войны в 1939 г. германская экономика потеряла миллионы молодых сильных мужчин, призванных в вооруженные силы. Чтобы заполнить образовавшуюся пустоту, на рабочие места были призваны женщины. Здесь работницы шьют армейскую форму

Женщины-работницы

В основном пополнение трудовых ресурсов в военное время шло за счет женщин. В 1939 г. они составляли 37,4% от числа работающих. К 1944 г. их доля составляла уже 50,7%; к этому моменту в Германии насчитывалось около 14,5 миллиона работниц. Кроме того, Третий рейх стремился решать все свои проблемы при помощи оккупированных территорий, с которых в рейх насильно вывозили огромное количество рабочей силы. Если в 1939 г. в Германию было привезено 301 тысяча гражданских лиц из других стран, то в 1944 г. их было 5 295 000 плюс 1 831 000 рабов-военнопленных. В этом году иностранцы составляли 24% всех трудовых ресурсов Германии; для их размещения было построено около 20 тысяч трудовых лагерей. Только Польша поставила для рейха почти 1,5 миллиона рабочих. Около 80% из них были заняты в сельском хозяйстве; рабочие из Западной Европы, как правило, имели более высокий статус и работали в промышленности.

Условия труда иностранных рабочих сильно зависели от работодателя и отрасли производства. В среднем лучше всего обращались с квалифицированными рабочими на заводах, а хуже всего — с неквалифицированными работниками на шахтах, в сельском хозяйстве и строи-

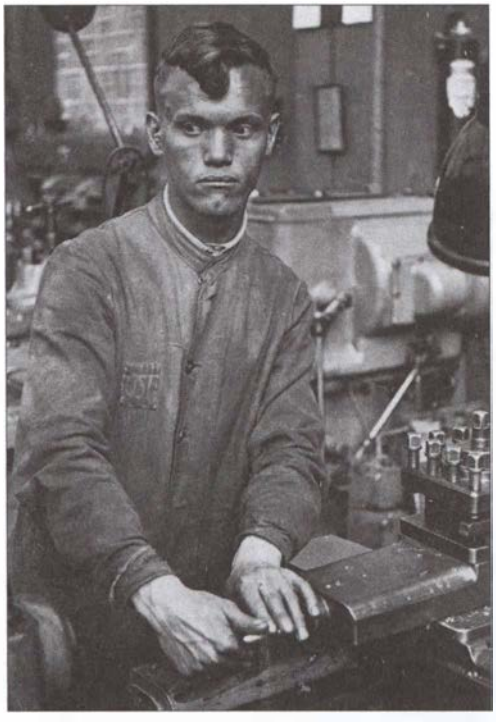


Вверху: Гитлер (*в центре*) присутствует при спуске на воду боевого корабля перед началом Второй мировой войны. Из миллионов тонн стали, выплавленной германскими заводами, по приказу фюрера были построены корабли, самолеты и танки для завоевательной войны в Европе

тельстве (хотя традиционные фермеры на маленьких изолированных хуторах часто неплохо относились к своим работникам). Евреев и славян практически всегда содержали в нечеловеческих условиях. Типичный дневной рацион раба составлял две миски жидкой овощной похлебки в течение дня и единственный ломоть хлеба вечером. Раз в неделю ему, если повезет, мог достаться маленький кусочек мяса. Такое питание вместе с изнурительным трудом приводило к массовым хроническим заболеваниям и огромному травматизму среди рабочих.

Успех нацистской политики трудоустройства виден уже из того факта, что уровень производства продолжал расти или, по крайней мере, удерживался на стабильном уровне вплоть до последних месяцев войны, несмотря на то что авиация союзников громила немецкие города один за другим. В 1939 г. германская промышленность выпустила 8295 военных самолетов, в 1944 г. — 39 807. Танков в 1944 г. было выпущено 27 300 по сравнению с 2200 в 1940 г. Выплавка стали составила в 1939 г. 23,7 миллиона т, в 1943 г. — 34,6 миллиона т.

Столь внушительные масштабы производства отчасти свидетельствуют о разумной политике Альберта Шпеера, который в 1942 г. взял в свои руки руководство германской военной промышленностью, и о жестких методах набора иностранных рабочих Фрица Заукеля, ставшего в том же году уполномоченным по мобилизации трудовых ресурсов. Но, кроме этого, они говорят о прекрасных качествах и верности немецких рабочих. Правда, после 1942 г. рабочим



начали выплачивать премии за высокую производительность. Вероятно, это тоже сыграло свою роль, хотя эффект от подобных мер должен был постоянно снижаться. Воздушные налеты на германские города вынудили многих немцев перебраться в село, где уровень оплаты труда всегда был очень низким — ведь работникам-немцам приходилось конкурировать с рабами-иностранцами, которые трудились бесплатно.

В конце 1944 — начале 1945 г. экономика Германии — один из самых невероятных феноменов в истории организованного труда — рухнула. Армии союзников освободили оккупированные территории, бомбежки разрушили германские города, а миллионы рабочих-мужчин были призваны во всевозможные оборонные силы вроде «фольксштурма» в последней бесплодной попытке противостоять врагу. Поразительный, поистине невероятный экономический путь подошел к концу. Роберт Лей однажды назвал немецких рабочих солдатами труда. Действительно, не подлежит сомнению, что именно трудящиеся Германии подготовили нацию и страну к большой войне. Но, несмотря на все усилия, солдаты труда оказались не в состоянии преодолеть экономическое превосходство Соединенных Штатов, индустрия которых со временем намного превзошла германский уровень. Это и стало одной из причин поражения Германии. А уже упоминавшаяся стабильность германского производства во время войны свидетельствует, возможно, не только о стремлении к победе, но и о растущем паническом страхе перед поражением.

Вверху: гитлеровские завоевания 1939—1940 гг. дали германской промышленности громадный источник потенциальной рабочей силы. Рабочих везли из Франции (*фото справа*) и из Восточной Европы (*фото слева*)

Глава 9

Национальные меньшинства и геноцид

Идеология национал-социализма ставила целью поддержание чистоты арийской расы, берущей свое начало среди северных племен Европы. У представителей враждебных рас — евреев, славян и других меньшинств — в Третьем рейхе не было будущего.

Летом 1939 г. взгляды всей Европы были сосредоточены на кризисной ситуации вокруг Данцига. В центре внимания оказались британские и французские гарантии защищать если не территориальную целостность, то по крайней мере суверенитет Польши. В это же время нацистское правительство начало кампанию по физическому уничтожению немецких детей-инвалидов, находившихся в больницах и психиатрических лечебницах. Специально для них нацисты придумали термин «жизнь, недостойная жизни».

Санкционированное и оплаченное государством убийство детей в сентябре 1939 г. (одновременно с вторжением в Польшу) было распространено и на взрослых немцев, также подпадавших под определение «жизнь, недостойная жизни». С этого момента и до августа 1941 г. в больницах по всей стране было систематически умерщвлено около 90 тысяч граждан Германии; в основном людей травили угарным газом. Специально для этого больницы оборудовались замаскированными газовыми камерами, а также крематориями для уничтожения следов. Страшная участь угрожала пациентам с наследственными заболеваниями — по крайней мере, так определяли их нацисты, — как физического, так и психического характера. Перечень заболеваний включал такие трудноопределимые категории, как слабоумие, шизофрению и даже асоциальность. Нацисты считали, что такие «заболевания» делают своих носителей совершенно непригодными к роли членов «народной общности». Центр управления операцией по уничтожению неугодных располагался на пригородной берлинской вилле; кодовое название Т-4 операция получила от адреса виллы — Тиргартенштрассе, 4. Руководил ею по приказу Гитлера Филип Булер. В октябре Гитлер подписал особое распоряжение, узаконившее убийства, которые были начаты месяцем раньше:

Слева: генератор для производства смертельно ядовитых газов, использовавшихся для уничтожения людей в концлагере Штрутхоф. Концлагерь этот располагался в Эльзасе и был во время Второй мировой войны единственным концентрационным лагерем на французской земле

«Берлин, 1 сентября 1939 г.

На рейхсфюрера Булера... возлагается ответственность за наделение дополнительными полномочиями некоторых врачей... так чтобы тем пациентам, которые в пределах человеческих знаний считаются неизлечимыми, после исключающего диагноза можно было даровать милосердную смерть. (Подписано) А. Гитлер».

Из-за использованных в тексте эвфемизмов программа уничтожения «лишних» людей получила ошибочное название «кампания эвтаназии». По существу, ее можно рассматривать как часть гораздо более обширной программы, осуществление которой началось в 1941 г. и которая была направлена не только против еврейской общины в самой Германии, но против всех евреев Европы. Параллельно с ней проводилась и масса других систематических узаконенных убийств: «инвалидов» в Польше и европейских цыган (рома и синти). Эти действия

Вверху: машина нацистского массового убийства — крематорий концентрационного лагеря, предназначенный для уничтожения останков отравленных газом людей

Слева: измотанный голодный еврей бесцельно бредет по Варшавскому гетто, 1943 г. В 1940—1942 гг. от голода и болезней в этом гетто умерло 100 тысяч евреев

Слева: немецкий солдат отрезает бороду у еврея. Ежедневные акты насилия, унижения и подавления призваны были сделать жизнь немецких евреев невыносимой и вынудить их покинуть страну

представляли собой часть того, что нацисты нейтрально называли «окончательным решением», но что мир сегодня знает как холокост. В частности, это убийство нацистами и их союзниками почти 6 миллионов европейских евреев.

Какова же связь между «кампанией эвтаназии» и «окончательным решением»? Как вообще можно объяснить дикий беспрецедентный геноцид? Холокост отмечает собой переломный момент не только европейской, но и мировой истории. Он ставит на нацистский режим клеймо несмываемого позора, не имеющего прецедентов в истории цивилизации.

В первую очередь мы должны представить себе контекст этих событий. Еврейская община Германии насчитывала около 550 тысяч человек, в основном городских жителей, сосредоточенных в профессиональных и деловых кругах. Многие из них были совершенно светскими людьми и все без исключения обладали политическими, юридическими и экономическими правами, которые гарантировали им законы, принятые после 1869 г. Немецкие евреи были свободными гражданами. Процесс эмансипации не мог, разумеется, разом устранить все социальные сложности и предрассудки, но он означал все же, что еврейство было глубоко интегрировано в немецкое общество, которое также становилось все более светским, и прочно связано с ним, в том числе через смешанные браки.

В конце XIX в. антисемитизм в Германии, как и в остальной Европе, не только уцелел, но и приобщился к более современным — и более опасным при этом — расистским взглядам и идеям. Гитлер в 1919 г. писал: «Еврейство — безусловно, расовая, а не религиозная ассоциация... ее влияние принесет народу расовый туберкулез». В 1920 г. в одном из выступлений он добавил: «...и задачей остается решительное и безвозвратное удаление евреев из нашей нации, не потому что нас раздражает само их существование — мы поздравляем остальной мир с их обществом, — но потому, что существование нашей собственной нации в тысячу раз важнее для нас, чем существование чуждой нам расы». Эти идеи, воспринятые им в Вене перед Первой мировой войной, вошли в программу нацистской партии. Для самого Гитлера они были частью мировоззрения (причем существенной его частью); от этих взглядов он не отказался до самой смерти. В своем последнем политическом заявлении от 29 апреля 1945 г. он написал:

«Превыше всего я призываю руководителей страны и тех, кто придет за ними, к скрупулезному соблюдению расовых законов и безжалостному противодействию международному еврейству — этому универсальному отравителю всех народов».

В представлении Гитлера евреи являли собой исключительное и конкретное зло. Он видел в них расового врага «германской высшей расы». Кроме того, он рассматривал евреев как идеологический заговор, действующий как за спиной мирового коммунизма (или большевизма, как предпочитал называть его Гитлер) с центром в Советском государстве, так и американского капитализма. Противоречивость такой позиции не мешала Гитлеру быть твердо уверенным в ее правоте и важности. Эти идеи вошли в программу нацистской партии, и стоило ли удивляться, что после прихода нацистов к власти в январе 1933 г. они воплотились в реальные действия.

С января 1933 по сентябрь 1941 г. положение евреев Германии постоянно ухудшалось. Против них принимались законные, то есть основанные на декретах центрального правительства, меры, они подвергались «надзаконным» актам произвольного насилия и вынуждены были терпеть давление местных властей и среды: социальное, физическое и экономическое. Целью такого все расширяющегося преследования было выгнать евреев из страны и таким образом реализовать цель Гитлера — получить Германию без евреев, о чем он мечтал и говорил в 1920 г.

Для этого нацисты предприняли целый ряд политических, нередко плохо скоординированных мер, которые должны были сделать легальную, социальную и экономическую жизнь германских евреев как можно более тяжелой и болезненной. Они рассчитывали, что результатом станет активная эмиграция. 7 апреля 1933 г. вышло решение о том, что «государственные чиновники неарийского происхождения должны быть отправлены в отставку». Затем, 11 апреля, было решено, что «неарийцем считается тот, чье происхождение неарийское, особенно если у его родителей или родителей родителей еврейское происхождение. Достаточно, если один из его родителей или родителей родителей был арийцем».

После неистового выступления Гитлера на Нюрнбергском съезде 15 сентября 1935 г. в свет вышли законы «Об имперском гражданстве» и «О защите германской крови и германской чести». Последний запрещал не только браки между немцами и евреями, но и внебрачные связи, а чтобы подчеркнуть сексуальное хищничество евреев, запрещал еврейским семьям держать служанок в

Слева: тщетность протеста. Юриста-еврея Михаэля Шпигеля проводят босиком по улицам Мюнхена. На плакате написано: «Я еврей, но я больше никогда не буду жаловаться на нацистов».

возрасте до 45 лет. Следующий ничем не спровоцированный удар был нанесен по старым солдатам и ветеранам еврейского происхождения. Им запретили вывешивать по праздникам, как было принято, государственный флаг и носить соответствующую ленточку.

Чтобы окончательно определиться и закрыть возможные прорехи, 14 ноября 1935 г. было принято постановление с поправками к законам. В нем говорилось:

«Еврей не может быть гражданином рейха. Он не имеет права голоса... Он не может занимать публичную должность. Еврейские чиновники должны быть отправлены в отставку не позже 1 декабря 1935 г.».

Этот указ 1935 г. стал основанием для определения понятия «еврей», на которое позже всегда ссылались. В 1938—1939 гг. последовали более жесткие меры. Когда была захвачена Австрия, антисемитские меры вновь усилились. Доктор Лео Лаутербах после визита в Австрию в апреле 1938 г. доложил в Лондон: «Эта политика будет существенно отличаться от той, что действует в Германии. Возможно, она будет направлена на полное уничтожение австрийского еврейства».

Но даже эти меры бледнеют по сравнению с жуткими событиями «хрустальной ночи» 9—10 ноября 1938 г. — действиями нацистов, спущенных с цепи Гитлером и Геббельсом, в соответствии с партийной программой борьбы с евреями Германии. Холодный цинизм нацистских лидеров нашел свое яркое проявление в секретном меморандуме — инструкции, разосланной Рейнхардом Гейдрихом, главой Главного управления имперской безопасности, РСХА, в 1.20 ночи 10 ноября 1938 г. В эту ночь части СД (партийной службы разведки и безопасности) получили следующие указания (при том, что насилие и поджоги синагог уже начались): «Предприятия и квартиры можно уничтожать, но ни в коем случае не грабить». И самое главное, «следует арестовать столько евреев... особенно богатых... сколько может поместиться в существующих тюрьмах. После того как задержания будут проведены, следует немедленно связаться с соответствующими концентрационными лагерями для срочной организации размещения евреев в лагерях». Во исполнение этой инструкции было арестовано около 30 тысяч мужчин-евреев. Их освобождение должно было зависеть от согласия покинуть страну.

Слева: Герман Геринг, глава люфтваффе, полностью поддержал еврейский погром «хрустальной ночи», проведенный в ноябре 1938 г. После Второй мировой войны покончил с собой накануне казни, приняв цианид

«Решительные шаги» против евреев

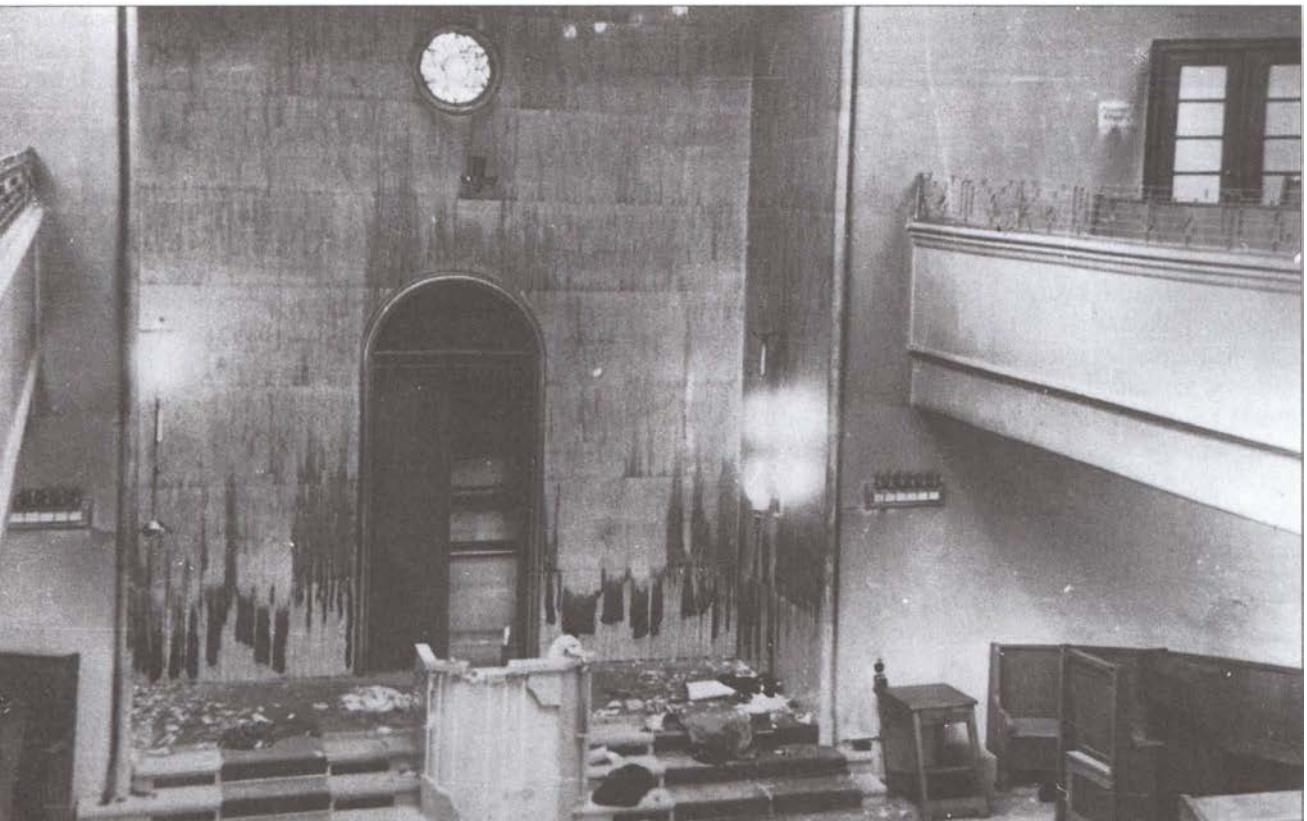
Вследствие этого и по прямому указания Гитлера 12 ноября Герман Геринг провел в своем министерстве авиации совещание по координации антиеврейской политики с помощью «решительных шагов». Тон и настроение, царившие на совещании, точно отразились в зафиксированном стенограммой замечании Геринга: «Я не хотел бы быть евреем в сегодняшней Германии». В 1939 г. последовали дальнейшие действия, направленные на полное изгнание евреев из германской экономики. Нацисты надеялись, что все представители этой нации навсегда покинут Германию и образуется вожделенное «государство, свободное от евреев».

Слева: Рейнхард Гейдрих (*слева*), антисемит, глава РСХА и организатор айнзатцгрупп, входит в Пражский замок в качестве протектора Богемии и Моравии

Официально целью нацистов пока еще оставалась «эмиграция», а не убийство евреев — хотя это ничуть не облегчало их страданий и трудностей, не устраняло экономической эксплуатации и ограбления, особенно в Австрии после марта 1938 г. Австрийский антисемитизм превосходил все, что практиковалось до того момента в самой империи. Австрийским методам и ответственным чиновникам, к примеру Адольфу Эйхману, позже суждено было сыграть значительную роль в эскалации антиеврейского экстремизма в нацистской политике. Переход к массовым убийствам, начавшийся в 1941 г., и решение уничтожить всех европейских евреев стали результатом сложной последовательности политических решений сентября 1939 — декабря 1941 г. Особенно важную роль сыграла война против Советского Союза, начатая в июне 1941 г.

Внутренние шаги Германии по отношению к собственным гражданам-евреям нельзя рассматривать в отрыве от внешней политики нацистского государства. Если политика антисемитизма внутри страны была направлена на изгнание евреев за пределы империи, то, как ни парадоксально, внешняя политика и идея завоевания «жизненного пространства» заставляла расширять пределы этой самой империи; сначала в нее вошла Австрия (1938), затем Судеты (1938) и остальная часть Чехословакии (1939). В сентябре 1939 г. империя распространилась на Польшу, а в 1940 г. вошла во Францию и Западную Европу. И самое главное — в июне 1941 г. против

Внизу: результат деятельности Гейдриха — разгромленная синагога в Магдебурге после «хрустальной ночи». В эту ночь была сожжена 191 синагога, уничтожены 815 еврейских лавок и 171 дом



Слева: немецкие солдаты насмехаются над евреями в Варшавском гетто. Те евреи, кому удалось выжить в гетто, позже были отправлены в концлагерь Треблинка для уничтожения в газовых камерах

Советского Союза была начата операция «Барбаросса». После каждого шага по расширению территории в пределах Германской империи оказывалось все больше и больше евреев. Около 200 тысяч в Австрии; примерно 3 миллиона в Польше; кроме того, в странах Западной Европы, кроме своих граждан-евреев, жили те люди (не только евреи), кто немного раньше под давлением нацистов уехал из Германии. Получается, что Германия одновременно преследовала две несовместимые цели. Считая «еврейский вопрос» проблемой, она вместе с тем вела захватнические экспансионистские войны — а значит, дальше и дальше отодвигала возможное решение этой проблемы.

Вторжениям в Польшу и позже в Советский Союз суждено было стать центральными событиями новой, все более жестокой и в конце концов убийственной политики нацистов, воображавших, что это путь к решению все той же проблемы. Именно эта политика породила ужасы холокоста. Когда германские войска в сентябре 1939 г. входили в Польшу, следом за ними шли специальные подразделения СС, айнзатцгруппы. Их задачей было, в частности, уничтожение польских интеллектуалов и государственных чиновников и предотвращение таким образом возможного сопротивления. Они убивали пациентов, чтобы освободить помещения больниц, лечебниц и домов престарелых для своих це-

лей. Кроме того, они безжалостно преследовали польских евреев.

Антисемитское направление в политике нацистов получило дальнейшее развитие после директив Гейдриха и нового генерал-губернатора Польши Ганса Франка (который, обосновавшись в Краковском замке, теперь и сам проводил эту политику в своих владениях). Новые директивы предписывали создать в ключевых польских городах (Лодзи, Варшаве, Радоме и Люблине) специальные гетто (так называемые «еврейские жилые районы») и сосредоточить в них еврейское население Польши, которое к тому моменту было уже сильно урбанизированным. Первоначально это рассматривалось как некая временная мера перед постоянным переселением евреев «на восток». Теперь официальной целью политики нацистов было загнать польских евреев в отдаленные восточные районы и освободить таким образом фермы и городское пространство для прибывающих «германских» поселенцев (иногда из рейха, но по большей части из Латвии, Литвы и Восточной Польши — регионов, оккупированных в 1939 г. Советским Союзом). Именно этим восточным беженцам, немцам по крови, или фольксдойче, предполагалось раздавать собственность и предприятия евреев и поляков, уничтоженных жестоким правлением Франка.

Процесс «геттоизации» польских евреев вплоть до осени 1940 г. шел произвольно и весьма децентрализованно; в результате сами гетто и связанные с ними властные структуры получились очень разными. Варшавское гетто, скажем, было совсем не похоже на гетто в Лодзи. Евреи в гетто обязаны были носить одежду с нашитыми на нее звезда-

Слева: «Так или иначе — скажу вам совершенно открыто — мы должны покончить с евреями» (Ганс Франк, генерал-губернатор Польши, декабрь 1941 г.). В Варшавском гетто уносят хоронить мертвого ребенка

Внизу: здание еврейского совета в Варшавском гетто

Вверху: польские евреи перед расстрелом. Массовые убийства проводит айнзатцгруппа — специальное подразделение СС. Впервые такие подразделения были организованы Гиммлером и Гейдрихом в 1939 г.; они вступили в Польшу вслед за регулярной армией

ми; им запрещалось поддерживать отношения не только с немцами, но и с поляками. Они вынуждены были существовать в условиях растущего перенаселения и многочисленных болезней; их в любой момент могли отправить на принудительные работы, а продовольственные нормы для них постоянно уменьшались. Евреи — обитатели гетто — отчаянно цеплялись за жизнь, а германские чиновники-управляющие уверенно и без всякого сочувствия ждали, что «еврейский вопрос» «решится» за восемь—десять лет сам собой, путем «естественной убыли». Так политика, задуманная изначально как территориальная, на практике все больше приближалась к геноциду, хотя формально единое централизованное решение по вопросам физического устранения (то есть убийства) евреев еще не было принято.

Война в России

Толчком к этому решению, или, точнее, серии решений, суждено было стать очередной судьбоносной идее Гитлера. Фюрер решил увенчать военные победы 1939—1940 гг. самой главной победой — завоеванием Советского Союза. Эта военная победа, считал фюрер, позволит ему уничтожить не только Советское государство, но и большевизм — и нанесет решающий удар по «международному еврейству». Здесь Гитлер объявил совсем иную войну, чем та, что вела Германия в Западной Европе в 1940 г. Эта война должна была стать войной на уничтожение. Все, решительно все — природа насилия, отношение к солдатам, военнопленным, гражданским лицам и евреям — должно было быть иным, чем прежде. Необходимо было расчистить пространство и уничтожить живущих на нем людей; сделать это предполагалось при помощи насилия и голода.

Именно на фоне решения о вторжении в Советский Союз и возник чрезвычайно жесткий, буквально убийственный подход к российским евреям — а позже и ко всем евреям Европы. Как и в Польше, были созданы айнзатцгруппы. Были отобраны и прошли специальную подготовку 3 тысячи добровольцев, задачей которых было убийство гражданского населения за линией фронта. Первоначально нацеленные на уничтожение «комиссаров», местных чиновников и мэров, айнзатцгруппы постепенно расширили сферу деятельности и стали уничтожать также мужчин-евреев. Затем в августе—сентябре 1941 г. их мишенью стали уже целиком еврейские общины, включая женщин и детей. Масштабные убийства, которые проводил на востоке Гиммлер как личный

представитель Гитлера, были уже не под силу одним только айнзатцгруппам (всего 3 тысячи человек!). Начался дополнительный набор из отрядов СС и полицейских частей в ряды профессиональных убийц; кроме того, туда брали иностранных добровольцев из Литвы и Украины.

В секретном докладе айнзатцгруппы А от октября 1941 г. сказано, что «в соответствии с этим в городах и сельской местности зондеркоманды организовали крупномасштабные казни... работа по проведению казней выполнена без затруднений. Всего в Литве ликвидировано 71 105 евреев». Немного позже Карл Ягер, командир айнзатцкоманды 3, ЕЗ, написал в секретном донесении в Берлин из Ковно (Каунаса):

«Я могу сегодня утверждать, что ЕЗ выполнила задачу решения еврейской проблемы в Литве. В Литве больше нет евреев, за исключением работающих евреев и их семей. Таких насчитывается в Шавли (Шяуляй) около 4500; в Ковно — около 15 тысяч; в Вильне (Вильнюс) около 15 тысяч. Я намеревался ликвидировать также и работающих евреев с семьями, но это вызвало резкие возражения со стороны гражданской администрации и вермахта, которые прямо запретили мне расстреливать этих евреев и их семьи».

За этим следовала таблица ежедневных записей о расстрелах десятков тысяч людей за период с сентября по ноябрь 1941 г.

К этому процессу «обычных» расстрелов с целью геноцида можно добавить «экспериментальные» и «испытательные» убийства другими способами, главным образом при помощи газа. Новые методы были разработаны для того, чтобы уменьшить психологическую нагрузку на убийц. Так, уже в августе 1941 г. была умерщвлена газом группа русских военнопленных; начались эксперименты с «душегубками» — закрытыми автомобилями, где выхлопные газы от двигателя отводились назад, в набитый людьми герметичный фургон.

Пока на оккупированных территориях разворачивались страшные дела, польские евреи жили взаперти в гетто. Они продолжали голодать и работать до изнеможения и со страхом ожидали приближения очередной холодной и голодной зимы. В большинстве своем они понятия не имели о еще более страшных опасностях и угрозах, которые ожидали их впереди. Точно так же евреи Германии, хотя и подвергались лишениям и произвольным преследованиям, оставались, очевидно, в неведении относительно начатых на востоке массовых убийств.

Внизу: этих русских евреев, вынужденных носить звезду Давида, немцы гонят подметать улицы

Слева: украинские евреи, расстрелянные айнзатцгруппой во время германского вторжения в Россию. Через некоторое время массовые убийства стали неблагоприятно отражаться на психике палачей. Нужно было искать более подходящий способ

Но уже были приняты решения, которым суждено было связать воедино и объединить единой трагедией судьбы всех, таких непохожих одна на другую, еврейских общин. В июне 1941 г. Геринг направил Гейдриху памятную записку с поручением «сформулировать в общих чертах план «Окончательного решения еврейского вопроса в Европе». В августе после протестов общественности формально завершилась «программа эвтаназии», и многие эксперты и технические специалисты по «эвтаназии» с применением газа были направлены на восток, в Польшу; причина такого решения пока не разглашалась. В сентябре евреям Германии было впервые приказано носить на одежде звезду Давида, которую их собратья на востоке носили уже давно. В октябре им запретили покидать пределы империи. Всех евреев пометили и загнали в ловушку.

Процесс разграничения и перекрытия возможных путей к спасению был начат после целой серии решений, принятых на самом высоком уровне. Дело в

Слева: один из многочисленных концентрационных лагерей, устроенных нацистами на территории рейха (на фото Штрутхоф во Франции). К концу 1944 г. действовало 13 основных и около 500 более мелких лагерей

том, что в октябре—ноябре в лагере возле Белзеца на железной дороге Люблин—Львов были начаты предварительные работы, которые чуть позже должны были привести к созданию германских «фабрик смерти». В начале 1942 г. «фабрики смерти» в Белзеце, Собиборе и Треблинке начали действовать. В ноябре Гейдрих, в соответствии с поручением Геринга, разослал управленцам высшего звена приглашения на закрытое совещание; встреча была назначена на начало декабря. В дополнение к приглашению каждый из 15 адресатов получил копию меморандума Геринга от 31 июля 1941 г.; предметом меморандума было так называемое «окончательное решение». Убийцы за письменными столами должны были скоординировать свои действия с убийцами из айнзатцгрупп на востоке и обеспечить гладкое проведение операции по программе полного уничтожения целого народа.

Размышления чиновников были прерваны нападением японцев на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г. и последовавшим за ним решением Гитлера объявить войну США. Гейдрих и остальные дого-

Внизу: «Природа жестока; поэтому мы тоже обязаны быть жестокими... неужели я не имею права ликвидировать несколько миллионов представителей низшей расы, которые размножаются как паразиты?» (*Адольф Гитлер в центре*)

Слева: большая чистка Варшавского гетто в июле 1942 г. Еврейская полиция гетто ведет облаву на его обитателей для «эвакуации» на восток. На самом деле евреев везли в Треблинку

ворились перенести встречу на 20 января 1942 г.; она должна была состояться на вилле у озера Ванзее в шикарном берлинском пригороде того же названия. Однако они не успели даже начать обсуждение вопроса, а «душегубки» в Хелмно уже действовали и убивали евреев, специально привезенных туда из Лодзинского гетто. Таким образом, целью встречи было собрать ключевых действующих лиц германской бюрократической машины вместе и наладить их связь с центрами массовых убийств, которые вот-вот должны были начать действовать в Польше. После этого можно было начинать реализацию решений, принятых в 1941 г.

Ванзейская конференция

Мишенью новой политики должны были стать 11 миллионов евреев Европы, тщательно каталогизированные и записанные помощником Гейдриха Адольфом Эйхманом, который вел протоколы заседаний. В этих протоколах можно найти достаточно полное изложение взглядов и намерений нацистов — замаскированное, правда, эвфемизмами нацистского «новояза», где «эвакуация», в частности, означала убийство. Ванзейская конференция обеспечила координацию действий бюрократической машины с остальными звеньями цепи: с германскими предприятиями по производству «циклона-Б» — газа коммерческой разработки, основанного на синильной кислоте — для Аушвица (Освенцима); с германскими железными дорогами для перевозки жертв со всех концов Европы в Польшу; с сотрудниками СС и СД в качестве исполнителей; и наконец, с банками и аукционными домами для учета и продажи еврейской собственности. Впервые в истории современное индустриальное государство пыталось поставить все ресурсы и методы, применяемые обыкновенно в производстве, на службу убийствам и смерти.

В результате этой встречи весной и летом 1942 г. польских евреев начали принудительно вывозить из гетто, где сотни и тысячи их сумели выжить в течение долгого времени — до тридцати месяцев. Обитатели гетто едва ли могли вообразить, что уготовано им в ходе операции под кодовым названием «Рейнхардт».

Рассмотрим для примера Варшаву. Большая зачистка началась в июле 1942 г. — нацисты приступили к «эвакуации» варшавских евреев на восток. На самом деле их везли в недавно соз-

данный лагерь смерти Треблинка. Адаму Чернякову, главе еврейского совета Варшавского гетто, было поручено обеспечить, чтобы в назначенное время 22 июля 1942 г. 6 тысяч евреев собрались на железнодорожной станции. Было объявлено, что это «минимальная ежедневная норма». Черняков покончил с собой, чтобы не выполнять этого приказа, но депортация все равно началась. В течение следующего года в лагере Треблинка было уничтожено около 700 тысяч польских евреев, в том числе примерно 400 тысяч из Варшавского гетто.

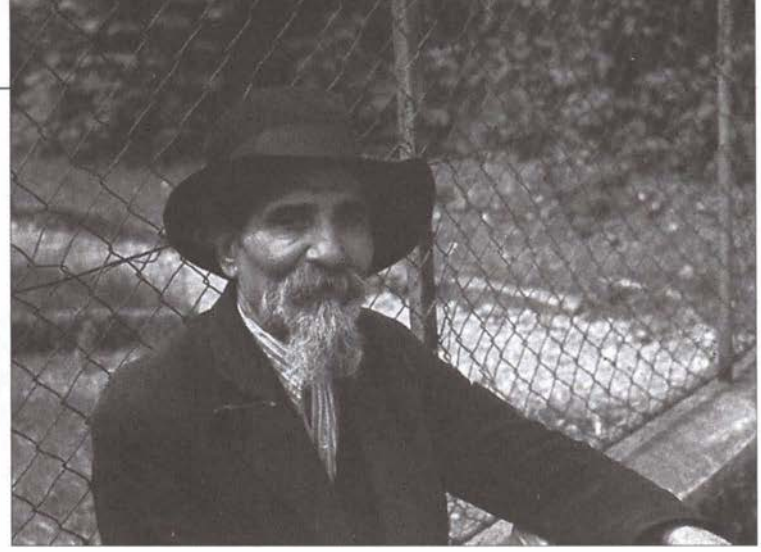
Одновременно с этим лагеря Белзец и Собибор принимали и убивали евреев из других польских гетто — удваивая, вероятно, общее число убитых. Все это время продолжались и массовые расстрелы на западе России — они шли не прекращаясь с осени 1941 г. Наконец, в громадном трудовом и концентрационном лагерном комплексе в Аушвице на юге Польши строились дополнительные сооружения для убийства — большие газовые камеры и специально разработанные крематории для уничтожения трупов. Германские промышленники всеми силами стремились получить эти правительственные заказы; рельефные надписи на стенках топок должны были свидетельствовать о гордости мастеров за свои изделия.

Начиная с конца 1941 г. процесс уничтожения начал понемногу захватывать и евреев Германии. Один из первых составов с «эвакуированными» был отправлен в Латвию, в Ригу, где люди сразу же по прибытии были расстреляны. В 1942 г. германские евреи постепенно вовлекались в мясорубку холокоста, которая раньше перемалывала только российских и польских евреев. Хотя главными жертвами программы массовых убийств стали европейские евреи, первоначально, как уже упоминалось выше, эта мясорубка захватила и неполноценное население Германии. Но и это не все; нацисты заклеймили и подвергли издевательствам представителей еще одного национального меньшинства. Это цыганское население Германии: рома и синти. Отношение нацистов к цыганским традиционно кочевым семьям и кланам представляло собой смесь вековых предрассудков и стереотипов; на цыган смотрели как на преступников, тунеядцев и смутьянов. К этому добавились и «новые» взгляды — цыган рассматривали как расово неполноценных. В результате политика нацистов по отношению к цыганам состояла в метаниях от одной крайности к другой. Поначалу власти объявили, что главная цель — заставить цыган перейти к оседлому образу жизни; какое-то вре-

Внизу: австрийские цыгане перед отправкой в лагерь, 1938 г. В целом нацисты рассматривали цыган как низшую расу; по оценкам за период Второй мировой войны, ими было убито до 90 тысяч цыган

мя нацистам приходилось даже бороться с враждебным отношением местных жителей к цыганским селениям.

В 1933—1937 гг. центральные и местные власти усилили как контроль за цыганами, так и притеснения по отношению к ним. В 1937—1938 гг. заметно усилилась криминализация цыган. Предотвращение преступности стало главным оправданием принятых мер: превентивного заключения мужчин-цыган в концентрационные лагеря без всяких формальных оснований. Еще более зловещий и откровенно расовый характер отношение к цыганам приобрело после заявления Гиммлера в 1938 г.: «Боритесь с цыганской чумой». Цыган не любил именно Гиммлер; Гитлер не испытывал к ним особого интереса. Цыгане не упомянуты в «Майн кампф», и, если не считать нескольких случайных замечаний, Гитлер позволил Гиммлеру действовать в этом вопросе так, как тот считал нужным, — получилось довольно беспорядочно.



Вверху: старый цыган терпеливо ждет отправки из Германии на восток, май 1940 г. Фактически на политику нацистов в отношении цыган влияло и отношение низов, то есть местных властей, желавших от них избавиться

Судьба цыган

После начала войны — особенно после 1941 г. — цыгане Восточной Европы стали обычными жертвами айнзатцгрупп и армейских подразделений, особенно в Сербии, отрядов полиции и СС, занятых уничтожением «опасных» гражданских лиц, — все это считалось частью войны с Советским Союзом. До 1941 г. в Германии и Австрии проживало примерно 26 тысяч цыган. Около 2500 цыган в мае 1940 г. было отправлено в польское генерал-губернаторство, еще 5 тысяч — непосредственно в Лодзинское гетто в октябре и ноябре 1941 г. Там, подвергаясь жестоким лишениям, многие из них стали жертвами тифа. Кроме того, после начала в декабре 1941 г. применения газа в Хелмно—Кулмхофе там было убито около 4400 цыган.

Следующим серьезным шагом Гиммлера стал приказ о депортации от 16 декабря 1942 г., целью которого было отправить всех «асоциальных» цыган в Аушвиц. Сам приказ допускал множество исключений как для чистокровных цыган, так и для «хороших» полукровок, но местные немецкие власти слишком стремились очистить от цыган свои регионы, чтобы обращать внимание на сдерживающие оговорки и тонкие различия. К примеру, в марте 1943 г. около 13 тысяч германских цыган было депортировано в Аушвиц, где их поселили в особой секции лагеря, получившей название «цыганского табора». Там они и жили довольно долго — ужасно страдали от болезней и недоедания, но не подвергались систематическому уничтожению. Однако в 1944 г. цыганский лагерь потребовался для временного размещения сотен тысяч прибывающих венгерских евреев, которых планировалось убивать здесь в газовых камерах начиная с 16 мая 1944 г., и обитатели его оказались лишними.

В целом из 29 тысяч германских цыган в результате политики нацистов 22 тысячи были уничтожены. Михаэль Циммерман, ведущий немецкий эксперт по народностям рома и синти, утверждает, что по всей Европе нацисты и их союзники уничтожили, по всей видимости, более 90 тысяч цыган. Единственная особенность, которая отличает нацистский геноцид цыган от геноцида евреев, состоит в следующем парадоксе. С точки зрения нацистов, цыган-полукровка был настоящим врагом, в то время как чистокровные цыгане заслуживали менее жестокого обращения; с евреями все было в точности наоборот. «Чистокровные» евреи представлялись нацистам абсолютным злом и не могли ждать от них ничего, кроме смерти; к полукровкам относились терпимее.

Вверху: цыгане в австрийском концентрационном лагере (*фото слева*) и на пути в лагерь (*фото справа*). Примечательно, что, несмотря на преследования, нацисты никогда не считали цыган врагами государства

Чернокожие и гомосексуалисты Германии

Было еще две группы, члены которых — не обязательно приговоренные к смерти — страдали тем не менее не в результате собственных убеждений или действий (как коммунисты, социалисты или «Свидетели Иеговы»), а просто потому, что были такими, как были. Это немецкие гомосексуалисты и представители чернокожего меньшинства — отпрыски солдат африканских колониальных войск, участвовавших в оккупации Германии после 1919 г. Тех, кого Гитлер на страницах «Майн кампф» презрительно охарактеризовал как «10 тысяч черных ублюдков Рейна», подвергли принудительной стерилизации (и, естественно, серьезному социальному остракизму). Отношение к геям было более сложным — это была обычная гомофобия пополам с доводами Гиммлера о нежелании продолжать род и восполнять потери, которые нация потерпела в ходе Первой мировой войны. Геям могло грозить: тюремное заключение, «целительное» и весьма варварское лечение, а позже в лагерях, когда гомосексуалистов загнали в них, носители розового треугольника регулярно становились жертвами садистов-охранников и жестоких заключенных-уголовников.

«Народная общность» нацистов, хотя и претендовала на стирание классовых различий и создание органичного здорового общества, на самом деле отличалась жестокой и даже убийственной политикой по отношению ко всем, кто не соответствовал нацистской утопической мечте. При этом, хотя в период с 1933 по 1945 г. и в самом рейхе, и за его пределами насилие, тюрьма и смерть могли ожидать представителей разных меньшинств, главной, отдельной и точно обозначенной мишенью нацистов были европейские евреи. По расовым и идеологическим соображениям именно их выделили из прочих и обрекли на уничтожение, и начиная с 1941 г. процесс этот шел по нарастающей. Поляков тоже убивали в больших количествах (приблизительно 3 миллиона за 1939—1945 гг.). Русских — гражданских и военнопленных — убивали или морили голодом до смерти в огромных количествах, но у нацистов никогда не было намерения уничтожить всех поляков или всех граждан России. В отношении же европейских евреев план был именно таков. Убить предполагалось всех. Исторически это беспрецедентный случай: целая группа людей, определенная по признаку того, кем они являлись (или считались), обречена была на полное уничтожение. Политика геноцида вышла на качественно новый уровень: на специально построенных «фабриках смерти» применялись новейшие методы массового убийства. Оборудование для убийства потом, когда оно выполнит свою задачу, предполагалось уничтожить (как и было сделано в Белзеце, Собиборе и Треблинке в 1943 г.). Польские евреи действительно были уничтожены, и только победа союзников и поражение Германии помешали нацистам в их стремлении перебить всех евреев Европы.

Глава 10

Армия и военная служба

Если в 1920-х годах армия Германии по большей части была далека от политики, то в следующее десятилетие дух нацистской идеологии глубоко проник в нее. Тот факт, что армия с энтузиазмом восприняла идеи нацизма, во время Второй мировой войны имел тяжелейшие последствия.

В годы Веймарской республики германская армия гордилась тем, что стоит вне политики. Говорили, что армия не имеет политических предпочтений и не служит ни одной стороне. Если же отвлечься от внутренних политических дрязг, то вооруженные силы, разумеется, были очень недовольны условиями Версальского договора, навязанного в свое время Германии. После поражения Германской империи в Первой мировой войне из остатков имперских вооруженных сил 6 марта 1919 г. была сформирована «временная армия» в составе 43 бригад. Затем 1 октября 1919 г. она была реорганизована в «переходную армию» с уменьшением численности до 20 бригад. В октябре 1920 г. армия вновь была уменьшена — на этот раз до 100 тысяч человек, как предусматривал Версальский договор. Теперь — с 1 января 1921 г. — армия стала называться «национальной». В состав рейхсвера входили «национальная армия» и «национальный военный флот». 20 мая 1935 г. рейхсвер сменил название и стал вермахтом (вооруженные силы). Имея в виду, что большинство кадровых офицеров рейхсвера симпатизировало правым партиям и придерживалось националистических взглядов, то утверждение о том, что армия во времена Веймарской республики стояла выше политики, кажется несколько преувеличенным. Да, действительно, в 1920-х гг. армия как единая организация, как правило, не вмешивалась в по-

Внизу: артиллерийская часть 100-тысячной германской армии на учениях в пригороде Берлина, 1924 г.

Внизу справа: германская пехота на маневрах, 1926 г. Маленькая армия Германии обладала тем не менее прекрасными солдатами и офицерским корпусом

литику. В ответ политики тоже оставляли армию в покое и предоставляли ей значительную внутреннюю автономию. До прихода нацистов к власти армия и государство демонстративно держались в стороне и не вмешивались в дела друг друга. После января 1933 г. ситуация полностью изменилась. Армия очень быстро обнаружила, что — хочет она того или нет — ей предстоит стать послушным инструментом национал-социалистического режима.

Учитывая природу нацистского государства, едва ли стоит удивляться тому, что Гитлер и его последователи хотели подчинить себе армию. Отчасти они действовали из чистого прагматизма. Нацистская партия, как тоталитарная

Вверху: немецкие новобранцы учатся маршировать, 1937 г. К этому моменту Гитлер уже объявил о своих планах начать перевооружение и восстановить воинскую обязанность

Вверху: донацистская армия готовится к механизированной войне. Возможно, муляжи танков выглядят смешно, но подобные тренировки заложили базу для созданных позже бронедивизий

организация, верила в абсолютный авторитет лидера. Вряд ли такая организация могла терпеть в собственной стране независимую армию — ведь армия всегда способна бросить вызов существующей власти, если понадобится, с применением силы. Поэтому, чтобы обеспечить стабильное существование нацистского режима, необходимо было добиться лояльности армии и нейтрализовать таким образом единственную силу, способную отстранить партию от власти.

Кроме того, идеологические соображения тоже требовали широкомасштабного вмешательства в военные дела. Гитлер, как мы уже убедились, твердо верил в превосходство германской расы над всеми остальными. Эта доктрина, которую можно было использовать для оправдания политики внутреннего геноцида по отношению к меньшинствам, годилась и для обоснования внешних целей — завоевания Европы и недостающего «жизненного пространства» для Германской империи. Естественно, необходимые Гитлеру земли вовсе не пустовали, а были заселены другими национальностями, — значит, приобрести их для заселения немцами можно было лишь путем откровенной агрессии и применения грубой силы (то есть завоевать территорию, а затем изгнать или уничтожить существующее население). Для этих целей Гитлеру нужна была не просто большая и мощная армия. Ему нужна была армия, разделяющая его цели и готовая без сомнений и угрызений совести выполнять его жестокие антигуманные планы. Для этого не годилась армия, которая на каждом шагу подчеркивала бы собственную политическую нейтральность и оглядывалась на международные конвенции о законах и обычаях войны. Гитлеру нужна была армия, которая руководствовалась бы исключительно нацистскими доктринами и готова была претворять их в жизнь без оглядки на прочие, в первую очередь моральные, соображения.

Гитлер пришел к власти с твердым намерением сформировать армию, главными достоинствами которой будут: повиновение режиму, искренняя приверженность нацистской идеологии, включая самые жестокие ее элементы, в том числе расовую теорию, эффективность как инструмента завоеваний. Эти цели и определили, в значительной степени, характер вермахта, как при Гитлере стал называться рейхсвер. Чтобы стать ис-

тинно национал-социалистической, армии пришлось отбросить идею стояния над политикой и пройти продолжительный курс политической переориентации и идеологической обработки. Получившаяся в результате организация мало походила на ту, которая была вначале.

Создание идеологизированной военной структуры должно было неизбежно и самым решительным образом повлиять на жизнь обычного гражданина Германии. Дело в том, что достаточно большую и достаточно мощную для завоевания Европы армию можно получить только при помощи обязательного призыва мужчин на военную службу. В результате приход нацистов к власти и начало реализации их внешнеполитических планов означали для многих немцев кардинальные, поистине революционные перемены в судьбе. Люди, которые в других обстоятельствах, может быть, за всю жизнь ни разу не столкнулись бы с армией непосредственно, теперь строили свое существование, опираясь на опыт обязательной военной службы, — в марте 1935 г. в Германии была вновь введена всеобщая воинская обязанность.

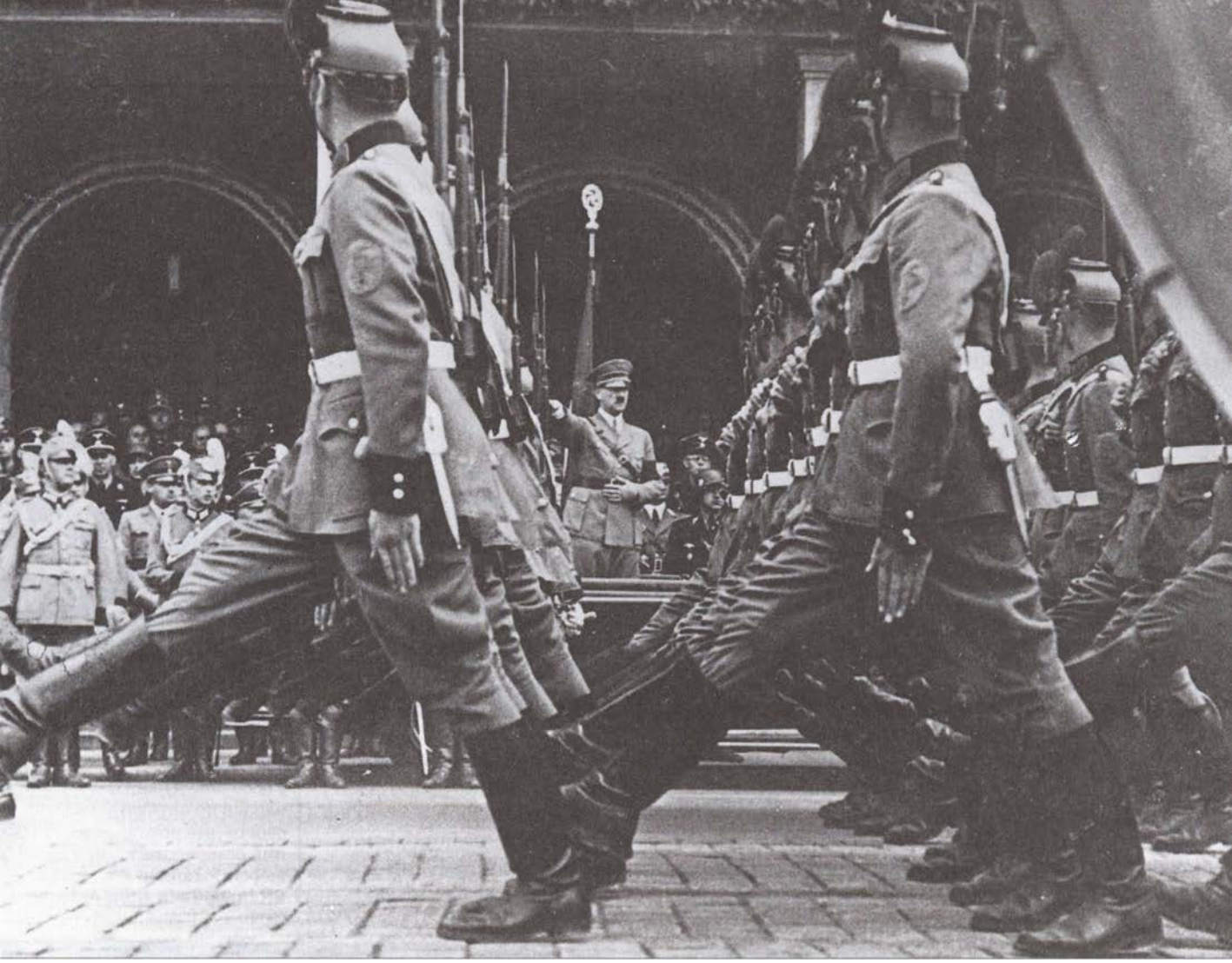
Армия Гитлера

Если рассматривать по отдельности, то оба эти события — и преобразование армии в подлинно национал-социалистическую структуру, и введение отмененной прежде воинской обязанности и призыва — были чрезвычайно важными. Взятые в комплексе, они приобретают еще большее значение. Оба события произошли почти одновременно, и начиная с этого момента военная подготовка в идеологизированном национал-социалистическом окружении стала обязательной для огромного большинства молодых немцев. Позже этот опыт в значительной степени определял не только их личное поведение, но и поведение вермахта как единого целого. Посмотрим, что именно изменилось в армии.

Клятва армии Гитлеру

Хотя для создания той армии, в которой нуждался Гитлер, были равно важны и введение воинской обязанности, и политическая переориентация армии, первым стартовал идеологический процесс — превращение вермахта в лояль-

Внизу: нацисты смогли увидеть результаты подготовки к механизированной войне, которая проводилась в германской армии еще в 1920-х гг. На фото Адольф Гитлер (*в первой машине, сидит рядом с водителем*) на параде по случаю своего дня рождения осматривает шеренгу танков «Панцер I»



Вверху: национальный день партии, 1937 г. Полицейские объединения маршируют перед фюрером. Германская армия была сформирована из полиции, которая представляла собой полувоенную организацию

ную национал-социалистическую организацию. Учитывая масштабность необходимых для этого преобразований, процесс этот проходил на удивление быстро. Первый шаг был сделан в феврале 1934 г. — свастика, эмблема национал-социалистической партии и символ нового режима, сделалась частью военной символики. По приказу Верховного командования ее теперь изображали на кокардах, флагах и форменной одежде. Через полгода последовало продолжение — был принят текст новой воинской присяги. Вместо веймарской присяги, в которой солдат обещал хранить «верность конституции» и «повиноваться президенту», появилась новая формула. Каждый государственный служащий Германии должен был заявить о своей неколебимой верности Адольфу Гитлеру. Текст звучал просто:

«Я клянусь перед Богом этой священной клятвой, что буду беспрекословно подчиняться Адольфу Гитлеру, фюреру германского рейха и народа, Верховному главнокомандующему вооруженными силами, и как храбрый солдат буду всегда готов отдать свою жизнь во имя этой клятвы».

Следует отметить, что значение этой формулировки иногда преувеличивают. Слова присяги, к примеру, не означали, что каждый германский солдат честью клянется совершать преступления против человечества, если так будет приказано, несмотря на то что после войны многие из тех, кто был обвинен в нарушении международных законов, пытались оправдаться таким образом. Тем не менее текст новой присяги был в высшей степени символичен. Как и включение

свастики в военную символику, он представлял собой весьма наглядное свидетельство отказа армии от прежних идеалов и ясно указывал всем заинтересованным лицам, что армия выбрала для себя слияние с новым национал-социалистическим порядком. В конце концов, что может быть яснее, чем обещание слепого повиновения лидеру этого самого национал-социалистического движения?

Арийская армия

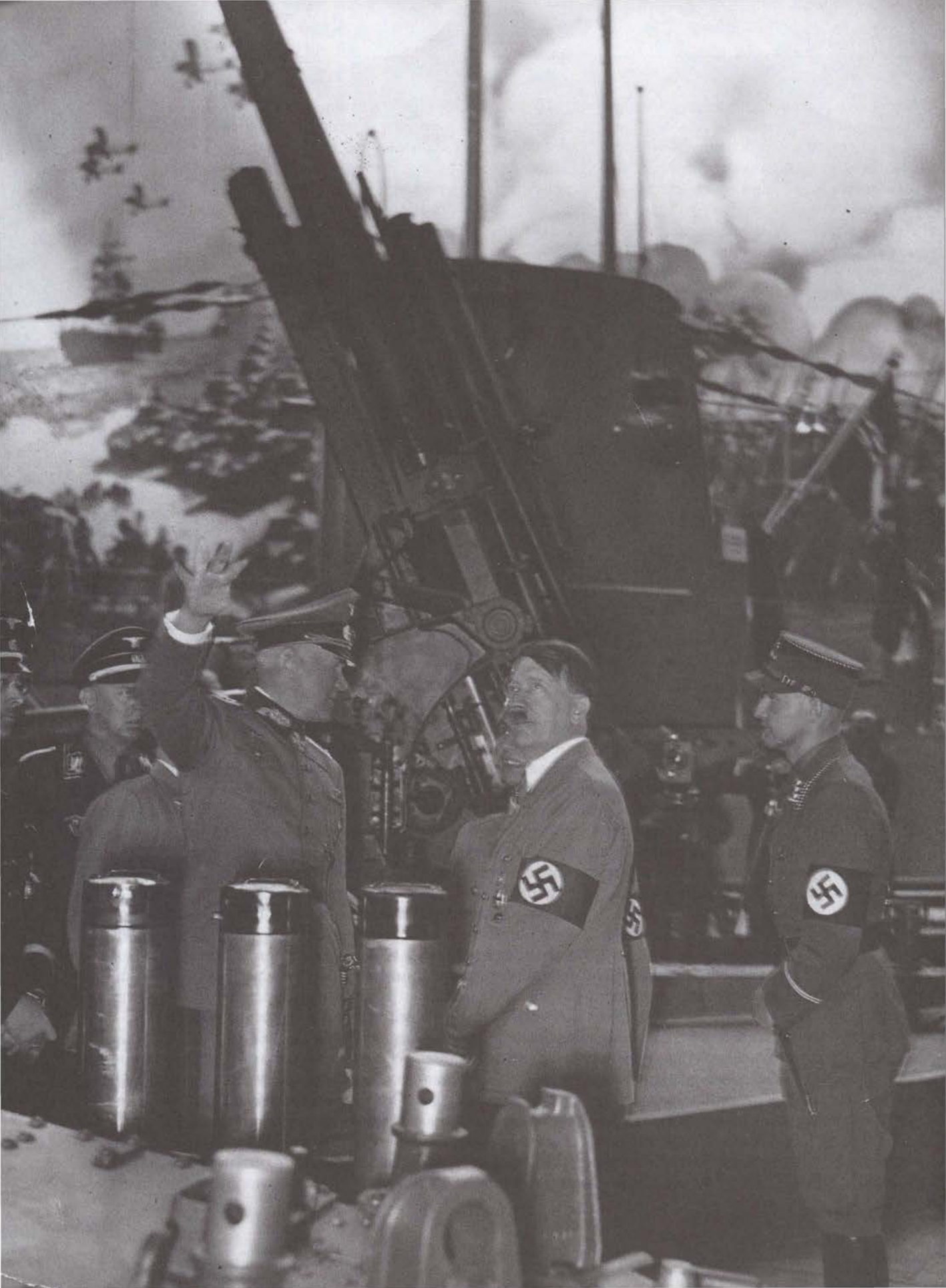
Армия не ограничилась только символическими переменами. Она начала — сначала понемногу, затем все быстрее — подстраиваться под нацистскую идеологию. Нагляднее всего об этом свидетельствовало решение о применении в армии расовой партийной доктрины. Так, в феврале 1934 г. военный министр генерал Вернер фон Бломберг (он видел в Гитлере сильную личность, способную восстановить былое величие Германии) решил своей властью, без всякого подталкивания со стороны Гитлера, ввести расовые ограничения при назначениях на военные посты; он добавил к кадровым документам и процедурам вермахта «арийский пункт». В результате 50 офицеров вооруженных сил были отправлены в отставку из-за своего еврейского происхождения. Отказ от солдат-евреев был только началом. В декабре того же года генерал главнокомандующий армией Вернер фон Фрич выпустил приказ, запрещающий военным жениться на еврейках. «Должно быть в порядке вещей, — говорилось в приказе, — чтобы любой офицер искал себе жену только среди представительниц арийской нации». Правила, первоначально отнесенные к вопросам брака, вскоре были распространены и на коммерческие отношения. В июле 1935 г. фон Бломберг приказал солдатам не заходить в еврейские лавки и не пользоваться услугами еврейских торговцев. «Тот факт, что солдаты делают покупки в неарийских заведениях, противоречит долгу вермахта как одной из ответственных школ нового государства», — сообщил он армии в официальном приказе.

С одной стороны, эти мелкие нововведения не имели никакого реального практического значения. В конце концов, в армии было не так уж много евреев, еврейки редко выходили замуж за военных, а евреи-лавочники вполне способны были обойтись без клиентов-военнослужащих. Таким образом, эти инфантильные и близорукие решения создавали для общества лишь небольшие неудобства. Тем не менее они посылали всем заинтересованным лицам очень ясный сигнал. Каждый гражданин обязан был понять: армия Германии должна быть арийской, потому что это национал-социалистическая армия. Более того, эта армия верит в доктрину расовой чистоты и готова — не просто готова, а жаждет — внести свой вклад в достижение этой цели. Как мы увидим, после восстановления воинской обязанности этот сигнал будет передан и усвоен миллионами молодых людей, прошедших через армейские ряды. Последствия будут ужасны.

Планы экспансии

Из вышесказанного очевидно, что первые несколько лет после прихода нацистов к власти армия сознательно перестраивала себя по национал-социалистическим принципам. С этой целью она сделала партийную эмблему воинским символом, приняла присягу лидеру нацистов и усвоила мировоззрение НСДАП вплоть до самых вульгарных и низколобых деталей расовой доктрины. И что самое важное, армия проделала все это добровольно, в соответствии с собственными убеждениями — ведь военный министр фон Бломберг в приказе, выпущенном в мае 1934 г., ясно сказал, что у нацистской партии и у армии одни и те же принципы:

«Национал-социализм в своих правилах поведения исходит из жизненных потребностей всего народа и долга нации в целом работать согласованно. Он принимает идею братства по крови, идею общей судьбы для всего германского народа. Этот принцип есть, несомненно, и должен оставаться фундаментом долга германского солдата...»



Невозможно яснее показать, что Гитлеру удалось добиться своего — создать покорную и верную национал-социалистическую армию. Однако, как мы показали в самом начале, это не было его единственной задачей в отношении вермахта. Кроме этого, он намеревался сделать германскую армию по-настоящему большой.

В январе 1933 г., когда Гитлер пришел к власти, численному увеличению армии препятствовало два обстоятельства. Во-первых, численность вооруженных сил Германии была строго ограничена международным соглашением. По Версальскому договору, который Германия вынуждена была подписать после поражения в Первой мировой войне, военным запрещено было иметь в строю больше 100 тысяч офицеров и солдат. Технически превышение этой цифры означало бы нарушение международного права, и многие в Германии опасались, что это может повлечь за собой санкции со стороны других государств. Поэтому было решено, пока не выяснится отношение соседей, проводить перевооружение не спеша, скрытно и осторожно.

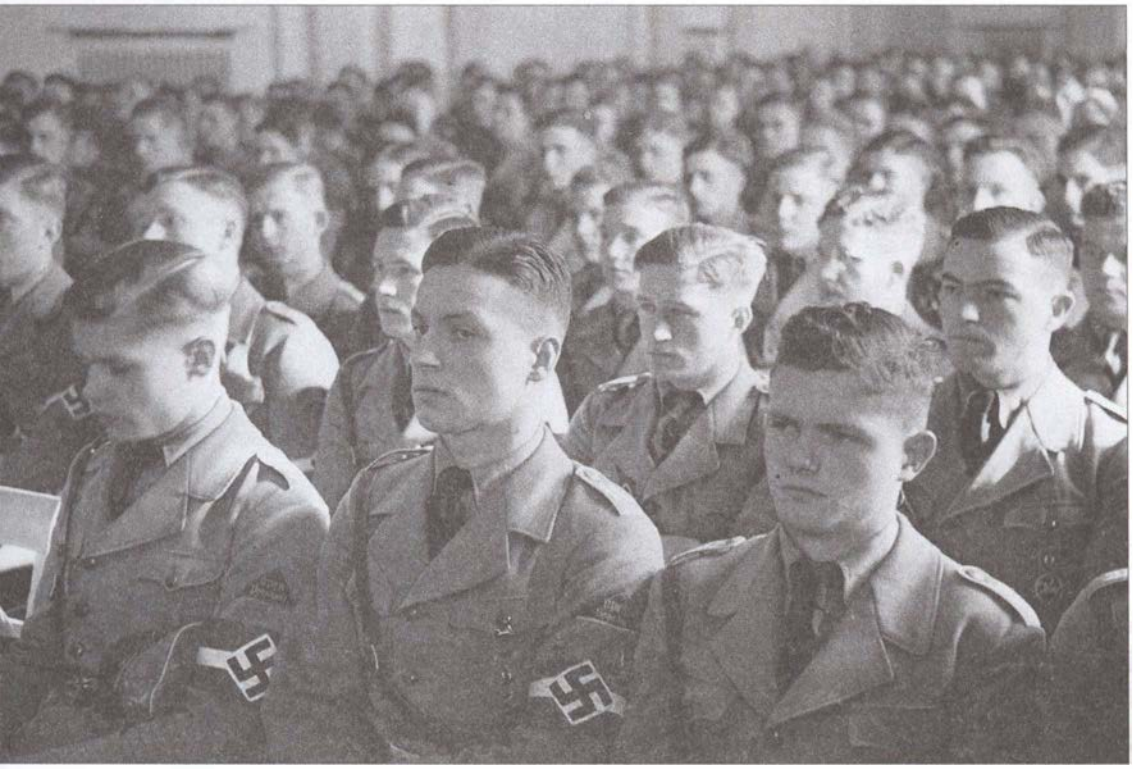
Перевооружение Германии

Вторую проблему представлял тот факт, что в 1933 г. у Германии просто не было необходимой военной инфраструктуры: казарм, плацев, солдатских столовых, инструкторов, запасов униформы и тому подобного для серьезного увеличения численности личного состава. Все, чего можно было добиться в таких условиях введением всеобщей воинской обязанности, — это призвать людей, которых невозможно будет одеть, разместить, вооружить, накормить и обучить. Смысла в этом не было никакого, подобные меры могли вызвать лишь хаос.

В результате на первом этапе перевооружение Германии и строительство армии шло очень медленно и осторожно — и не только потому, что нацистскому

Вверху: фон Бломберг (*в центре*) вручает частям вермахта знамена. Позади него стоит главнокомандующий германской армией генерал Фрайхер Вернер фон Фрич — еще один офицер, активно поддержавший нацистов

Слева: Гитлер (*в центре*) и военный министр фон Бломберг (*указывает рукой*) на выставке вооружений в 1937 г. Бломберг подал армии пример — первым принял присягу на верность лично Гитлеру



Слева: восемнадцатилетние немецкие призывники ждут начала лекции по идеологии национал-социализма, 1938 г. Такая идеологическая обработка обеспечивала в германской армии пронацистский настрой

Внизу: мальчики из гитлерюгенда, 1937 г. Члены этой организации постоянно находились под воздействием нацистской идеологии — так создавался идеальный материал для армии

Вверху: немецкие солдаты с русским военнопленным на Восточном фронте. Идеологическая обработка в духе нацизма означала, что они будут считать своего пленника «недочеловеком» и относиться к нему соответственно

руководству не хотелось настраивать против себя другие страны. Нацисты старались нанести как можно меньше ущерба армии и нации. Именно с этой целью новых рекрутов набирали, по возможности, из людей, уже имевших какой-то военный опыт. К примеру, в 1934 и 1935 гг. многие новые подразделения вермахта формировались из полицейских, в первую очередь сотрудников Земельной полиции, ландесполиции, и Охранной полиции, шутцполиции, которые с начала 1920-х гг. обязательно проходили базовую военную подготовку для того, чтобы справляться с «серьезными гражданскими беспорядками». Поскольку служба в полувоенной организации не слишком отличалась от службы в настоящей армии, большинство бывших членов «земельной полиции» смогли быстро и легко приспособиться к своему новому положению солдат.

Так в основном набирали военнослужащих в первые годы нацистского режима. Но в 1935 г. Гитлер решил, что ждал достаточно и настало время вновь ввести воинскую обязанность. Следует отметить, что двухлетняя задержка дала Гитлеру очевидные преимущества и в международной сфере. Несмотря на все опасения, никаких существенных санкций со стороны других государств не последовало — германские дипломаты хорошо знали свое дело. Внутри страны отсрочка также принесла свои дивиденды — время было использовано на создание необходимой базы для размещения и обучения новобранцев. Таким образом, в 1935 г. призыв, хоть и потребовал от армии напряжения всех сил и использования всех возможностей, не вызвал хаоса, как непременно произошло бы в 1933 г. Чрезвычайно важно еще и то, что два года правления нацистов дали возможность набирать в армию все больше восемнадцатилетних юношей, проведших годы формирования в гитлерюгенде, где всеми средствами насаждалась военная культура. Благодаря своей иерархической структуре и полувоенной организации гитлерюгенд много делал для подготовки немецкой молодежи к военной

жизни. И что еще важнее, он постоянно подвергал юношей идеологической обработке в духе национал-социализма. В результате бывшие члены гитлерюгенда представляли собой идеальный материал для армии пламенных нацистов, которую собирался создать Гитлер.

Армия и нацистская идеология

Нацисты ничего не оставляли на волю случая. Идеологическая обработка, начатая в гитлерюгенде, продолжалась и после призыва в армию. Вопреки всевозможным мифам, именно постоянное идеологическое давление стало одним из определяющих факторов армейской жизни для призывников. Это делалось намеренно. Военный министр фон Бломберг так объяснил в приказе от 16 апреля 1935 г.:

«С введением всеобщей воинской обязанности вооруженные силы вновь стали великой школой национального образования. Адольф Гитлер неоднократно подчеркивал важность этой задачи. 1 мая 1934 г. он дал армии задание стать... «национальным и социальным плавильным котлом для воспитания нового германца». В его книге «Майн кампф» многократно подчеркивается значение вооруженных сил в деле воспитания... В других местах фюрер называет военную службу непременным условием для получения прав гражданства. Таким образом, служба в вооруженных силах — последняя и высшая ступень процесса общего образования молодого немца: от родительского дома, через школу, гитлерюгенд и Трудовой фронт. Образовательная цель вермахта — не просто подготовленный солдат, мастерски владеющий оружием, но человек, сознающий свою национальность и свой долг перед государством».

Для претворения этой программы политического образования в жизнь прилагались большие усилия. В 1936 г. в Академии вермахта, Штабном колледже и основных учебных заведениях по подготовке офицеров были организованы курсы политического обучения для военных преподавателей. На этих курсах партийные специалисты по пропаганде должны были дать преподавательскому и руководящему составу необходимые знания и навыки для проведения еженедельных политических уроков для солдат, где каждый должен был получать очередную дозу национал-социалистической пропаганды. Кроме того, партия обильно снабжала вооруженные силы печатными пропагандистскими материалами. Так, в войсках широкое хождение имели листовки, буклеты и брошюры о принципах нацизма, а партийная газета «Фелькишер беобахтер» распространялась бесплатно — за счет правительства.

Вверху: Эрих фон Манштейн, один из лучших германских стратегов Второй мировой войны. Командуя в России 11-й армией, он советовал своим людям не проявлять милосердия к евреям и большевикам

Что еще важнее, военнослужащие всех уровней постоянно слушали всевозможные речи и радиопередачи, целью которых было укрепить их приверженность принципам нацизма. Чтобы обеспечить эффективность всех этих мер, усилий не жалели. Публичные выступления нацистских руководителей часто представлялись как важные и даже праздничные события. Иоганн Штайнхоф, курсант люфтваффе, вспоминал, что, когда в 1936 г. Герман Геринг приехал в училище и выступил перед выпускным классом, все они — почти тысяча новоиспеченных лейтенантов — собрались в великолепном здании прусского парламента. Торжественная обстановка и динамичная речь произвели сильное впечатление. Позже Штайнхоф вспоминал:

«Геринг говорил около часа. Держался он очень театрально. Он использовал популярные выражения, говорил о позоре, унижении, праве рейха на «жизненное пространство», обещал возмездие. Когда он завершил речь словами «вы станете моим возмездием», в зале, наверное, не осталось ни одного человека, который не был бы готов отдать все свои силы поддержке этого режима».

Поток пропаганды, направленный на военнослужащих, мог принимать различные формы, но суть его от этого не менялась. Солдат держали на дикой диете из расистских догм, согласно которым арийская германская нация представлялась идеальным обществом, а все остальные народы, особенно евреи и русские большевики, буквально демонизировались и назывались главными врагами Германии. К тому же солдатам постоянно рассказывали о том, что рейху необходимо расширяться. Германии, внушали им, не хватает пригодного для жизни пространства, и ситуацию эту можно исправить только путем захвата земель у «низших» рас. Наконец, солдатам непрерывно повторяли, что в лице Адольфа Гитлера они имеют лидера-сверхчеловека, почти божественного гения, который приведет их в будущем к неслыханному величию и чьи вдохновенные свыше приказы следует исполнять любой ценой. Такая смесь идей, взаимно дополняющих и усиливающих одна другую, постоянно распространялась среди личного состава вооруженных сил и, естественно, не могла не оказать огромное влияние на характер вермахта в целом. Какое именно влияние, станет ясно только с началом войны — особенно с началом войны на Восточном фронте в июне 1941 г.

Нападение Германии на Советский Союз в июне 1941 г. развязало войну, которая не была похожа ни на одну из прежних войн. Жестокость, проявленная

Внизу: генерал Вальтер фон Рейхенау. Во время кампании в России выпускал приказы, санкционировавшие убийства русских и евреев. Умер от удара в 1942 г.

в ходе этой войны, не имела себе равных в истории. Вопреки мифам, которые нередко распространяют апологеты германской армии, значительная часть жестокостей совершалась представителями вермахта. Это и неудивительно, если внимательно проанализировать ситуацию. Германские солдаты, много лет подвергавшиеся воздействию расистской пропаганды, склонны были рассматривать русских людей как примитивных «недочеловеков», жизнь которых ничтожна, не имеет никакого значения. Вряд ли можно было ожидать, что солдаты с такими взглядами будут гуманно относиться к населению завоеванных земель. Более того, перед началом операции «Барбаросса» и в первые дни войны расистские психологические установки были намеренно усилены очень конкретными и откровенными заявлениями армейского руководства. Так, 10 октября 1941 г. генерал Вальтер фон Рейхенау, командующий 6-й армией, сообщил своим войскам:

«Существенная цель кампании против еврейско-большевистской системы — полное уничтожение ее силовых инструментов и устранение азиатского влияния в европейской культурной сфере. Поэтому перед войсками стоит задача, выходящая за рамки общепринятой солдатской традиции. Солдат на Востоке — не только боец, подчиняющийся правилам ведения войны, но и носитель суровой расовой концепции, мститель за все зверства, совершенные над немцами и другими родственными нам расами. Солдат должен в полной мере понимать необходимость сурового, но справедливого воздаяния за них еврейским «недочеловекам».

В своих попытках спровоцировать жестокость по расовым мотивам фон Рейхенау был не одинок (сам он, не умри от удара в 1942 г., непременно попал бы под суд за военные преступления). Великолепный стратег генерал Эрих фон Манштейн тоже обращал к

Внизу: примерно 25 тысяч русских пленных, захваченных при взятии Севастополя, 1942 г. В результате германской расовой политики большинство из них умрет от голода, изнурительного труда и болезней

солдатам своей 11-й армии аналогичные призывы. «Еврейско-большевистская система, — писал он в обращении к войскам, — должна быть уничтожена раз и навсегда». С этой целью он поручал своим частям «с пониманием относиться к суровому наказанию иудаизма, духовного носителя ужасов большевизма».

Годы пропаганды и свежие призывы командиров считать русских примитивными «недочеловеками», недостойными жизни, сделали свое дело: многие солдаты именно так к ним и относились. О преобладании таких взглядов живо свидетельствует содержание писем, которые солдаты посылали близким в Германию с Восточного фронта. Большинство из них описывало русских людей в далеко не лестных выражениях. Один капрал, к примеру, называл их «самыми испорченными и грязными [людьми] из всех, кто живет на Божьей земле», другой солдат — «мерзавцами и последними подонками» и дальше замечал: «Можете представить себе, чтобы человеческие существа жили, как животные?» Такие

Вверху: военнопленным, захваченным германскими войсками на Восточном фронте, почти никогда не давали ни пищи, ни воды. Русские пленные, пытаясь утолить жажду, пьют застойную воду из снарядной воронки

Слева: русский партизан, взятый в плен немцами на Восточном фронте. Жестокость германской армии в России, особенно карательные акции в отношении мирного населения, вызвали резкий рост численности партизанского движения

нетерпимые характеристики — вовсе не исключение; приведенные фразы скорее можно отнести к относительно умеренным заявлениям. Так, один рядовой называл русских «зверьми» и писал, что «для них даже самая ужасная смерть слишком хороша». Другой солдат выражал удовлетворение оттого, что воюет на русском фронте и может таким образом «уничтожать эту вселенскую заразу».

К несчастью, нападение на Россию дало этим солдатам возможность претворять свои взгляды в жизнь. Результат предсказуем: получив возможность творить зверства по отношению к презираемому населению, многие немецкие солдаты воспользовались случаем. Проявлялось это по-разному. Одним из самых распространенных действий стало мародерство — «дикие реквизиции» продовольствия и вещей под угрозой применения оружия; немецкие солдаты просто отбирали у советских граждан все, что хотели. В какой-то степени такое поведения воюющей армии даже оправданно — ведь на вражеской территории армия часто «живет с земли»; но в данном случае это зашло так далеко, что превратилось практически в вооруженный грабеж. Более того, такая политика нередко оставляла местное население вообще без средств к существованию — это ясно показывают документы самой германской армии. Вот, к примеру, рапорт из 12-й пехотной дивизии: «Местные ресурсы использованы в максимальной степени... Отсюда возникла ситуация общей нехватки продовольствия для гражданского населения, из-за чего голодающие гражданские русские иногда приходили в германские части, просили помощи или умоляли застрелить их».

Мирных жителей в России часто расстреливали, вешали или убивали иными способами. Вермахт активно практиковал систему коллективной ответственности — когда за преступления нескольких человек (реальные или выдуманные) должны были расплачиваться многие. Единственный акт сопротивления со стороны одного человека мог привести к поголовной казни целой деревни. Причем сопротивление трактовалось очень широко. Достаточно было,

Вверху: германские войска сжигают русскую деревню в наказание за нападение партизан. Часто во время подобных карательных операций казнили и обитателей деревни

Справа вверху: «Мы ведем примитивную... расовую войну» (Гиммлер). Отряд эсэсовцев в России сгоняет крестьян, заподозренных в сочувствии партизанам

Справа внизу: идеология в действии — эсэсовцы вешают русских «недочеловеков». Считалось, что публичные казни — хорошее средство устрашения

Fotografieren
verboten!

к примеру, накормить русского солдата. Кара, как правило, многократно превосходила тяжесть предполагаемого преступления. Так, в декабре 1941 г. после нападения партизан, при котором было убито 6 немецких солдат, войска II корпуса сожгли 16 деревень и убили 448 человек.

Кроме этого, мирное население угоняли на принудительные работы, причем к рабочим из России относились особенно жестоко. Рабочие становились практически рабами и должны были впроголодь заниматься непосильным трудом. Бесчисленные толпы несчастных одновременно загоняли насмерть и морили голодом. Призванные на работы часто были удачливее тех, кого сочли «непригодными» и «бесполезными» — тех просто выгоняли из собственных домов. Принимая во внимание суровость российского климата, где температура зимой может достигать 40 градусов ниже нуля, несложно догадаться, что подобная «эвакуация» часто означала смертный приговор. Такая же судьба ожидала и тех, кому «посчастливилось» жить на территории, которую германская армия должна была оставить. Следуя тактике выжженной земли, немецкие солдаты сжигали деревни, уводили молодых людей «на работы», а стариков, женщин и детей оставляли на произвол судьбы в насквозь промороженной дикой местности.

Отношение к военнопленным было еще хуже. Есть основания считать, что многих пленных германские солдаты просто расстреливали на месте, отговариваясь тем, что это «партизаны». Эти произвольные расстрелы приобрели такой размах, что некоторые командиры частей сочли нужным вмешаться — иногда по моральным соображениям, но чаще из прагматического принципа, который гласит, что «в конечном итоге дурное отношение или расстрел военнопленных после того, как они сдались в бою, приведет лишь... к ожесточенному сопротивлению врага, поскольку каждый солдат Красной армии будет бояться германского плена». Это, безусловно, справедливое утверждение, но практически исполнение таких приказов никак не обеспечивалось — а потому расстрелы и дурное обращение с пленными про-

Вверху: «В боях наши войска могут делать все, что угодно: вешать партизан, даже вешать их вниз головой или четвертовать» (Альфред Йодль, глава оперативного управления вермахта, повешенный союзниками в 1946 г.)

Вверху: Гитлер осматривает войска. Результатом полной преданности армии нацистской идеологии стала жесточайшая война в России — война, в ходе которой германская армия совершала бесчисленные зверства и которая в конечном итоге привела ее к гибели

должались и приводили к вышеназванным результатам.

Перспективы для тех военнопленных, кого не расстреляли сразу, тоже не были особенно радужными. Если солдат попадал в плен раненым, он почти никогда не получал медицинской помощи — более того, оказывать такую помощь было запрещено. Это означало, что пленный должен был либо поправиться сам, либо — что более вероятно — потерять силы и умереть. Тот, кто уцелел, мог рассчитывать на минимальный рацион, но должен был при этом выполнять тяжелую физическую работу на захватчиков. Как и в случае с насильно призванными рабочими, это часто означало смерть от непосильной работы в пользу вермахта. По иронии судьбы, даже после войны, выжив в плену, такие люди имели все основания опасаться за свою судьбу: Сталин считал всех, кто попал в плен, предателями.

Действия и поведение германской армии на Восточном фронте нередко были далеки от благородства. Нельзя считать всех солдат преступниками — разумеется, в составе вермахта воевало немало нормальных честных людей, — но факт остается фактом: по отношению к советским солдатам, а равно и к мирному населению каждый день совершались всевозможные зверства. Причина этого, как убедительно показал историк Омер Бартов, заключается в том, что германская армия 1920-х гг., находившаяся вне политики, в 1930-х и 1940-х гг. превратилась в армию Гитлера. Идеологически и политически подготовленные германские солдаты твердо верили в гений своего лидера и пытались воплотить в жизнь на Восточном театре войны нацистские доктрины о расовом превосходстве и необходимости завоевания жизненного пространства. Вследствие этого для многих немцев служба родине стала эквивалентом жестокой, даже зверской войны во враждебных условиях. В подобных обстоятельствах, как писал бывший член элитной дивизии «Великая Германия», «человек становится зверем». Многие германские солдаты прошли через это превращение и не смогли остаться людьми — и эта фраза, возможно, будет самой лучшей эпитафией армии, которую создал Гитлер.

Глава 11

Политика и лишения военного времени

В первые два года Второй мировой войны уровень жизни обычных немцев оставался высоким. Однако с 1941 г. жизнь стала ухудшаться — война с Россией поглощала все больше и больше ресурсов, а с неба на города Германии начали падать бомбы.

Хотя население Германии встретило начало войны в сентябре 1939 г. с сильной тревогой, все же конфликт оказал на жизнь большинства людей гораздо меньшее влияние, чем можно было ожидать. Тому было три основные причины. Во-первых, объявляя войну Германии, Великобритания и Франция совершенно не представляли себе, какими средствами они будут выполнять поставленную перед собой задачу. В результате в первые месяцы войны они почти ничего не предпринимали и даже не пытались перевести объявленную войну в реальную плоскость. Никаких наступлений не было, и в отсутствие сколько-нибудь значительных посягательств на германскую территорию эта война приобрела название «странной войны», или сидячей войны. Можно простить обычных немцев за то, что они просто не замечали этой войны, — так мало реальных военных действий проводилось в этот период.

Внизу: танцы на открытом воздухе в маленьком немецком городке, весна 1940 г. Царящая на празднике беспечная атмосфера характерна для периода «странной войны» перед нападением Германии на западные страны

Во-вторых, экономическая обстановка в Германии в первые месяцы войны практически не менялась — и это тоже вносило свой вклад в ощущение, что все нормально и ничего не изменилось. Пропаганда утверждала: обстановка стабильна благодаря тому, что Гитлер намеренно ведет войну таким образом, чтобы она как можно меньше затрагивала гражданское население. Говорили, что Гитлер, приняв военную стратегию «молниеносной войны», позволившую ему проводить стремительные победоносные кампании, обеспечил себе таким образом возможность применять такую же стратегию и в экономике — а эта стратегия не требует полной мобилизации экономики страны даже в случае «тотальной войны».

Экономика на военных рельсах

На самом деле причина внешней неизменности условий жизни в Германии была несколько иной. В 1939 г. гражданское население Германии не услышало призывов к серьезным жертвам и усилиям с их стороны — но только потому, что, сами того не зная, все эти люди уже несколько лет работали на войну. Гитлер под маской четырехлетнего плана начиная с 1936 г. систематически развивал военный потенциал Германии. Громадные ресурсы были изъяты из гражданского сектора экономики и потрачены на создание инфраструктуры, необходимой для успешного ведения большой войны. В сентябре 1939 г. Гитлеру не нужно было предпринимать какие-то чрезвычайные меры, чтобы перевести страну на военные рельсы, — ведь основание для этого было заложено три года назад. В результате немцы, уже три года жившие в условиях военной экономики, в 1939 г. не почувствовали экономического удара, связанного с началом войны.

Вверху: германские войска после Первой мировой войны. Согласно нацистскому мифу, они «получили удар в спину»

Внизу: продолжается нормальная жизнь. Немецкие граждане на почте, Берлин, начало 1942 г.

Слева: проводятся эксперименты по разработке искусственного шелка, 1934 г. Нацисты стремились поддерживать на хорошем уровне снабжение населения продовольствием и потребительскими товарами, чтобы укрепить в народе моральный дух

Кроме того, политика нацистов в тот момент действительно ориентировалась на то, чтобы как можно меньше беспокоить гражданское население. Причиной этого в значительной степени была вера Гитлера в «легенду об ударе ножом в спину» — утверждение о том, что Германия проиграла Первую мировую войну не в результате действия объективных военных факторов, но из-за предательства и распада тыла. Это совершенно не соответствует действительности. Лидеры Германии в 1918 г. призвали к заключению перемирия именно потому, что их армия потерпела решительное поражение и отступала, хотя и организованно, по всему фронту. Генералы намеренно держали ситуацию на фронте в тайне от населения страны, и они же распространили ложную информацию о том,

Вверху: раздача продовольственных карточек в нацистской Германии военного времени. Даже с учетом военных ограничений калорийность рациона среднего немца при этом даже возросла

что развал армии вызван не их собственными неудачами, а революцией. В эту историю поверило множество людей, и не в последнюю очередь Адольф Гитлер; фюрер твердо решил, что в новой войне, развязанной им самим, моральный дух тыла не должен пострадать. Вследствие этого в сентябре 1939 г., с началом военного конфликта, нацистский режим стал очень внимательным к настроению народа. Руководство страны было убеждено, что чрезвычайные меры военного времени могут отрицательно повлиять на уровень жизни простых немцев и вызвать таким образом общественное недовольство, а потому осторожничало с введением таких мер, и если уж вводило, то внимательно наблюдало за реакцией общества. К примеру, когда обнаружилось, что декрет от 4 сентября 1939 г., уменьшавший заработную плату и надбавки за ночную и сверхурочную работу, вызвал серьезное недовольство, декрет этот был отменен.

В результате действия всех этих факторов начало войны не привело сразу к радикальным переменам в экономической и социальной жизни Германии. Производство вооружений, разумеется, росло, но и производство потребительских товаров, вроде косметики или чулок, практически не страдало. Появились карточки на продукты, но нормы были введены весьма либеральные; продовольствия хватало, и достать его было несложно. В 1939—1941 гг. содержание калорий в ежедневном рационе среднего немца даже увеличилось с 2435 до 2445. Правительство жестко контролировало заработную плату и цены, поэтому в стране не начался разгон инфляционной спирали, так затруднившей жизнь в тылу во время Первой мировой войны. Вместо этого люди продолжали пользоваться преимуществами экономической стабильности. Как ни странно, в некоторых отношениях война даже улучшила жизнь людей.

К середине 1940 г. в результате первых военных успехов — завоевания Польши, Дании, Норвегии, Нидерландов и Франции — нацистский режим получил свободный доступ к неограниченным запасам рабочей силы и сырьевым ресурсам завоеванных стран. Военная добыча широко использовалась для обеспечения внутренних потребностей Германии. Ограбление оккупированной Европы шло завоевателям на пользу.

Плоды победы

Но на немецкого потребителя работали не только покоренные народы. Престиж германской военной машины после побед 1940 г. был так высок, что большинство нейтральных стран Европы предпочитало идти навстречу требованиям Германии об «усилении экономического сотрудничества». В сущности, это означало, что лучше снабжать Германию всем необходимым на льготных условиях, чем вызвать неудовольствие Гитлера. Импорт продолжал течь в империю широким потоком, включая железную руду из Швеции, нефть из Румынии и зерно из Советского Союза. Как и военная добыча, эти ресурсы работали на то, чтобы народ Германии в повседневной жизни как можно меньше ощущал тяготы войны.

Можно, конечно, утверждать, что в первые два года войны благодаря экономической политике нацистов немецкий народ почти не почувствовал изменений в повседневной жизни, но это утверждение легко опровергнуть. Статистика часто рассказывает не всю правду. Да, распределение продуктов по карточкам обеспечивало большинству немцев, по крайней мере в начале войны, адекватное питание, но военная диета, хотя и питательная, была достаточно однообразной. Некоторые базовые продукты, такие как картофель, поначалу не распределялись. Доступ же к популярным продуктам, включая мясо, масло, сахар, яйца и молоко, с самого начала был жестко ограничен. Другие любимые продукты, такие как чай и кофе, были доступны лишь в сильно разбавленном виде или в виде заменителей, эрзац-продуктов. Примером может служить «кофе» из жареного ячменя, который, вообще говоря, не имел к настоящему кофе никакого отношения. Статистика показывает, что производство потребительских товаров в первые годы войны оставалось почти на довоенном уровне. Но это не означает, что обычные немцы могли покупать их так же свободно, как перед войной. Так, выпуск автомобилей продолжался, но исключительно для нужд вермахта, а не для обычных граждан. Точно так же одежда по-прежнему выпускалась в больших количествах, но купить ее стало труднее, поскольку значительная часть продукции шла военным.

Вверху: немки выбирают соломенную обувь на зиму, 1943 г. К этому этапу войны налоги значительно выросли, а покупательная способность обычного гражданина резко упала

Можно оставить в стороне статистические аномалии, но были и другие скрытые факторы, делавшие жизнь в воюющей Германии более трудной, чем можно предположить. Одним из таких факторов было налогообложение. Война — дело дорогое, за нее надо платить. Хотя правительство Германии делало все возможное, стараясь переложить бремя войны на плечи побежденных народов, какую-то часть счетов приходилось оплачивать и гражданам самой Германии. Налоги неизбежно поднимались, и довольно резко. Был введен дополнительный военный сбор (помимо подо-

ходного налога), увеличен налог с продаж, пошлины на пиво и табак. За время войны налоговые ставки практически удвоились — а в результате серьезно упала покупательная способность граждан, которые уже не могли позволить себе поддерживать довоенный уровень потребления.

Хотя есть основания считать, что население Германии не испытывало особых тягот в первые два года войны, имеются и причины рассматривать такую картину — население страны, совершенно не затронутое разгорающимся конфликтом, — как сильное преувеличение. Безусловно, относительная нормальность обстановки в первые годы войны ярко проявилась зимой 1941 г., когда условия жизни начали довольно резко меняться к худшему. Перемены были настолько заметными, что период 1939—1941 гг. на их фоне стал выглядеть настоящим «золотым веком». Тому были две причины.

Во-первых, с нападением Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г., серьезными потерями на Востоке и объявлением 11 декабря того же года войны Америке эра легких побед и блицкрига подошла к концу. Это не входило в намерения Гитлера. Может показаться невероятным, но он искренне ожидал, что операция «Барбаросса» — нападение на Россию — принесет ему очередную стремительную победу. Вместо этого Гитлер, подобно прежним завоевателям вроде Карла XII Шведского или Наполеона, узнал, что громадные пространства России и ее жуткая зима способны полностью разрушить любые стратегические

Слева: доктор Фриц Тодт, руководитель строительства объектов по «четырехлетнему плану». С 1940 г. был имперским министром вооружений; погиб в авиационной катастрофе в 1942 г.

Внизу: война на Восточном фронте продолжалась, и германская промышленность вынуждена была принимать все меры для поиска рабочей силы. На фото пожилые мужчины и женщины на оружейном заводе выслушивают указания инженера

планы. Его армии застряли в снегах и льдах при температуре 30 градусов ниже точки замерзания, и перспектива блестящей и быстрой победы стремительно испарилась. Вместо нее появилась неприятная перспектива затяжной тяжелой войны на истощение против сильного и решительного врага. Шесть месяцев спустя, когда к списку противников Германии добавились Соединенные Штаты, вероятность такого исхода многократно увеличилась.

Ситуация вынудила нацистское руководство пересмотреть свою внутреннюю политику. Стало самоочевидно, что вместо экономической стратегии, которая худо-бедно, но все же учитывала интересы германских потребителей, необходимо ввести такую, которая однозначно ставила бы потребности вооруженных сил на первое место. Прежде всего это означало значительный рост производства вооружений и боеприпасов. Отчасти этого можно было добиться путем оптимизации работы существующих производственных мощностей — необходимо было обеспечить, чтобы уже существующие ресурсы использовались лучше. Перед министерством вооружений, созданным специально для этого, была поставлена задача исключить неэффективность, потери и дублирование усилий, угнетавшие германскую промышленность. Под руководством сначала Фрица Тодта, а затем, после его гибели в авиакатастрофе в феврале 1942 г., Альберта Шпеера это министерство добилось значительных успехов. В то же время было ясно, что желаемого увеличения выпуска вооружений невозможно достичь, если не перенаправить хотя бы часть производственных мощностей и сырьевых ресурсов на производство военной продукции и не отвлечь их тем самым от производства гражданской продукции. Естественно, такие меры не могли не сказаться самым серьезным образом на качестве жизни в тылу — и нацистское руководство вынуждено было смириться с этим фактом. Как говорилось в указе Гитлера «Вооружения 1942» от 10 января 1942 г.:

Вверху: бомбардировки союзников и ситуация в России ухудшили положение граждан Германии. Перестал работать водопровод (*фото слева*); чтобы прокормиться, людям приходилось выращивать овощи (*фото вверху*)

«Для обороны на Востоке требуется все больше материалов и людей. Поэтому задача военной экономики в том, чтобы производить как можно больше оружия, боеприпасов и другого военного оборудования и доставлять их в войска. Для гражданского производства не остается ничего».

Наряду с признанием необходимости в срочном и резком увеличении производства вооружений и боеприпасов пришло осознание того факта, что армии для восполнения тяжелых потерь на Восточном фронте потребуется дополнительная мобилизация. Это тоже серьезно повлияло на жизнь в Германии — ведь увеличения численности армии можно было достичь только призывом в вооруженные силы сотен тысяч людей, которым прежде была предоставлена отсрочка, так как они работали в промышленности. Почти одновременная отправка всех этих людей на фронт стала не только серьезным ударом для их семей; немецкий народ увидел в этом наглядное свидетельство растущего напряжения схватки.

Оба этих события — переход к более активной и напряженной военной экономике и одновременный перевод большого числа немецких рабочих из тыла на фронт — стали предвестниками конца того относительно благополучного существования, которое, несмотря на военное время, вело до того момента большинство немцев. В некоторых отношениях, однако, эти перемены были менее заметны, чем можно было ожидать. Причина заключалась в том, что рейху были доступны дополнительные, альтернативные источники рабочей силы для замены тех, кто был призван в армию или переведен в более важные отрасли промышленности.

В отличие от Великобритании, где уход рабочих-мужчин в войска привел к массовой мобилизации женщин для работы в промышленности, в Германии на смену уходящим мужчинам приходи-

Внизу: Альберт Шпеер, с 1942 г. имперский министр вооружений. Этот блестящий администратор сумел поднять производство вооружений на небывалый прежде уровень. После войны получил 20 лет тюрьмы за использование рабского труда

ли не женщины. Отчасти это объяснялось тем, что уровень женской занятости в Германии и без того был очень высок. К примеру, в 1939 г. работали 89% одиноких и 36% замужних женщин в возрасте до 60 лет. В Германии не было большого резерва неработающих женщин, которые только и ждали, что их позовут на помощь. В дополнение к этому идеологические предрассудки нацистского руководства по отношению к работающим женщинам, особенно с маленькими детьми, были слишком сильны, чтобы серьезно рассматривать вариант призыва на службу всех трудоспособных неработающих женщин. Кое-какие меры были приняты, но существовало множество исключений, в корне подрывавших эффективность такого подхода.

Вместо этого Германия восполняла недостаток рабочей силы военнопленными и иностранными рабочими-рабами. Хотя относились к этим рабочим ужасно, их было достаточно много (в 1944 г. в Германии было зарегистрировано около 7 миллионов иностранных рабочих),

Вверху: немецкая семья рассматривает место, где стоял дом и находилась их квартира, пока авианалет союзников не превратил все это в кучу камней. Этой семье, по крайней мере, повезло: они успели перед налетом перебраться в бомбоубежище

чтобы хотя бы отчасти смягчить отрицательные последствия от перераспределения немецких трудящихся. Однако их было недостаточно, чтобы полностью компенсировать изменение ситуации, — несмотря на принятые меры, жизнь гражданского населения рейха стала гораздо тяжелее. К примеру, зимой 1944 г. средняя калорийность суточного рациона опустилась ниже безопасного уровня в 1800 калорий. Кроме того, не следует забывать, что дома оставалось все меньше мужчин-немцев; разрушались все новые семьи, жизнь все большего числа людей резко менялась.

Бомбежки союзников

Еще одной серьезной причиной резких перемен в жизни гражданского населения внутри Германии стала все возрастающая способность союзников, включавших на тот момент Великобританию, Америку и Россию, «доставить» войну к каждому немецкому порогу. Вместо «странной войны» новое руководство союзников решило вести «войну на уничтожение» — а это сразу обрушило всю мощь союзных государств на военные предприятия Третьего рейха. На практике это означало запуск безжалостной стратегической кампании по бомбежке германских городов. Днем на задания вылетали самолеты ВВС армии США (USA AF), ночью — Королевских ВВС (RAF). Эта кампания обрушила на головы гражданского населения Германии, которое, в отличие от остальных европейцев, до 1942 г. было в значительной степени избавлено от бедствий и лишений военного времени, всю мощь современного оружия. Начиная с этого момента жизнь в Германии сильно изменилась.

Громадное воздействие, которое оказали авианалеты союзников на жизнь гражданского населения Германии, объяснялось в первую очередь их характером. Союзники, по крайней мере поначалу, не могли наносить прицельные удары по промышленным объектам — ведь бомбардировщики того времени были слишком уязвимы, чтобы атаковать днем, а ночью точность бомбометания оставляла желать лучшего. В результате командование союзников, в первую очередь RAF, приняло решение прибегнуть к ковровым бомбардировкам. Цель при этом состояла в том, чтобы нанести ущерб военному производству Германии при помощи ударов не по заводам (а точное попадание было очень и очень непростым делом), а по жилым районам. Разрушение жилья должно было лишить рабочих крыши над головой и тем самым оставить заводы без рабочей силы. Реа-

Вверху: Кельнский собор остался сравнительно целым после налета тысячи британских бомбардировщиков в ночь с 30 на 31 мая 1942 г. В ходе этого налета было разрушено около 600 акров городской застройки

Слева: «День освобождения» — германский плакат, играющий на страхе обычных немцев перед приближающимися «красными ордами». Русских солдат боялись гораздо больше, чем дневных и ночных бомбежек союзников

лизовать такой план было совсем не сложно. Попасть по крупному жилому району гораздо проще, чем по отдельно стоящему заводскому корпусу. К тому же жилье хуже защищено и легче разваливается. В этом многие немцы вскоре после начала операции союзников убедились на личном опыте.

Ковровые бомбежки

Новая стратегия коврового бомбометания начала действовать в марте 1942 г. с налета британских бомбардировщиков на приморский город Любек. Узкие улочки и наполовину деревянные дома города делали его особенно уязвимым. За первым налетом последовала серия атак на другие балтийские порты, а затем и новые рейды — уже во внутренние районы Германии, включая такие южные города, как Мюнхен и Аугсбург. Главные усилия, однако, были направлены на промышленные города Рурского бассейна и, разумеется, на Берлин. Интенсивность воздушных атак могла быть различной. В 1942 г. за один налет на важные центры, в том числе крупные индустриальные города вроде Дуисбурга, сбрасывалось порядка 2500 тонн бомб. Цели поменьше, такие как Нюрнберг, могли получить всего тонн по 300. Стратегия бомбовой войны тоже существенно менялась. Отдельные города становились приоритетными целями. Так, в мае 1942 г. за одну ночь Кельн атаковали тысяча бомбардировщиков; через несколько месяцев такому же нападению подвергся Эссен. Другие города, напротив, могли подвергаться менее массирован-

Внизу: в целом моральный дух немцев выстоял перед лицом постоянных бомбежек. На этом праздничном транспаранте от 20 апреля 1944 г. можно прочесть: «Приветствуем Адольфа Гитлера, первого работника Германии»

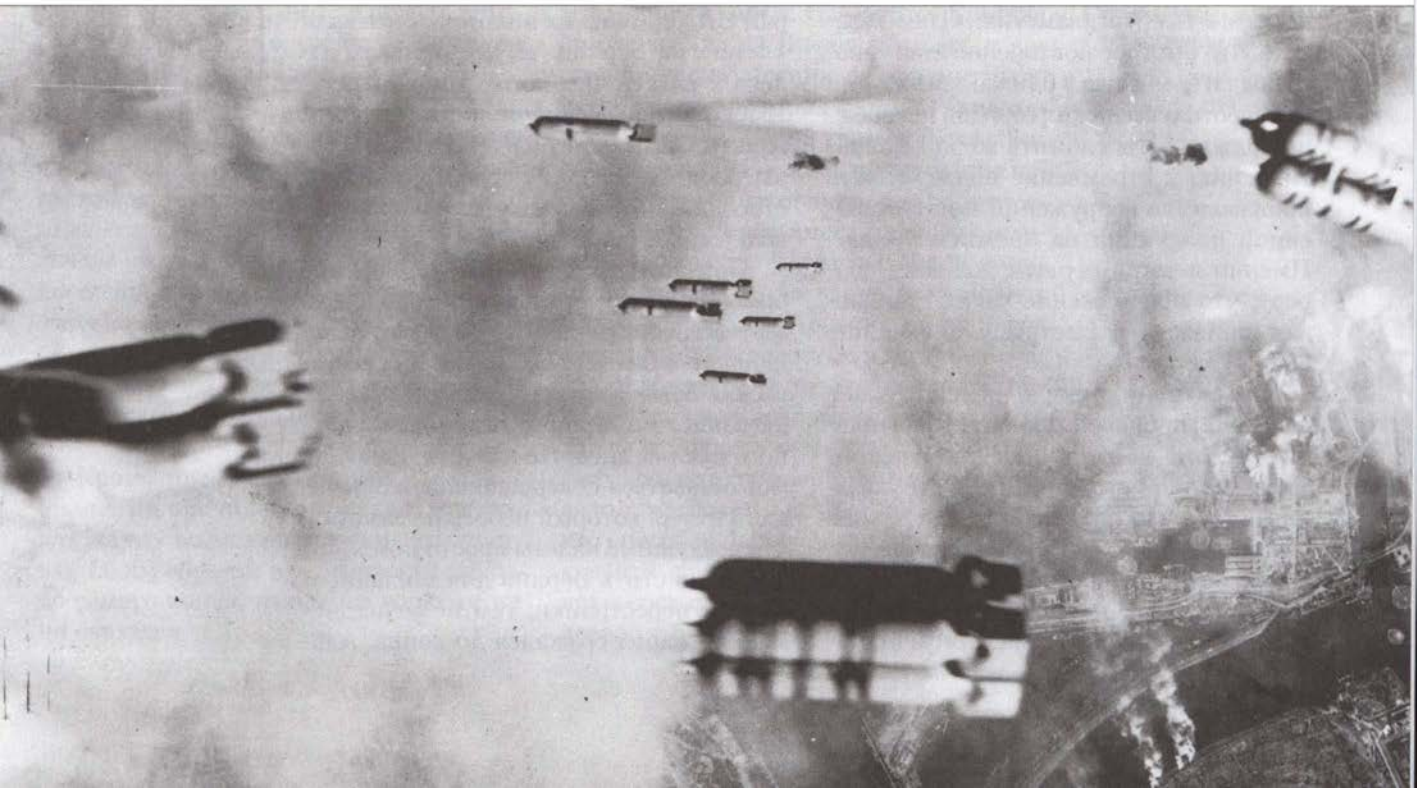
ным атакам — зато более регулярно. За девять дней лета 1942 г. Гамбург бомбили не менее семи раз. Точно так же в зимние месяцы 1942/43 г. Берлин пережил 16 крупных ночных бомбежек.

Сровнять Германию с землей

Как бы то ни было, результат получился ошеломляющий. В августе 1942 г. британский премьер-министр Уинстон Черчилль сказал советскому лидеру Иосифу Сталину, что «по ходу войны мы надеемся развалить едва ли не каждое жилище почти в каждом германском городе». Главный маршал авиации сэр Артур Харрис, шеф бомбардировочной авиации, прилагал все силы для выполнения этого обещания. Бомбардировки, проведенные по его приказам в соответствии с этой стратегией, разрушили почти 1,8 миллиона жилищ и вынудили 5 миллионов человек стать беженцами. Кроме того, примерно 20 миллионов человек остались без основных бытовых удобств. Официальное донесение из рейнского города Ахена свидетельствует, что повседневная жизнь от всего этого изменилась радикально. Вот цитата из этого доклада:

«Необходимость пробираться на работу пешком через груды обломков и тучи пыли, так как общественный транспорт перестал ходить; невозможность как следует помыться или приготовить пищу дома, так как нет воды, газа и электричества... трудности с приобретением продуктов, так как лавки в большинстве своем разрушены или закрыты; постоянные взрывы неразорвавшихся бомб или бомб со взрывателями замедленного действия, взрыв зданий, представляющих опасность обрушения; задержка в доставке почтовых отправлений, прекращение выхода газет; невозможность слушать радио, так как прекращена подача электричества; исчезновение всяких заведений, где можно отдохнуть и расслабиться, таких как кино, театры, концерты и т. п.».

Условия, конечно, ужасные, но следует помнить, что описанная ситуация относилась к «счастливчикам» — тем, кто уцелел. Речь не идет о 350 тысячах человек, убитых при налетах, и о 800 тысячах раненых. Многие из погибших умерли в жутких условиях. В таких городах, как Дрезден, зажигательные бомбы порождали громадные пожары. Огненные бури высасывали кислород из



Внизу: зажигательные бомбы падают на Гамбург, июль 1943 г. В одном из германских рапортов приведено такое описание: «Перегретый воздух со страшной силой пронесся по улице, и... через короткое время образовался огненный смерч»

Вверху: танки Т-34 Красной армии на пути к Берлину въезжают в небольшой германский город. Приближение русских вызвало массовый исход на запад тех, кто был в состоянии бежать. Оставшиеся с ужасом гадали, какая судьба их ждет

атмосферы — и многие из тех, кому удалось избежать ужасов непосредственно взрыва и тысячеградусного жара, просто задохнулись. Невозможно представить себе более резкий контраст, чем контраст между подобными событиями и относительным спокойствием первых лет войны. После войны на допросе у союзников Альберт Шпеер, говоря о налетах на Гамбург, заметил: «Нам казалось, что быстрое повторение атак такого рода и бомбежка в ближайшие же дни еще шести германских городов неизбежно должна была сломить волю к сопротивлению и стремление поддерживать производство вооружений и другой военной продукции на прежнем уровне. Именно я тогда первым доложил фюреру, что продолжение таких атак может привести к быстрому окончанию войны».

Объективно говоря, неясно, какое действие производили опустошительные налеты на состояние германского тыла. С одной стороны, имеются указания на то, что они оказывали сильное отрицательное действие на боевой дух. Определенно с ростом интенсивности бомбардировок и уровня разрушений признаки недовольства режимом становятся все более явственными. В первую очередь недовольство проявлялось критическими высказываниями в адрес Германа Геринга, который, как глава люфтваффе, теоретически отвечал за противовоздушную оборону. Затем следовала потеря доверия к руководству в целом. В одной подрывной песенке, внушившей особенно сильные опасения офицерам СД, британских пилотов призывали «лететь на Берлин: те, кто привел Гитлера к власти, находятся именно там». Имеются также свидетельства того, что налеты вызывали более частые прогулы, рост депрессии и пораженческих настроений; в СД это называли «психозом воздушных налетов».

При этом ясно, что как германские бомбардировки британских городов не заставили британцев отказаться от дальнейшего ведения войны, так и союзнические бомбежки Германии не вызвали внезапного и полного падения морального духа немцев. Не каждый, конечно, мог оставаться совершенно спокойным, как Гитлер, который небрежно заметил, что воздушные налеты просто помогают ему расчистить Берлин для запланированной перестройки; тем не менее немецкий народ сражался до конца. Аль-

Вверху: войска США переправляются через Рейн, март 1945 г. В конце войны большинство немцев — и солдат, и гражданских — старались сдаться британцам или американцам, чтобы спастись от Красной армии

берт Шпеер, министр вооружений и боеприпасов, отметил: «Взгляды людей часто были неправильными, но поведение их — почти безупречным». И действительно, есть свидетельства того, что бомбежки не только не порождали в людях отчаяние, но, напротив, укрепляли местную солидарность. Пример такой стойкости можно найти, скажем, в дневнике Урсулы фон Кардорфф, которая записала после очередного налета на Берлин в январе 1944 г.:

«Я ощущаю внутри себя растущую энергию, смешанную с непокорством, — в противоположность смирению. Неужели именно этого пытаются добиться англичане своими атаками на гражданское население? Во всяком случае, они при этом не могут заставить нас смягчиться... если британцы думают, что подорвут наш моральный дух, то они определенно лают не на то дерево».

Кроме того, понятно, что налеты — по многим причинам — порождали в людях жажду возмездия и мести, увеличивая таким образом их готовность стоять до самого конца, каким бы горьким он ни оказался.

1944 г. потихоньку переходил в 1945 г., и у гражданского населения Германии, кроме союзнических самолетов, появлялись новые поводы для тревоги. Во весь рост встала угроза наземного вторжения. На западе англо-американские войска вышли к Рейну и вот-вот должны были переправиться через реку — и не куда-нибудь, а в Рурский промышленный район. На востоке Красная армия стояла на Висле, готовясь к последнему наступлению на Берлин. Было ясно, что территория самой Германии вскоре станет ареной кровавой схватки.

Если на западе страны понимание неизбежности близкого конца народ встречал с мрачной решимостью, то на востоке — со страхом и ужасом. Люди понимали, что их земли скоро оккупируют ужасные русские. Древний страх перед славянской жестокостью и гнетущее осознание близкой расплаты за все те унижения и террор, которые советским гражданам пришлось вытерпеть от германских войск за годы войны, — все это привело к массовому исходу на запад всех, кто способен был убежать от приближающейся коммунистической армии. Однако состояние транспортной системы делало это путешествие трудным и очень

Вверху: войска 7-й армии США переправляются через Рейн в марте 1945 г. К началу апреля британско-американские войска уже стремительно продвигались к сердцу Германии

опасным. Пытаясь убежать, тысячи людей умерли от холода и голода.

Не лучше пришлось и тем, кто решил остаться. Нет никаких сомнений в том, что советские солдаты жаждали мести и что многие из них действительно совершали зверства по отношению к гражданскому населению Германии — грабили, насиловали, убивали. Даже по стандартам того времени советское вторжение в Германию проходило далеко не безболезненно. Вскоре окрестности Берлина превратились в поля смерти. Комендант города генерал-майор Гельмут Рейман подсчитал, что для обороны столицы требуются опытные войска численностью по крайней мере 200 тысяч человек. Реально он мог только формировать отряды самообороны, или фольксштурма, из стариков, женщин и детей. Город по приказу Гитлера обороняли до последнего — и Красной армии пришлось драться за каждую улицу и каждый дом. В ходе сражения Берлин, и без того сильно разрушенный с воздуха, был разрушен еще больше, теперь уже с земли. Танки и артиллерия расчищали путь наступающей пехоте — и те незадачливые немцы, которых угораздило случайно оказаться в зоне боев, часто платили за это жизнью. Сражение было тяжелым, войска продвигались от дома к дому и часто вступали в рукопашную. Советы потеряли 305 тысяч человек убитыми; немцы — 325 тысяч, включая жертвы со стороны гражданских.

Перспективы переживших большое сражение тоже были довольно мрачными. Если в начале Второй мировой войны — во время «странной войны» — немцы страдали только от исчезновения с прилавков предметов роскоши и падения реальных доходов, то теперь — в последние годы — население Германии увидело апокалиптическую сторону современной войны. Половина всего жилья лежала в руинах, миллионы людей погибли или получили ранения, миллионы бросили свои дома и бродили теперь по Германии, пытаясь добраться до западных союзников. В завершение несчастий продовольствия сильно не хватало, практически все государственные и муниципальные службы бездействовали. Вся Германия стала одним большим пустырем; не стоит забывать, однако, что это была расплата за развязывание Второй мировой войны.

Слева: битва за Берлин, 29 апреля 1945 г. Советские войска подходят к изрешеченному снарядами Рейхстагу. После яростной рукопашной схватки здание было захвачено; произошло это 30 апреля, в день, когда Гитлер покончил с собой

Внизу: советские войска на руинах Берлина, май 1945 г. 2 мая генерал Карл Вейдлинг, последний комендант города, формально сдался Красной армии. Это был конец тысячелетнего рейха

Глава 12

Частная жизнь

Нацизм как идеология затронул каждого жителя Германии. Для германских евреев это означало постепенное размывание прав, а затем и попадание в концентрационный лагерь. Однако, как мы увидим из данной главы, в конечном итоге нацизм коснулся всех без исключения.

Невозможно рассортировать миллионы немцев — мужчин и женщин, молодых и старых, сторонников и противников нацизма — по категориям без огромных искажений и натяжек. Да и получившаяся картина окажется всего лишь схематичным наброском, бледным отражением разнообразия и сложности германского общества. Тем не менее в этой главе мы попытаемся персонализировать то, о чем до этого, в предыдущих главах, писали достаточно отвлеченно. Мы кратко расскажем о жизни при нацистском режиме четырех граждан рейха и тем самым попытаемся ввести в наше повествование более человечную ноту. Каждый из этих людей — жизнью своей, опытом и оставленными записями — поможет нам глубже узнать и понять этот неоднозначный режим. Они,

Внизу: когда нацисты пришли к власти, жизнь евреев Германии изменилась к худшему. 1 апреля 1933 г. началась первая всегерманская акция, направленная против них: бойкот еврейского бизнеса

словно лучи света, высветят для нас некоторые детали во тьме нацистской Германии. Мы не утверждаем, что эти четверо — «типичные» граждане Германии и, разумеется, не типичные нацисты. Напротив, мы надеемся, что представление о том, как жили и о чем думали эти люди, заставит читателя усомниться в правомерности самой концепции «типичного гражданина Германии».

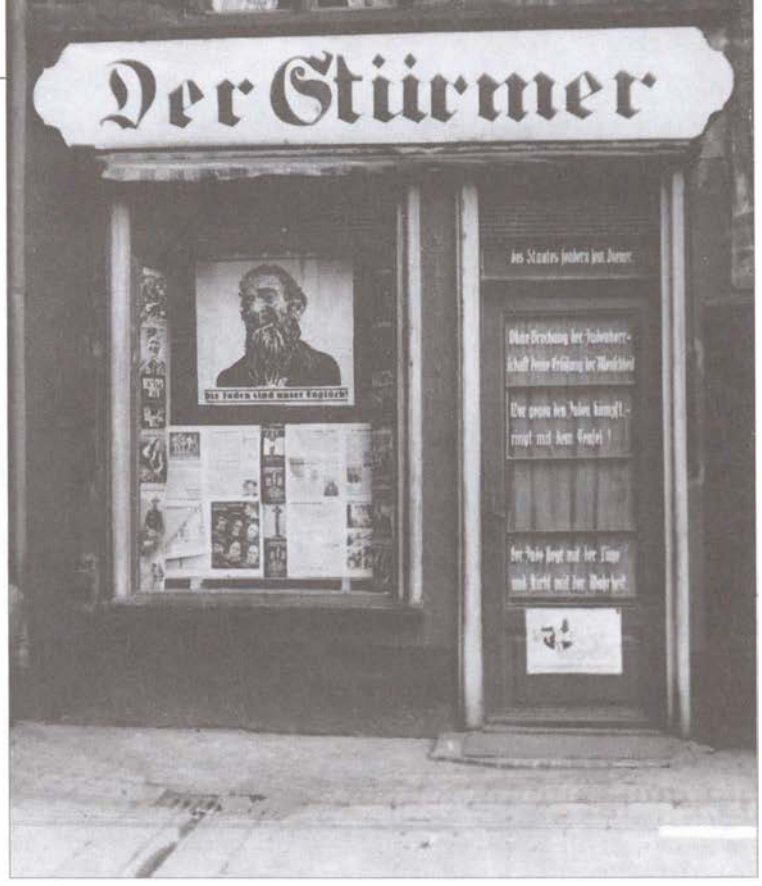
Вверху: в день бойкота штурмовики СА стояли перед еврейскими лавками в угрожающих позах. На плакатах написано: «Евреи — наша беда»

Виктор Клемперер

Первым нашим свидетелем станет гражданин Германии, который уже был представлен читателям в главе 1, — он был арестован за нарушение правил затемнения. Это Виктор Клемперер. Виктор, сын раввина, родился в 1881 г. в Пруссии. Он был женат на Еве Шлеммер, пианистке из протестантской семьи; родственники и жениха, и невесты были недовольны этим союзом. Виктор преподавал в университете, но в 1915—1916 гг. он воевал на Западном фронте в составе Баварского артиллерийского полка. Именно эти два обстоятельства — военная служба и особенно жена-арийка — помогли Виктору Клемпереру выжить в нацистской Германии. О своей жизни при нацистах он сам подробно рассказал в дневнике, который вел не-

прерывно начиная с 1933 г. и до самого конца войны в 1945 г. В этом дневнике, где есть записи чуть ли не за каждый день существования Третьего рейха (а также ретроспективное резюме в конце каждого года), можно найти самые разные вещи — от мелких бытовых подробностей до жалоб разочарованного немецкого интеллектуала, которого нацисты выбросили с работы в соответствии с антисемитской политикой, и до точных жестких наблюдений и размышлений о власти, о нацистах и о войне. Но самое главное, мы видим в его записках развитие антиеврейской политики нацистов глазами ошеломленной жертвы, которая изо всех сил пытается понять, что происходит вокруг. Здесь нет удобных и правильных рассуждений задним числом, которые так часто можно встретить в мемуарах. Страницы этого дневника дышат страхом, неуверенностью и просто неверием в происходящее. Что будет дальше?

Широта охвата и количество подробностей — а дневники эти в английском переводе занимают более одной тысячи страниц — позволяют нам очень ярко представить себе жизнь Виктора и отчасти жизнь его жены Евы. Наибольшее впечатление часто производят не сами описываемые события, а мысли автора, его реакция на происходящее; в этом, безусловно, и заключается главная ценность этих записок. В данной книге мы попытаемся передать хотя бы примерное ощущение полнокровной и многоцветной картины мира, увиденной глазами этого человека. Один английский историк в своем обзоре сравнил Виктора с обычным представителем среднего класса, который вдруг вместо привычного пригорода оказался в аду. Виктор Клемперер часто пишет о своем недоумении и непонимании происходящего, о том, что не может поверить в реальность такой извращенной и абсолютно глупой политики, как та, объектом которой стал он сам. Мы сосредоточим внимание лишь на одной линии, неизменно присутствующей в его жизни с 1933 по 1945 г.: на антисемитизме и особенно на антиеврейской политике нацистского государства.



Вверху: данцигский офис чрезвычайно антисемитской еженедельной газеты «Штурмовик». После окончания Второй мировой войны основатель газеты Юлиус Штрайхер, приговоренный к смерти, воскликнул перед казнью: «Хайль Гитлер!»

Виктор даст нам возможность подробно познакомиться с переживаниями одного отдельно взятого еврея.

Человеческое измерение

Вместе с Виктором мы наблюдаем за первоначальным всплеском антисемитизма — начиная с 1933 г., — приведшим в конце концов к «социальной» смерти евреев. Давление государственной машины и «широких народных масс» все больше изолирует евреев от остальной части германского общества и ставит под угрозу существование для них рабочих мест. В случае Виктора это означало потерю преподавательского поста в университете и переселение из дрезденской квартиры в маленький домик, который разрешили приобрести ему и его «арийской» жене. Размышляя в конце 1934 г. о своей жизни, Виктор вспоминает, как в 1897 г., в 16 лет, учился кататься на велосипеде и разбился. Теперь, в 53 года, он хочет научиться водить машину, но опасается, что окажется столь же неуклюжим. «Присутствия духа у меня теперь даже меньше, чем тогда, не говоря

уже о слабом сердце». Это медицинское замечание — еще один примечательный момент, который постоянно присутствует в дневниках Виктора. Это своего рода ипохондрия, одновременно раздражающая и трогательная. Здесь и учащенное сердцебиение, и головные боли, проблемы со зрением и кишечником — и каждое из этих недомоганий, как ему кажется, может оказаться смертельным.

Ирония заключается в том, что на деле Виктор демонстрирует завидную выносливость, душевное здоровье и просто упрямство — все это необходимо ему, чтобы выжить, справиться с растущим давлением обстоятельств — кстати, ему это удастся, хотя он этого, разумеется, не знает. А обстоятельств и трудностей хватало: это и недоедание, и изношенные, не подлежащие восстановлению одежда и обувь, и отчаянный холод зимой, и нехватка топлива, особенно в военные годы. Долгосрочные последствия всех этих лишений скажутся на состоянии здоровья его и его жены гораздо позже, когда оба начнут стареть, и это тоже найдет отражение в дневнике. В 1936 г. Виктор все-таки сдал экзамен по вождению автомобиля — а нацисты вскоре запретили евреям иметь водительские права.

Верная жена

1935 г. и Нюрнбергские законы принесли с собой «гражданскую» смерть для евреев. Они больше не были полноправными гражданами Германии, а превратились просто в людей, проживающих на ее территории. Параллельно были запрещены браки между арийцами и евреями, а заодно и вообще сексуальные отношения через «расовые границы». Виктору и Еве это принесло дополнительные трудности. Режим оказывал на арийцев, состоящих в подобных смешанных браках, серьезное давление, вынуждая их развестись с супругами-евреями; эта процедура была максимально облегчена. К счастью для Виктора, Ева оказалась верной спутницей жизни и очень сильной личностью. Виктор, несмотря на собственные его качества, вряд ли сумел бы пережить нацистскую эпоху, если бы статус и влияние его жены, ее продуктовые карточки, а позже возможность свободно передвигаться не смягчали для него в какой-то мере суровость режима. Иногда — очень редко — помогал и его собственный статус солдата Первой мировой, и традиционное уважение окружающих к *герру доктору*

Внизу: германские евреи вынуждены были сами рубить дрова, чтобы согреться зимой — ведь за 1930-е гг., особенно после Нюрнбергских законов 1935 г., они лишились всех своих прав и привилегий

Вверху: разграбленная еврейская лавка после «хрустальной ночи», ноябрь 1938 г. Расплачиваясь за этот погром, санкционированный государством, германские евреи должны были заплатить коллективный штраф в один миллиард марок

и *герру профессору*. Но настоящим ангелом-хранителем для него, безусловно, стала жена.

Следующий, 1936 г. принес с собой еще более серьезные атаки на собственность евреев и их средства существования — и после этого давление только усиливалось. Для Виктора это означало постоянные сражения с бюрократией за свою пенсию и небольшие сбережения в банке. Мелкие ограничения и придирки стали нормой и еще одним поводом для тревоги, с которой приходилось жить. Книги и научные исследования стали для Виктора личным прибежищем и средством сохранить душевное здоровье. Он всегда оставался ученым, хотя потеря работы в университете означала прекращение доступа в научные библиотеки и возврат всех книг. Тем не менее он ставит перед собой постоянную цель — продолжить работу по изучению французской культуры XVIII в.; он пользуется местными библиотеками и собственными книгами, прибегает к помощи друзей. Со временем он, как еврей, вообще потерял право пользования библиотеками, а в 1941 г. его пишущая машинка была конфискована. Виктор продолжает вести дневник, хотя теперь записи приходится делать от руки. Он пытается продолжать исследования и составляет новый план.

Виктор всегда интересовался языками, и теперь он начинает записывать и комментировать особенности языка нацистов. Под этим подразумеваются все те языковые подмены и искажения, при помощи которых нацисты пытались скрыть то, что происходило на самом деле. Эти заметки составили основу книги, которую Виктор Клемперер опубликовал после окончания войны. После «хрустальной ночи» 1938 г. — после штрафов и конфискации еврейской собственности — денежные проблемы Виктора выросли. В это время он также берет уроки английского, готовясь к неудавшейся в итоге попытке покинуть Германию. Его обзорная запись за 1938 г. показывает, что мрачные прогнозы 1937 г. кажутся теперь, в январе

1939 г., положительно розовыми и оптимистичными. Этот мотив также возникает в дневниках снова и снова.

Все страшнее и страшнее

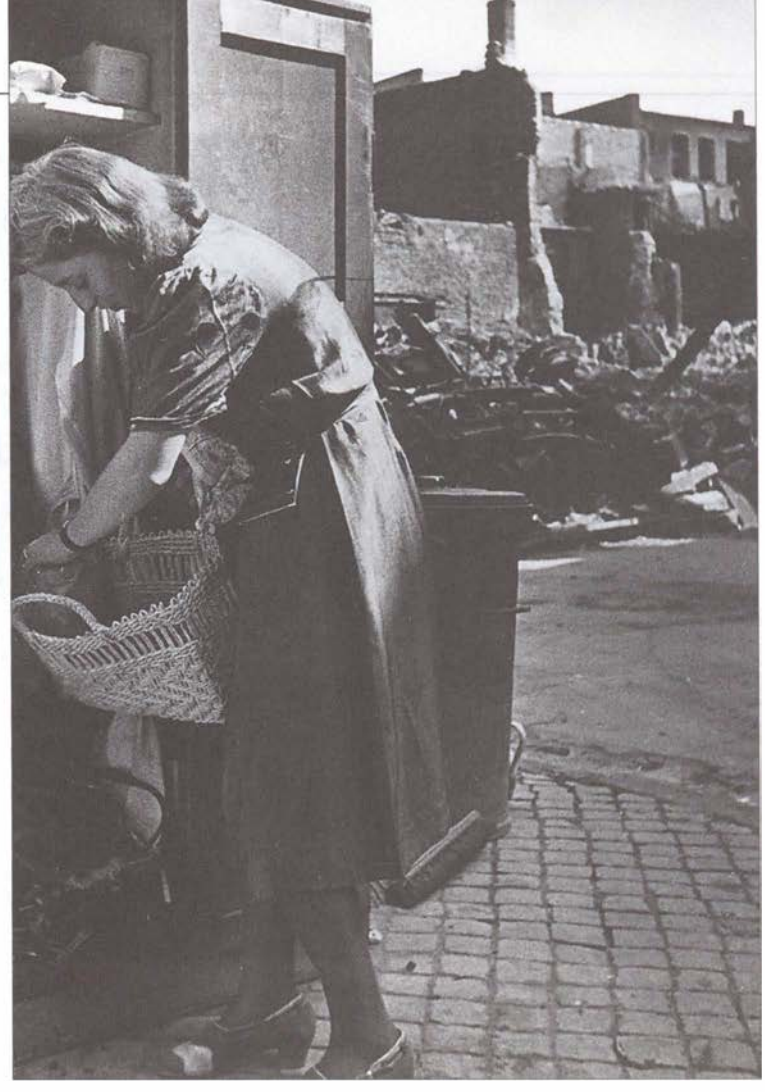
1939 г. принес с собой войну, и в 1940 г. Виктор и его жена вынуждены перебраться из своего маленького «немецкого» домика в «еврейский» дом в Дрездене; «слишком тесно, полно людей», — пишет Виктор. Теперь Клемперы вынуждены жить общиной и, как члены группы, чаще становятся мишенью для бюрократических придирок: в парк заходить не разрешается! Множатся слухи о том, какие меры принимают против евреев в Румынии и Словакии — «в польском генерал-губернаторстве организовано гетто, и евреям приказано носить на рукаве повязку со знаком Сиона». К этому добавляются новости и страх депортации евреев из Германии. С началом войны против России страх еще усиливается — в Германии тоже введены нарукавные повязки для евреев и «одновременно запрещение покидать пределы города».

1941—1945 гг. — растущий кошмар страха, всюду проникают слухи об убийствах и избиениях на Восточном фронте, действительно начинается и усиливается депортация евреев из Германии. Все больше еврейских друзей Виктора и

Вверху: антисемитизм растет: евреям приказано носить звезду Давида (*верхнее фото*), антисемитские граффити

Евы уезжают — не по своей воле — на восток и исчезают навсегда. В октябре 1942 г. Виктор пишет: «Обе они переведены из женского лагеря в Мекленбурге в Аушвиц, который представляется быстро работающей бойней». Но он, терзаемый «страхом за собственную судьбу», тем не менее продолжает вести свою тайную хронику. Война продолжается, Виктор с женой по-прежнему выдерживают превратности судьбы и нацистский произвол. Как ни странно, отчасти именно растущие опасности военного времени помогают им уцелеть. К началу 1945 г. они со дня на день ожидают депортации, но живут в Дрездене — и в феврале 1945 г. авиация союзников разрушает город, тем самым помогая чете Клемперер выжить.

Записи за 13 и 14 февраля в дневнике Виктора сделаны вскоре после этой бомбежки и живо доносят до нас драматичность и опасность тех дней: на их улице падают бомбы; Виктору и Еве приходится выбираться из поврежденного убежища; в хаосе и мешанине из шума, огня и ветра они потеряли друг друга. Виктор с поцарапанным кровоточащим лицом пробирается к Эльбе мимо догорающего дворца Бельведер и попадает на набережную, где евреям появляться запрещено. Здесь же, спрятавшись возле террасы Брюля, он снова находит жену. «Ева, целая и невредимая, в меховой шубке сидела на чемодане». Виктор рассказывает, что жена его действовала и внимательно наблюдала за происходящим, а он прислушивался к инстинктам, следовал за людьми и ничего вокруг не замечал. Ева была курильщицей и рассказала Виктору, как чуть было не прикурила сигарету от единственного имевшегося рядом источника огня — тлеющего трупа. Виктор записал: «В среду 14 февраля жизни наши были спасены. Мы были вместе».



Вверху: немка, оставшаяся без крова над головой, разбирает то, что осталось от ее личных вещей после бомбового налета союзников. Гитлер категорически отказался посещать разбомбленные города и смотреть на разрушения

Путешествие на юг

Виктор и Ева решили, что им нужно понемножку перебираться из Дрездена на юг, подальше от этого ужаса; Виктор, умирая от страха, но в конечном итоге очень решительно, снимает свою звезду, чтобы в дальнейшем выдавать себя за арийца. Его решимости, безусловно, помогли опасность бомбежек и страх перед подходящими русскими. В путанице приближающегося конца Виктору удается получить в мэрии маленького городка Клоцше временные документы. Теперь «я сижу в ресторанах, езжу поездом и трамваем — за любое из этих действий евреи в Третьем рейхе расплачиваются смертью». Они переезжают еще южнее — в крошечную деревеньку, где находят приют и «божественную еду»: крольчатина и молоко, блины и кофе! Они едут дальше и останавливаются в аптеке; их обоих по-прежнему терзает страх. «Мой след как беглеца закрыт» — хаос вокруг все растет, и навести о Викторе какие бы то ни было справки уже невозможно. Дневниковая запись за 18 марта содержит необычайно лиричный пассаж; Виктор размышляет о жиз-

ни с женой и представляет себе будущую жизнь: «Ева и я с ангельскими крылышками или еще в каком забавном виде». Слова «невозможно» и «невообразимо» лишаются для него всякого смысла. Март сменяется апрелем, Виктор и Ева двигаются в направлении Мюнхена; их одиссея продолжается — в самом конце войны, в мае, они вновь пускаются в путь, по разрушенной стране обратно в Дрезден. Читая дневники Клемперера, понимаешь: часто трагедии и великие события лучше всего видны через мелодраму будничной жизни обычных людей.

Читатели, знакомые с британским телевизионным сериалом «Мир в войне», возможно, видели в одной из серий Кристабель Биленберг — она коротко рассказала телезрителям о своей жизни в нацистской Германии. Несмотря на английское происхождение, эта женщина в 1934 г. вышла замуж за германского дипломата и стала гражданкой Германии, каковой оставалась до 1946 г. Для англоговорящей аудитории это особенно интересный свидетель. В 1968 г., готовя фрагменты своего дневника к публикации (книга «Прошлое — это я»), она написала: «У меня есть одно преимущество, я англичанка; я была в Германии и одновременно над всем германским, но самое главное — я была там».

В конце 1935 г. Кристабель и ее муж Петер вернулись на постоянное жительство в Германию. Она была настроена очень оптимистично: у нее был красивый муж, сын, родившийся в Велико-

Вверху: Дрезден после воздушных налетов, февраль 1945 г. Разрушенный католический собор (*верхнее фото*); люди, уцелевшие после налетов (70 тысяч убитых и раненых), пытаются вернуться к нормальной жизни

британии, и достаточные средства. Оказалось, что Германия за это время тоже сильно изменилась. Гамбург дышал процветанием и благополучием; повсюду царило ощущение, что «новый порядок» заслуживает одобрительного отношения. Однако частью «нового порядка» были и Нюрнбергские законы (1935). Так, известный педиатр профессор Бауэр, зайдя как-то к Биленбергам проведать больного ребенка, вежливо поинтересовался, потребуются ли Кристабель его дальнейшие услуги после выздоровления ребенка — ведь он, как еврей, больше не являлся гражданином Германии, и поддерживать с ним отношения теперь стало небезопасно. Позже этот сломленный человек внезапно умер, вероятно (как по секрету сообщила его экономка), покончил с собой.

После аншлюса Австрии, сцен насилия и антисемитских выступлений в Вене они с Петером начали подумывать об эмиграции, чувствуя, что для них нет места в «новой» Германии. Но, пока они раздумывали и строили планы, случился Чешский кризис — и Петера призвали. Эмиграцию пришлось отложить — сначала на время, а потом и навсегда. Петер после долгого перерыва возобновил встречи с Адамом фон Троттом, который убедил его в том, что недовольные в Германии вновь поднимают голову. Они надеялись, что со временем это приведет к смещению Гитлера. Именно поэтому позже Петер Биленберг оказался вовлечен в июльский заговор 1944 г. и попал в концлагерь.

Берлин военного времени

Во время войны Кристабель жила в Берлине. Ей впервые пришлось испытать на себе и относительную бедность, и суровые зимние холода, и постоянное снижение продовольственных норм. Вообще говоря, она знала, что по всей Германии проходят тайные встречи с участием фон Тротта и некоторых армейских генералов, а также других людей, которые по-прежнему говорят о переменах. Но после поражения Франции в 1940 г. она записала в дневнике, что призывные слова

Уинстона Черчилля об обороне вплоть до рукопашных схваток на побережье теперь — когда она столько всего увидела в Германии — кажутся ей совершенно неубедительными. Ей начали сниться кошмары о покорении Великобритании и о судьбе ее английских родственников. В ее воспоминаниях — множество конкретных деталей и случаев из жизни в нацистской Германии, но мы здесь расскажем только о трех.

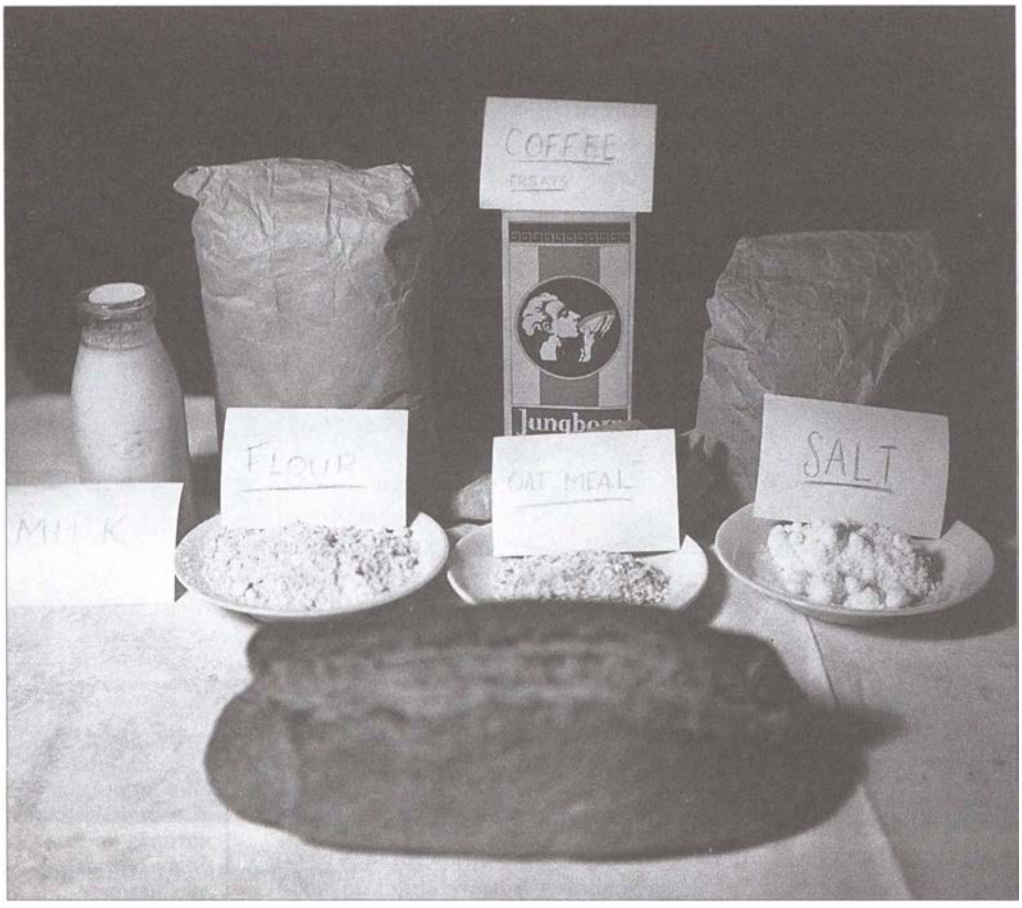
Первая ситуация — из зимы 1942/43 г. Соседка и подруга Кристабель, Илзе, неожиданно привела к ней незнакомую блондинку. Она объяснила, что эта женщина — еврейка. Они с мужем, когда в дверь постучали люди из гестапо, сумели спуститься по пожарной лестнице и с тех пор жили в подвалах и на чердаках. Кристабель оказалась перед выбором: «Нравится мне это или нет, готова я или нет, момент выбора для меня наступил». Кристабель разрешила женщине остаться с ней на день, но отложила на время решение относительно ее мужа. Целый день беглянка помогала ей по хозяйству. Петера нет дома, и Кристабель решила посоветоваться с другом, который уверил ее в том, что это опасная глупость. Когда она вернулась домой, то застала там не только женщину, но и ее мужа: супруги ждали ее решения. Она разрешила им остаться «только на одну ночь, ну, может, на две». Супруги провели два дня в ее подвале и бесшумно исчезли следующей ночью. Вспоминая в своем интервью о том случае, Кристабель выразила сожаление о своем поступке и о том, до какой степени ее гуманность пострадала под давлением нацистского режима.

Покушение на Гитлера 1944 г.

Ситуация в Берлине все ухудшалась; частые авианалеты и мысли о детях (а их у нее на этот момент трое, младший родился в 1942 г.) заставляют Кристабель прислушаться к уговорам мужа и переехать в Рорбах в Шварцвальде. В сентябре 1943 г., переехав в этот тихий городок, она будто попала в другой мир: сельская замкнутость, незнакомые говоры и диалекты и чувство, что война осталась далеко-далеко. «Рорбах был маленьким мирком, изолированным и незначительным; он не имел голоса в государственных делах, но тоже вынужден был нести бремя расплаты за завоевательные амбиции Гитлера». Он поистине далек от Берлина; в этом она убедилась во время краткого визита в столицу, когда город три ночи подряд бомбили союзники.

Вскоре после этого в Баварском Лесу объявился сбитый американский летчик. По описанию Кристабель, ситуация была едва ли не комическая — так ошеломлены и наивно заинтересованы были местные крестьяне этой экзотической фигурой. Американца без всякой враждебности допросили, Кристабель выступила в качестве переводчика; казалось, местных больше интересует сам летчик и «Колорадо», чем какое-то там его «задание». Его неохотно заперли в камере, а позже за ним приехали два местных чиновника из районной администрации, не слишком уважаемые в деревне. Чинов-

На этих страницах: сцены повседневной жизни в Берлине, 1943 г. Чтобы добраться до работы, нужно было брать общественный транспорт штурмом (*фото слева вверху*); за покупками (*слева внизу*); депортация евреев на восток (*вверху*)



Слева: типичный дневной рацион семьи из четырех человек в Германии в начале 1945 г. Щедрые нормы первых лет войны давно превратились в смутные воспоминания

ники увезли пленника с собой — и после этого «старики двинулись дальше к обедне, а крепкие мужчины с косами направились в луга косить сено».

Следующее событие более драматично. В июле 1944 г. прибежал сосед с криком: «Включайте скорее радио, в Гитлера бросили бомбу». Следующие несколько дней и даже недель до Рорбаха медленно доходят слухи о том, что покушение не удалось, и о последовавших арестах. Затем приходит письмо со штампом «Берлин, 25 августа 1944 г.». В письме информация о том, что 6 августа Петера арестовали. Через некоторое время Кристабель едет в Берлин узнать, можно ли чем-нибудь помочь; она надеется подключить к делу друзей, знакомых и бывших коллег мужа — всех, кто может иметь влияние. Вернувшись в Рорбах, она заметила на улице незнакомца на мотоцикле и встревожилась — как выяснилось, не зря. Ей сказали, что гестапо попросило мэра городка заключить ее под домашний арест; его мягкий извиняющийся тон позволяет ей надеяться, что заключение не будет слишком суровым.

Позже, уже зимой, ей разрешили вернуться в Берлин; она через знакомых организовала свидание с Петером в Равенсбрюке. Свидание назначено на 10.00. Мужа привели к ней в деревянный домик конторы, где под столом она случайно заметила микрофон. Поэтому Кристабель начинает говорить загадками: она рассказывает мужу о четверых убитых сыновьях соседа и надеется, что он разгадает скрытый смысл ее слов. (На самом деле она имела в виду четырех главных заговорщиков, смерть которых освобождала Петера от необходимости скрывать какую-то информацию о них.) Пожимая в конце свидания руку жены, Петер передал ей крохотный коробок. Приехав домой, Кристабель увидела, что в нем перечислена та информация о не-

Слева: типичная уличная сценка в Берлине, начало 1945 г. За период с 18 ноября 1943 г. по март 1944 г. город бомбили 24 раза. В каждом налете участвовало до тысячи бомбардировщиков

политических связях с заговорщиками, которую Петер рассказал следователям. В результате, зная теперь, о чем можно говорить, она сумела организовать 4 января 1945 г. разговор со следователем гестапо и предложила помощь в расследовании. На допросе у следователя Ланге она рассказала о своем совершенно аполитичном подходе к событиям — причем ее рассказ полностью совпал с тем, что говорил следствию ее муж. Ей кажется, что следователь поверил ее рассказу. Тем не менее она вернулась в Рорбах в сильной тревоге — но зимой 1945 г. ей по телефону сообщают об освобождении мужа, а через два дня он и сам появляется в городке.

Матильда Вольф-Монкеберг была образованной состоятельной немкой из Гамбурга с хорошими связями. Родилась она еще при Бисмарке и на момент начала Второй мировой войны успела отпраздновать свое шестидесятилетие. Она жила тогда со вторым мужем, преподававшим в Гамбургском университете. Из шестерых взрослых детей несколько человек, включая дочь Руфь, жили за пределами Германии. Пытаясь сохранить связь с ними, Матильда в 1940 г. начала писать им письма; конечно, отправить их было невозможно из-за начала войны и германской цензуры. Она продолжала эту странную одностороннюю — но при этом чрезвычайно информативную и часто трогательную — переписку до начала 1946 г. Только тогда Руфь, жившая с мужем в Уэльсе, смогла навестить мать в послевоенном Гамбурге. Много позже Руфь обнаружила в вещах матери целую пачку таких неотправленных писем. Она перевела их и в 1979 г. опубликовала в виде книги «На другой стороне».

В письмах содержится подробный и последовательный рассказ о жизни в разрываемом войной Гамбурге с точки зрения очень начитанной, культурной и весьма почтенной леди, которая, будучи патриоткой Германии, отнюдь не была нацисткой. Информацию Матильда черпала исключительно из нацистских газет, радиобюллетеней, слухов и сплетен, поэтому ее рассказы не всегда корректны с исторической точки зрения. Зато они раскрывают ее представления, страхи и повседневный опыт в свете «официальных» взглядов, которым она далеко не всегда верит и в отношении которых часто высказывает достаточно сильные суждения.

Матильда начала писать в октябре 1940 г. Она сразу же объяснила, что собирается доверить бумаге «письма, которые никогда не дойдут по назначению». Она хотела, чтобы позже ее дети, живущие далеко от нее, могли узнать, что на самом деле происходило и каково было жить в такой обстановке. Первое время

Внизу: сбор средств для благотворительной организации «Зимняя помощь», которая просила более обеспеченных немцев помочь менее обеспеченным. В 1937 г. такую помощь получили 10 миллионов человек

ее внимание целиком сосредоточено на суровой зиме 1940/41 г. Она пишет о морозах в 24 °С и невозможности достать топливо. Иногда она получает письма, проникающие в Германию запутанными путями, в основном через США или Швецию. Телеграфное и телефонное сообщение для обычных граждан давно уже было разорвано. Комментируя собственные трудности, Матильда добавляет: «Наверное, вы не в состоянии представить, как теперь живется евреям». Она описывает продовольственные карточки с буквой J снаружи — свидетельством неарийского статуса; пишет, каково это — зваться только предписанными именами, Сарой или Израэлем; никогда не получать дополнительных карточек на кофе, чай или шоколад и никаких талонов на одежду. Везде полно объявлений «Евреям вход воспрещен». Она краснеет, видя, к каким гнусностям и мерзостям это приводит, особенно если «мы, остальные, стояли рядом и молчали». С приближением весны в ее письмах появляются драматичные рассказы о победах на западе, о продвижении германских войск в Голландии, Бельгии и Франции; она замирает от страха, услышав: «Теперь очередь за Англией». «Мы повсюду слышим сейчас эту «английскую песню». Наши парашютисты делают невозможное, все наши враги боятся их». Затем в письмах появляется новая тема, которая вскоре становится доми-

Вверху: война сломала повседневную жизнь в Германии. Повсюду выстроились очереди за продуктами (*верхнее фото*), а во время воздушных налетов людям приходилось укрываться в подземных убежищах

Вверху: в письмах Матильда Вольф-Монкеберг писала о том, что население Германии за время войны стало гораздо хуже выглядеть. Лишения придавали людям потрепанный вид

нирующей: бомбежки. 17 мая 1941 г. в три часа ночи Матильда делает запись с описанием воздушного налета. Эту ночь она не забудет никогда, ведь все это впервые: страшный шум, вспышки света, взрывы. Она прячется в ближайшем бомбоубежище. Но на самом деле в ту ночь мишенью был не Гамбург, а Гарбург, небольшой город неподалеку. 29 убитых, 53 раненых. «После этого нам приходилось ночь за ночью прятаться в подвале». Быстро нарастает усталость, школы прекращают занятия и раньше обычного распускают учеников на лето. Она описывает и крупные события, такие как продолжающееся продвижение германских войск («все происходит будто по дьявольской воле»), и маленькие личные неприятности: потеряла любимую авторучку, разбила очки на каменном полу кухни. Визит толстого полицейского с претензиями по поводу затемнения приводит ее в ярость, так как окна в квартире закрыты не только шторами, но и листами черного картона. Она понимает, что на нее нажаловался кто-то из соседей. «Доносы — это ужасно», и вокруг их слишком много, замечает она, — даже в школах учителя проверяют детей на предмет благонадежности родителей.

Удивительно, но война с Россией впервые упоминается в ее письмах только в январе 1942 г.; в Гамбурге тогда установились морозы, и Матильда представила себе, какие немыслимые страдания испытывают те, кто воюет на русском фронте; она не могла не посочувствовать им — а вместе с ними и молодым вдовам, отчаявшимся матерям, сестрам и невестам, с которыми ей приходилось встречаться. Ее собственные тревоги были очень непосредственны и сводились к тому, чтобы раздобыть продукты, топливо, одежду и обувь. Вновь, как во время Первой мировой войны, появляются бартер и прямой обмен. Она пишет о том, как люди на улицах в массе своей выглядят подавленными и бедно одетыми: «поношенная одежда, стоптанная обувь»; тем не менее, несмотря на холод и лишения, большинство сумело приспособиться.

Она сравнивает себя с эластичным существом, которое растянули до преде-

Вверху: в конце 1944 г., когда русская и союзные армии приближались к границам страны, Германия предпринимала отчаянные меры, чтобы их остановить. Эти рабочие — часть отряда, занятого строительством баррикад на западе

ла — и пропала упругость. В мае 1942 г. в дом попала зажигательная бомба. Матильда с мужем были в убежище, когда раздался адский шум и все кругом задрожало. Как она описывала, «будто сверху на дом высыпали большой мешок крупных булыжников». Затем ослепительная вспышка — и кажется, что всю улицу вдруг охватило пламя. Союзническая авиация бомбила Гамбург после массированных налетов на Любек и Росток. А время беспощадно катится дальше. Матильда описывает непонятную апатию и подавленность людей, отчаяние, надлом, раздражительность и озлобление в трамваях, в лавках и почтовых отделениях — и пишет при этом: «Ура, 1943-й!» Она сравнивает обстановку с первым годом войны, когда по любому случаю на улицах развешивали флаги. Теперь же, «после капитуляции Сталинграда и осознания того, что это тотальная война, все очень серо и тихо». Она убеждена в том, что в газетах нельзя верить ни единому слову. Она видит перемены и в себе, сравнивает свою шею с цыплячьей и замечает, что и сама она, и все, с кем она встречается, кажутся нездоровыми и рано постаревшими.

Август принес с собой еще более мощные авианалеты на Гамбург. Перед налетами на город сбрасывали такие листовки: «Отдохните несколько недель, затем придет ваша очередь. Сейчас затишье, после — вечный покой». И — в противоположность этому — радость от другого листочка бумаги; это письмо от Руфи, которое добралось до Матильды через Стокгольм. Для нее это «глоток счастья и силы». Налеты продолжаются, и письма Матильды теперь связаны в основном с ними: новые разрушения, опасность, ужас. Прорыв русских на востоке вызывает в конце 1943 г. новый всплеск страха. Пятая зима войны становится все более мрачной, «блеф и чепуха» в газетах и по радио — для нее всего лишь пустые слова.

С приближением 1944 г. вокруг становится все больше разрушений и обломков. Дети бегают по улицам — им негде учиться. Тысячи людей ночуют в бомбоубежищах. Все больше друзей и родных перебираются жить в ее и без

того переполненную квартиру. Она пишет, как меняет мебель на мясо и сало. Представителя газового комитета, от которого рассчитывала получить новую плиту, «пришлось ублажать пивом, двумя сандвичами с сосиской, да еще и сигарой». Только любовь к музыке отчасти помогает ей отвлечься от каждодневных потребностей; иногда им с мужем удается выбраться на концерт или послушать музыку по радио — приятное разнообразие по сравнению с общественными громкоговорителями. Эти громкоговорители, неожиданно записывает она 20 июля 1944 г., сообщили, «что кто-то пытался убить фюрера», и добавляет, что вся Германия будто бы потрясена этим покушением.

В октябре 1944 г. сообщается о вражеской угрозе на западных, южных и восточных границах Германии, а также о призыве Гиммлера к народной армии. Матильде по-прежнему везет, ее квартира пока остается относительно удобной и пригодной для жизни. В ее письмах появляются интроспективные элементы; она (предвидя близкий конец войны или надеясь на него) спрашивает себя, каким это время останется в памяти — ведь ее повседневная жизнь теперь состоит, кажется, из одних только сигналов воздушной тревоги, авианалетов и автоматической реакции на все это.

Отчаяние в ее письмах появляется на Рождество 1944 г.; она цитирует какого-то солдата, стоявшего за ней в очереди на почте: все это «дерьмо и бардак». В январе 1945 г. она сравнивает шестую военную зиму с предыдущими, и прежние представляются ей чуть ли не легкими и радостными. «Нас медленно, но верно душат». Город накрывает волна беженцев с востока. Матильда худеет и мерзнет все сильней. Она каждый день пересчитывает оставшиеся несколько картофелин. В апреле она пишет, что

Внизу: в начале 1945 г. Германия все дальше скатывалась к разрухе и хаосу. Мародерство стало обычным явлением. Эти люди разбирают кухонные принадлежности и одеяла из военно-морского склада в Кульмбахе. Военные бежали

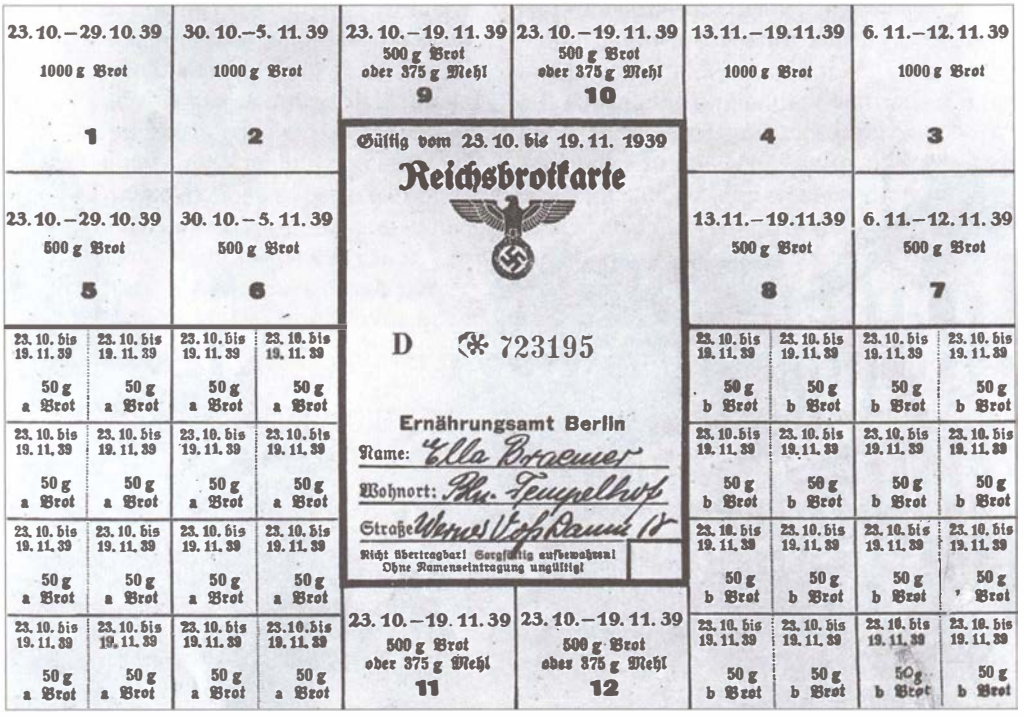
Гамбург по-прежнему терпит жестокие налеты.

20 апреля американские войска входят в соседний Гарбург, и в городе весь день гремит канонада. Женщины в очередях говорят о том, что ситуация безумна, что они жаждут мира и возобновления нормальной жизни. В начале мая она сообщает, что весь мир изменился; часть угнетавшего ее страшного бремени упала с плеч. Слушает английские и американские передачи. «Я могу выйти на дорогу и громко заявить: «Адольф Гитлер — самый страшный преступник в мире», и никто не возразит».

Матильда продолжала свои записи до января 1946 г. После этого начали приходить письма из-за границы, несмотря на тяжесть зимы и продолжающиеся лишения, и она смогла писать родным непосредственно.

Вверху: 26 апреля 1945 г. союзники взяли Бремен. Несмотря на плотную противовоздушную оборону, зажигательные и фугасные бомбы вызвали множество разрушений

Слева: пожарный тушит пламя после воздушного налета. Отряды гражданской обороны мало что могли сделать для облегчения страданий гражданского населения



Слева: это типичная продуктовая карточка Третьего рейха. Без такой карточки невозможно было получить какие бы то ни было продукты. У Марианны Штраус, история которой изложена на этих страницах, не было продуктовых карточек, и кормили ее из милости

Домохозяйка из Ливерпуля

На первый взгляд обычная ливерпульская домохозяйка, умершая в 1996 г., едва ли могла быть свидетелем драм и трагедий нацистской Германии. Но ее показания производят сильное впечатление. Марианна Штраус родилась в июне 1923 г. в Эссене, в еврейской семье; она, в отличие от родителей и родственников, пережила холокост. С 1943 по 1945 г. она провела в бегах и только после окончания войны смогла вернуться в Дюссельдорф. Брак с британским солдатом привел ее в послевоенный Ливерпуль, к нормальной жизни, которая скрыла под собой бурное прошлое. Кое-какие детали этого прошлого она записала в 1984 г., а беседы с историком Марком Роузманом и обнаруженные после ее смерти в архиве письма и дневники позволили последнему составить убедительное жизнеописание Марианны, которое он назвал «Прошлое в бегах». Это биографическое повествование не только доносит до нас подробности жизни конкретного человека, но и раскрывает — с помощью рассказа о жизни человека, скрывающегося от властей, — существование неизвестной прежде подпольной сети, которая помогала девушке выжить.

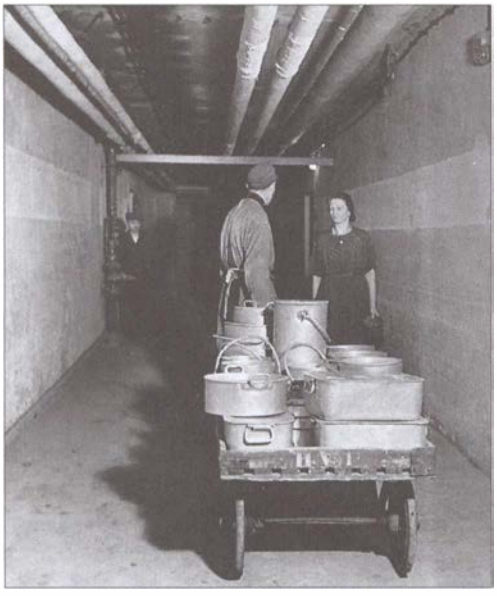
Семья Марианны Штраус оказалась захвачена волной антиеврейских преследований, которые постепенно разворачивались в Германии. Несмотря на это, родители девушки, Ине и Зигфрид, до 1938 г. не делали никаких попыток выехать из страны. Затем по Германии пронесся ноябрьский погром, и город Эссен, где жили Штраусы, не стал исключением. После погрома отец и дядя Марианны были арестованы и отправлены в Дахау; через три недели их выпустили. После этого им пришлось внести значительную сумму в счет эссенской доли штрафа, наложенного на евреев Германии, — Герман Геринг цинично заставил жертв самих расплачиваться за разгром «хрустальной ночи».

Только после этого семья принялась искать способ эмигрировать и начала сложную бюрократическую процедуру получения необходимых бумаг. В августе 1939 г. процесс обретения документов, казалось, близился к завершению. Британское консульство в Кельне известило их письмами от 17 и 21 августа

о том, что визы готовы, их можно забрать. Но прошло меньше двух недель, и Германия оказалась в состоянии войны с Великобританией. Эмиграция стала невозможной.

Они не прекращали попыток, но 1943 г. застал их по-прежнему в Германии. Из бумаг видно, что отец Марианны снял деньги со своего банковского счета и продал оставшиеся активы за 4% их реальной стоимости. Все это позволяет предположить, что семья готовилась уехать. 31 августа 1943 г. в доме появились агенты гестапо; семье дали два часа на сборы — ехать, разумеется, предстояло не навстречу свободе, а на восток.

Именно в этот момент начинается подлинная история Марианны Штраус. Пока агенты гестапо обшаривали подвал, где к отъезду были приготовлены вещи, Марианна тихонько спустилась по лестнице и выбралась за дверь. Отец успел передать ей несколько сотен марок, но попрощаться с родными возможности уже не было. Позже она рассказывала, что бежала изо всех сил, каждое мгновение ожидая услышать за спиной выстрелы, но даже пуля казалась ей предпочтительнее той участи, что — как все вокруг догадывались и страшились — ожидала их на востоке. «Но выстрелов не было, никто за мной не гнался, ни окриков, ни команд». Примечательно, что в архиве гестапо тоже сохранились документы об этом происшествии. Первый из них — телеграмма эссенского гестапо в Дюссельдорф, в вышестоящее управление:



Слева: подземное бомбоубежище. Многие жители Германии, пытаясь укрыться от бомб, перешли на пещерное существование

Внизу: двухкомнатные деревянные домики для иностранных рабочих. Жилье для них часто располагалось за городом и потому реже страдало при налетах

Вверху: войска 10-й бронетанковой дивизии 3-й армии США в немецком городе Саарбург, 22 февраля 1945 г. Слева на дороге брошенная германская противотанковая пушка

«Тема: эвакуация евреев Штраус
Еврейка Марианна Сара Штраус, р. 7.6.1923, жила в Эссене. Должна быть задержана для эвакуации в Терезинштадт, бежала».

Через два дня один из агентов гестапо написал более полный рапорт об этом примечательном бегстве:

«Я разрешил еврейке Марианне Саре Штраус пройти в кухню... затем она покинула дом, когда никто не смотрел. Примерно через пять минут ее отсутствие было замечено».

Убежав из дома, Марианна оказалась вне закона. По поразительному совпадению совсем недавно, 12 августа, она смогла получить международное почтовое удостоверение. Оно было выписано на имя Марианны Штраус, имя Сара — обязательное для евреек — было опущено; местом жительства назван просто город Эссен. Само бегство девушки может показаться чудесным, но то, что произошло в дальнейшем, еще более поразительно. Марианне удалось прожить в нацистской Германии в бегах, вне закона, с августа 1943 г. по март 1945 г. Гестапо в Эссене считало, что без труда поймает ее за трое суток. Как удавалось ей ускользать все это время? Конечно, какую-то роль здесь сыграла удача — но не только. Марианна и сама проявила немалую энергию, выдержку и изобретательность. Возможно, помог и тот факт, что она была женщиной. Но самое главное — ей помогала организация под названием Бунд; члены Бунда и сочувствующие укрывали Марианну и помогали ей.

Убежав из дома, она направилась к расположенному неподалеку «блокгаузу» — старому деревянному зданию школы постройки 1920-х гг. Там она отрезала и выбелила волосы, чтобы ее нельзя было узнать по фото с плаката «Разыскивается»; на улицах скоро должно было появиться множество таких плакатов.

Бунд представлял собой «объединение, сообщество общественной жизни» — антинацистскую группу активистов левого крыла, обладавших обостренным чувством социальной справедливости. Сама Марианна впервые встретилась с этими людьми в 1933 г. и с тех пор участвовала в деятельности группы. Именно к этим людям она побежала в августе 1943 г. и не ошиблась. На первое время Соня Шрайбер спрятала ее в «блокгаузе». Началась жизнь вне закона. Однако

Слева: американские войска проходят через Кельн, март 1945 г. К началу марта большая часть этого третьего по величине города Германии лежала в руинах. Союзники взяли город после 57 часов уличных боев

по иронии судьбы жизнь в «блокгаузе» оказалась совсем короткой — бомбежки союзников были так интенсивны, что оставаться в деревянном доме было слишком опасно. Поэтому с октября 1943 г. для Марианны началась настоящая «жизнь в бегах». Как правило, она находила приют у кого-нибудь из членов Бунда и при этом часто переезжала с места на место. За это время девушка исколесила на поезде или трамвае всю Северную и Центральную Германию.

Поездки на общественном транспорте означали, что ей приходилось, не имея документов, сталкиваться с правоохранительной машиной полицейского государства. Из документов у нее было только международное почтовое удостоверение и больше ничего — ни билетов, ни пропусков. Она пользовалась разными методами: пряталась в туалете, сходила на станциях, двигалась по поезду впереди контролеров.

«Перехитрить нацистов»

Добравшись до очередного пункта назначения, Марианна полностью полагалась на помощь чужих людей — иногда членов Бунда, иногда старых знакомых семьи. Марианна считала свое спасение чудом и говорила, что в случае опасности ее «будто подхватывала какая-то страховочная сеть» — люди очень рисковали, помогая ей. Те, кто принимал ее у себя, должны были как-то объяснять ее присутствие соседям, родным и даже собственным детям; что это за девушка и почему она, с виду сильная и здоровая, не работает? Более того, она не могла по-настоящему прятаться, а должна была жить более или менее открыто. Одной из уловок было найти «заемного» малыша и притвориться молодой мамой. Она вновь покрасила волосы, на этот раз хной. Как ни странно, теперь она стала обращать на себя больше внимания —

Внизу: немецкие мальчишки играют брошенными саблями на руинах разрушенных зданий. Висбаден, апрель 1945 г. Грандиозный тысячелетний рейх Гитлера, образованный в январе 1933 г., просуществовал 12 лет

Вверху: немецкие беженцы на дороге после поражения нацистской Германии. Гитлер приказал своим подчиненным не беспокоиться о судьбе немцев после военного поражения, ибо это все «никчемные» люди

«сходила за рыжеволосую арийку». Серьезной проблемой по-прежнему были деньги и еда. Почти везде, чтобы поесть, требовались карточки, без них кормили только в некоторых ресторанах.

Когда много позже ее расспрашивали о пережитом, Марианна вспоминала, что тогда она твердо решила «перехитрить нацистов... Я ставила свои знания и ум против их глупости и бюрократических правил». Ее жизнь полностью зависела от членов Бунда, но и сама Марианна с умом и энергией боролась за выживание. Пытаясь хоть немного заработать, она научилась вязать носки и делать другие вещи на продажу. Конечно, ей как женщине было проще — мужчина вряд ли смог бы объяснить, почему он не в форме и не работает.

Четыре человека, о которых шла речь в этой главе, были выбраны нами отчасти потому, что оставили подробные записи. Без записей невозможно восстановить прошлое. Кроме того, эти люди на первый взгляд вели скучную, лишенную драматизма жизнь и писали чаще всего о каждодневных домашних делах — но жили при этом в опасное, полное драматизма время. События, увиденные и пережитые ими, укрыли густой тенью не только их страну, но и жизнь обычных ее граждан: бомбежки Гамбурга, преследование евреев, покушение на Гитлера, разрушение Дрездена, действия подпольных групп — все эти события хотя бы краешком, но затронули их жизнь. Как ни странно, все четверо пережили нацистский режим — а их записки надолго переживут их самих. Они позволяют всем нам и будущим поколениям взглянуть на нацистскую Германию изнутри, заглянуть «на другую сторону».

Глоссарий

Абвер — военная разведка Германии. После прихода Гитлера к власти абвер нередко вступал в конфликт с СД и гестапо, которые находились под полным контролем нацистов.

Автобаны (шоссе) — всегерманская сеть автомобильных дорог, строительство которой нацисты начали в 1933 г. Одной из целей этой программы была борьба с безработицей; кроме того, этот проект подстегивал германский национализм и имел серьезное военное значение. К 1936 г. было построено около 1000 км. В 1942 г., когда строительство было прекращено, длина сети составляла 6500 км.

Айнзатцгруппы СС — в их задачу входило уничтожение евреев, советских комиссаров и цыган на завоеванных территориях. Действуя самостоятельно или при помощи местной полиции, антисемитски настроенных местных жителей и войск других держав оси, эти отряды входили в населенный пункт, собирали свои жертвы в одно место, гнали их на окраину и там расстреливали.

Арийская статья — нацистский закон от 11 апреля 1933 г., в котором определялось понятие «неарийца»: это любой, «чьи родители или родители родителей были неарийцами, особенно евреями». Человек считался неарийцем, если хотя бы один из родителей родителей его был неарийцем, особенно «если один из родителей или родителей родителей был иудейской веры». Каждый немец должен был доказать свою принадлежность к арийской расе; для этого он должен был предъявить свидетельство о рождении и документы о браке родителей, а также заполнить подробную генеалогическую анкету. Офицеры СС должны были доказывать свою арийскую родословную до 1750 г. Единственным человеком, которому не пришлось заполнять эти документы, был сам Гитлер.

Арийцы — название доисторического народа, населявшего Иран и Северную Индию. Язык этого народа, также называемый арийским, дал начало индоевропейским языкам Южной Азии. В XIX в. слово «арийцы» использовалось для обозначения некой расы, которая будто бы была единственным источником прогресса человечества, а в нравственном отношении превосходила все остальные неарийские расы. Нордические, или германские, народы рассматривались как самые чистокровные арийцы. Гитлер и нацисты ухватились за эту теорию и использовали ее в своих интересах.

Аушвиц (Освенцим) — крупнейший в нацистской Германии концлагерь и лагерь смерти, расположенный на юге Польши. В Аушвице было уничтожено от 1,1 до 1,5 миллиона человек, 90% из них евреи.

Биржевой крах Уолл-стрит — американская экономическая катастрофа октября 1929 г., когда на фондовой бирже в США рухнули цены. В Германии американские инвесторы, беспокоясь о своем финансовом положении, потребовали срочного возврата кредитов, сумма которых к 1929 г. составила почти 15 миллиардов марок. Цены на германском фондовом рынке упали, начались массовые банкротства, за один год работы лишились 3 миллиона человек. К зиме 1932 г. численность безработных достигла 6 миллионов человек. Экономический крах сыграл на руку нацистам — их экстремистская политика стала внезапно привлекательной для немцев, отчаянно стремившихся сохранить прежний уровень жизни.

Блицкриг — молниеносная война. Этой стратегией ведения военных действий вермахт с большим успехом пользовался в 1939—1941 гг. Скорость и неожиданность действий нападающей стороны должна была ошеломить и дезориентировать противника и вызвать его полный паралич. Тактика состояла в прорыве фронта на небольшом участке штурмовыми частями с применением танков, штурмовой авиации и мобильной артиллерии для разрушения боевых позиций противника в точке удара. Затем мобильные бронированные части совершали широкий охват и получали «котел» — окруженные и обездвиженные части противника. Полное превосходство в воздухе гарантировало, что вражеские резервы будут перехвачены и рассеяны раньше, чем доберутся до места боевых действий.

Веймарская республика — название правительства Германии, действовавшего в период с 1919 по 1933 г. В феврале 1919 г., после поражения в Первой мировой войне, национальная ассамблея собралась в Веймаре (240 км к юго-западу от Берлина), так как столица была

небезопасна из-за беспорядков. Поскольку это правительство подписало ненавистный Версальский договор, его ненавидели все: и националисты, и политики правого и левого крыла.

Версальский договор — мирный договор, ознаменовавший окончание Первой мировой войны. Подписан в Зеркальном зале Версальского дворца во Франции 28 июня 1919 г. Вступил в действие 10 января 1920 г. В договоре было немало условий, которые позже способствовали приходу нацистов к власти. К примеру, население и территория Германии были уменьшены примерно на 10%. Кроме того, договор объявлял Германию виновницей войны и агрессором и обязывал к выплате репараций союзникам за причиненные в ходе войны потери и разрушения. Численность армии Германии была урезана до 100 тысяч человек, что разъярило националистов; кроме того, был ликвидирован Генеральный штаб и запрещено производство бронеавтомобилей, танков, подводных лодок, самолетов и ядовитых газов.

Германский трудовой фронт, *DAF* — единственная организация трудящихся в нацистской Германии. Все остальные организации, такие как профсоюзы, были объявлены незаконными.

Гестапо — тайная государственная полиция нацистов. Гестапо действовало без всяких гражданских ограничений и обладало правом «превентивного ареста», его действия нельзя было обжаловать в судебном порядке. До 1939 г. гестапо занималось искоренением внутренней оппозиции нацизму. С началом Второй мировой войны сфера его деятельности распространилась и на оккупированные территории. Именно гестапо собирало по всей Европе евреев для отправки в концентрационные лагеря.

Гитлерюгенд — «Гитлеровская молодежь».

Дахау — первый нацистский концентрационный лагерь в Германии. Организован 10 марта 1933 г., через пять недель после назначения Адольфа Гитлера канцлером. Лагерь был построен на окраине города Дахау, в 16 км к северу от Мюнхена, и стал образцом и учебным центром для всех остальных лагерей, организованных СС. Хотя Дахау не был лагерем смерти, около 32 тысяч его заключенных умерли от болезней и жестокого обращения.

«Жизненное пространство» — этот политический лозунг был популярен в Германии задолго до прихода к власти нацистов. Гитлер, однако, изменил его смысл: вместо приобретения заморских колоний он призвал к увеличению принадлежащей Германии европейской территории. «Наша задача — не в колониальных завоеваниях. Разрешение стоящих перед нами проблем мы видим только и исключительно в завоевании новых земель, которые мы могли бы заселить немцами. При этом нам нужны такие земли, которые непосредственно примыкают к коренным землям нашей родины. Лишь в этом случае наши переселенцы смогут сохранить тесную связь с коренным населением Германии. Лишь такой прирост земли обеспечивает нам тот прирост сил, который обусловливается большой сплошной территорией» (Гитлер, «Майн кампф»).

Коммунистическая партия Германии, *KPD*. Во времена Веймарской республики КПГ, подчиняясь приказам из Москвы, проводила гибельную политику, выступая в первую очередь против социал-демократов. Было ясно, что такая политика может привести к власти нацистов, но деятели КПГ считали: нацистский режим скоро рухнет, а на смену ему придет социализм.

Концентрационный лагерь — место содержания политических заключенных, членов национальных или других меньшинств в интересах национальной безопасности, ради принуждения к труду или в порядке наказания. Первыми обитателями нацистских лагерей были коммунисты и социал-демократы, но вскоре за ними последовали евреи, цыгане, гомосексуалисты и антинацистски настроенные гражданские лица с оккупированных территорий.

«Унификация» — на языке нацистов процесс, при помощи которого нацистский режим организовал действенную систему полного контроля и координации всех аспектов жизни общества. Желая добиться полного контроля над обществом, власти старались устранить любое другое влияние и сделать «унификацию» единственным реальным рычагом управления.

Криминальная полиция — входила в состав СС.

«Кровь и почва», или *Blut und Boden*, — популярная фраза нацистских ораторов, описывающая мистическую связь германских крестьян с землей, которую они обрабатывают.

Союз девочек — нацистская организация для девочек в возрасте 10—14 лет.

Союз германских девушек — нацистская молодежная организация для девушек 14—18 лет.

Люфтваффе — военно-воздушные силы Германии.

«Майн кампф» («Моя борьба») — политический манифест, написанный Адольфом Гитлером. Первый том, озаглавленный «Расплата», был написан в 1924 г. в тюрьме Ландсберг, где Гитлер отбывал наказание после неудавшегося «пивного путча» 1923 г. В нем речь идет о юности Гитлера, о Первой мировой войне и «предательстве», из-за которого в 1918 г. рухнула Германия. В нем также изложена расистская идеология Гитлера, определившая арийцев как «гениальную», а евреев — как

«паразитную» расу. Здесь же Гитлер заявил, что немцы должны добыть себе новое «жизненное пространство» на востоке за счет славян и ненавистных марксистов России. Франции необходимо отомстить. Во втором томе, озаглавленном «Национал-социалистическое движение» и написанном после освобождения из тюрьмы в декабре 1924 г., кратко изложена программа действий, включая террористические методы, как до прихода к власти, так и после, в новой Германии.

Мировоззрение — одно из любимых понятий Гитлера, с помощью которого он возводил любое тривиальное мнение или точку зрения в ранг идеологической концепции.

«Народное сообщество» — в словаре национал-социалистов это понятие означало подчиненное положение личности в тоталитарном государстве. Интересы государства важнее интересов отдельного человека, а потому поощрялось слепое подчинение фюреру. Кроме того, из этого понятия исключались некоторые группы, в первую очередь «низшие расы».

«Народный наблюдатель» — ежедневная газета. Была приобретена нацистами в 1923 г. и стала органом пропаганды нацистской партии.

Народный суд — особый нацистский уголовный суд. Впервые образован в 1934 г. для того, чтобы дела с политической подоплекой могли рассматриваться и решаться должным образом, в соответствии с партийными принципами.

Нацизм — тоталитарная фашистская идеология и политика, основанная и воплощенная в жизнь Адольфом Гитлером и его нацистской партией. Нацизм объединяет в себе представление о превосходстве арийской расы, ее предназначении править миром и остальными народами в качестве «господствующей расы» — и в то же время яростную ненависть к евреям, которых обвиняет во всех бедах и проблемах Германии. Кроме того, нацизм стал основой для крайнего национализма, призывавшего к унификации всех немецкоговорящих народов и объединению их в единую империю. Согласно представлениям нацистов, экономически это государство должно было представлять собой своего рода корпоративно-государственный социализм, хотя в 1934 г. партия провела чистку рядов и избавилась от «левых» членов, склонных предпочесть такую экономическую систему частному предпринимательству.

Национал-социализм — политическая идеология нацистской партии. Эти две концепции — «национального» и «социального» — были популярны в Германии еще до 1914 г. Нацисты пошли еще дальше и построили целое политическое движение на двух основных принципах: антисемитизме и пангерманизме. В эту же систему представлений был вплетен миф о «крови и почве», идея «господствующей расы» и утопическая картина того, как Германия захватывает жизненное пространство на востоке и «германизирует» завоеванные территории.

Ницше Фридрих (1844—1900) — немецкий философ и поэт, получивший максимальную известность благодаря книге «Так говорил Заратустра». Создатель теории, по которой существует два моральных кодекса: кодекс правящего класса — мораль господина — и кодекс угнетенного класса — мораль раба. Все древние империи выросли из морали господ, а религии того времени — из морали рабов, порочившей богатство и власть, рационализм и сексуальность. Ницше развил концепцию «сверхчеловека», которая символизировала человека на пике его творческих и интеллектуальных возможностей. Его труды оказали серьезное влияние на идеологию нацизма.

«Ночь длинных ножей» — чистка СА 30 июня 1934 г. СА вызывала подозрения регулярной армии и богатых промышленников — двух групп, чью поддержку пытался обеспечить себе Гитлер. Несмотря на назначение Гитлера канцлером в январе 1933 г., Эрнст Рём, лидер СА, продолжал призывать ко «второй нацистской революции» социалистического характера и надеялся объединить под собственным руководством СА и регулярную армию. Поэтому Гитлер, воспользовавшись СС, ликвидировал руководство СА, включая и Рёма.

НСДАП — Национал-социалистическая рабочая партия Германии.

Нюрнбергские законы — серия антиеврейских законов, впервые провозглашенных на Нюрнбергском съезде НСДАП 1935 г. и введенных в действие с сентября того же года. По новым законам евреи не могли быть гражданами Германии. Кроме того, евреям запрещено было вступать в брак с арийцами.

ОКВ, или Оберкомандо Вермахт — главное командование германских вооруженных сил.

«Окончательное решение» — термин, который нацисты использовали для обозначения физической ликвидации европейского еврейства. Официально эта политика была сформулирована на Ванзейской конференции в январе 1942 г. На конференции, где присутствовали 15 высших чинов СС и правительства, председательствовал Рейнхард Гейдрих. Фактически, однако, массовые убийства евреев проводились нацистами с самого начала Второй мировой войны.

«Пивной путч» — попытка Гитлера поднять в Германии мятеж против Веймарской республики 9 ноября 1923 г. Выступление в Мюнхене было жестоко подавлено полицией. Гитлер был осужден за государственную измену и приговорен к пяти годам заключения.

Пожар Рейхстага — поджог здания рейхстага (парламента) в Берлине в ночь на 27 февраля 1933 г. Стал ключевым событием в процессе установления нацистской диктатуры. Согласно распространенному мнению, был устроен только что сформированным нацистским правительством, чтобы направить общественное мнение против противников режима и получить чрезвычайные полномочия.

Принцип лидерства — на языке нацистов право Адольфа Гитлера на неограниченную верховную власть в любых вопросах.

Рейхстаг — здание в Берлине, где заседали германские законодатели. Построено в стиле неоренессанса, в феврале 1933 г. полностью выгорело изнутри.

РСХА — штаб-квартира имперской службы безопасности. Центральное управление СС, контролировавшее все органы государственной и тайной полиции и службы безопасности в Третьем рейхе. Имело в своем составе множество управлений, офисов, групп и подразделений.

СА — штурмовые отряды или штурмовики, «коричневые рубашки». Насильственные методы, при помощи которых эта полувоенная нацистская организация запугивала и подавляла, сыграли ключевую роль в приходе Адольфа Гитлера к власти. Образована в 1921 г. Гитлером из «Свободного корпуса» — объединения бывших солдат, сражавшихся на улицах с левыми активистами. Они одевались в коричневые рубашки по моде итальянских фашистов-чернорубашечников.

Свастика — символ нацистской партии и Третьего рейха. По происхождению это древний символ, до нацистов его использовали многие культуры по всему миру. Этот знак олицетворял жизнь, солнце, могущество, силу и удачу. Нацистский флаг представлял собой черную свастику в белом круге на красном фоне. «Красный цвет олицетворяет социальную идею нашего движения, белый — национальную идею, а свастика — миссию борьбы за победу арийцев и вместе с тем за победу идеи творческого труда, который как таковой всегда был и навсегда останется антисемитским» (Гитлер, «Майн кампф»).

СД — служба безопасности. Нацистское управление безопасности, занимавшееся внешней разведкой, контрразведкой и шпионажем. В 1939 г. из СД и Sipo было образовано Главное управление имперской безопасности, РСХА под руководством Гейдриха.

СДПГ — Социал-демократическая партия Германии. Крупнейшая политическая партия Веймарской республики до 1932 г., когда нацистская партия по численности превзошла ее. В марте 1933 г. СДПГ голосовала против закона, предоставившего Адольфу Гитлеру диктаторские полномочия. В июне 1933 г. нацисты запретили СДПГ; после этого большинство ее лидеров были арестованы и отправлены в концентрационные лагеря.

«Сила через радость» — нацистская программа организации досуга и развлечений для трудящихся. Для этой организации были построены два новых круизных лайнера, на которых германские рабочие ездили отдыхать за границу. Кроме того, KFD строила спортивные сооружения, оплачивала посещения театра и финансировала разъездные развлекательные труппы, а также субсидировала разработку «народного автомобиля».

СС — охранные подразделения. Элитный корпус нацистской партии, одетый в черную форму. Основанный в апреле 1925 г. Адольфом Гитлером как небольшой отряд личной охраны для защиты во время публичных выступлений, СС росли вместе с ростом и успехами нацистского движения. В 1929—1945 гг. эту организацию возглавлял Генрих Гиммлер, для вступления в ряды СС нужно было пройти строгий расовый отбор. К 1939 г. черная гвардия насчитывала 250 тысяч человек и включала в себя две основные группы: СС общего назначения, альгемайне СС, и вооруженные СС, ваффен СС. К концу Второй мировой войны в рядах ваффен СС состояло более миллиона человек.

Легенда об ударе ножом в спину — миф о том, что Германия проиграла в Первой мировой войне не потому, что ее армия потерпела поражение на поле боя, а из-за предательства в тылу. Легендой об «ударе ножом в спину» активно пользовались правые политические деятели, особенно Гитлер. Он утверждал, что пропаганда союзников в Германии на последних этапах войны подорвала боевой дух гражданского населения, а предатели из политиков тем временем с готовностью пошли на поводу союзников и подписали перемирие.

Третий рейх — официальное нацистское определение режима, правившего в Германии с января 1933 по май 1945 г., как будто бы преемника Священной Римской империи 800—1806 гг. (Первый рейх) и Германской империи 1871—1918 гг. (Второй рейх).

Тысячелетний рейх — еще одно название Третьего рейха. Гитлер всегда старался ставить свое движение в один ряд с великими победами прошлого, что, естественно, находило в сердцах немцев немалый отклик. Он рассчитывал, что созданное им государство сохранит его имя и образ для всего мира на тысячу лет, поэтому оба громких названия использовались очень часто и должны были поддерживать в сознании граждан Германии ощущение причастности к истории, мощи и неизбежности победы.

Фашизм — форма правого тоталитаризма, подчеркивающая подчиненность индивидуума интересам государства. Фашистская идеология нацизма включала в себя расовую теорию, объявляющую всех неарийцев неполноценными, крайний национализм, предусматривающий унификацию всех немецкоговорящих народов, использование негосударственных полувоенных организаций для подавления несогласных и запугивания оппозиции, а также централизацию власти и единоличное принятие решений.

Фолькиш — народный. В словаре нацистов это слово было прочно связано с антисемитизмом и крайним национализмом. В конце XIX в. Германия пережила всплеск так называемых «народных» верований. Возникло множество небольших групп, клубов и лож, исповедующих различные версии одного и того же по существу набора идей. Как правило, речь шла о расовой чистоте, телесном и духовном здоровье, святости земли, патриотизме и верности семье. Одна из самых крупных групп такого рода — Германенорден — в 1918 г. раскололась и была преобразована в общество Туле. Членами *Туле* были Рудольф Гесс, издатель Антон Дрекслер и молодой Адольф Гитлер. Со временем эти люди стали ядром зарождающейся национал-социалистической партии.

Фольксштурм — народная милиция Германии, учрежденная в сентябре 1944 г. Эту организацию можно рассматривать как территориальную милицию, отряды которой формируются и созываются только в учебных целях или в случае, если данной местности угрожает враг. В фольксштурм призывали мужчин в возрасте от 16 до 60 лет, многие из которых не имели ни формы, ни оружия. В 1945 г. части фольксштурма использовались очень широко.

Фюрер — букв. лидер. Титул, которым Адольф Гитлер обозначил свое положение единовластного правителя германского Третьего рейха. Еще в июле 1921 г. он объявил принцип единоличной власти законом нацистской партии.

«Хрустальная ночь» — еврейский погром, организованный в ответ на убийство в Париже 7 ноября 1938 г. германского дипломата Эрнста фон Рата польским студентом-евреем Гершелем Гринспеном. В ночь с 8 на 9 ноября незадолго до полуночи шеф гестапо Генрих Мюллер разослал во все полицейские части телеграммы с информацией о том, что «очень скоро по всей Германии начнутся акции против евреев, особенно против их синагог. Приказываю не вмешиваться». Полиции скорее предписывалось организовать аресты жертв. За двое суток было сожжено или разгромлено более тысячи синагог, разграблено около 7 тысяч небольших предприятий, убит по крайней мере 91 еврей; вандалы бесчинствовали в еврейских больницах, частных домах, школах и на кладбищах.

Циклон-Б — промышленная форма синильной кислоты, которая при соприкосновении с воздухом становится активной. Это вещество, произведенное фирмой «Дегеш», которая принадлежала в значительной степени концерну «ИГ Фарбен», было доставлено в Аушвиц летом 1941 г. под видом дезинфектанта. Циклон-Б использовался для убийства жертв в газовых камерах Аушвица.

Библиография

Barkai, Avraham. *Nazi Economics: Ideology, Theory, and Policy*. Yale: Yale University Press, 1990

Bartov, Omer. *The Eastern Front 1941–45: German troops and the barbarisation of warfare*. London: Macmillan, 1985

Bartov, Omer. *Hitler's Army: Soldiers, Nazis, and War in the Third Reich*. New York & Oxford: Oxford University Press, 1992

Bielenberg, Christabel. *The Past is Myself*. London: Corgi, 1968

Bridenthal, Renate. *When Biology Became Destiny: Women in Weimar and Nazi Germany*. New York: Monthly Review Press, 1984

Browning, Christopher R. *Ordinary men: Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland*. New York: HarperCollins, 1992

Buchheim, Hans. *Anatomy of the SS State*. London: Collins, 1968

Bullock, Alan. *Hitler: A Study in Tyranny*. London: Penguin Books, 1964

Burleigh, Michael. *The Third Reich: A New History*. Basingstoke: Macmillan, 2000

Cooper, Matthew. *The German Army 1933–1945: Its Political and Military Failure*. London: Macdonald and Jane's Publishers, 1978

Cornwell, John. *Hitler's Pope: The Secret History of Pius XII*. London: Penguin, 2000

Cracauer, Siegfried. *From Caligari to Hitler: A Psychological History of the German Film Industry*. Princeton: Princeton University Press, 1966

Cross, Robin. *Fallen Eagle: The Last Days of the Third Reich*. London: Caxton, 2000

Engel, David. *The Holocaust: The Third Reich and the Jews*. Harlow: Longman, 2000

Fest, Joachim. *The Face of the Third Reich: Portraits of the Nazi Leadership*. London: Penguin, 1972

Fleming, Gerald. *Hitler and the Final Solution*. Berkeley: University of California Press, 1987

Gellately, Robert. *Backing Hitler: Consent and Coercion in Nazi Germany*. Oxford: Oxford Paperbacks, 2002

Gilbert, Martin. *Atlas of the Holocaust*. London: Michael Joseph, 1982

Gilbert, Martin. *Final Journey: The Fate of the Jews in Nazi Europe*. London: George Allen and Unwin, 1979

Grunberger, Richard. *A Social History of the Third Reich*. Harmondsworth: Penguin, 1974

Haffner, Sebastian. *The Meaning of Hitler: Hitler's Use of Power. His Successes and Failures*. New York: Macmillan, 1979

Haigh, R.H. *The Rise and Rise of the Third Reich: Nazi Foreign Policy 1933–1939*. Sheffield: Sheffield Hallam University, 2001

Hilberg, Raul. *The Destruction of the European Jews*. London: Yale University Press, 2003

Hitler, Adolf. *Mein Kampf*. London: Hutchinson, 1976

Holborn, Hajo. *Republic to Reich: The Making of the Nazi Revolution*. New York: Vintage, 1973

Hull, David Stewart. *Film in the Third Reich: A Study of the German Cinema 1933–1945*. Berkeley: University of California Press, 1969

Kershaw, Ian. *The Nazi Dictatorship*. London: Edward Arnold, 1985

Kershaw, Ian. *Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933–1945*. Oxford: Clarendon, 1983

Kershaw, Ian. *Hitler 1936–1945*. London: Penguin Books, 2001

Kershaw, Ian. *Hitler 1889–1936*. London: Penguin Books, 2001

Klemperer, Victor. *I Shall Bear Witness: the Diaries of Victor Klemperer, 1933–41*. London: Phoenix Press, 1999

Klemperer, Victor. *To The Bitter End: the Diaries of Victor Klemperer 1942–45*. London: Phoenix Press, 1999

Layton, Geoff. *Germany: The Third Reich, 1933–1945*. London: Hodder & Stoughton, 2000

Lucas, James Sidney. *Last Days of the Reich: The Collapse of Nazi Germany, May 1945*. London: Cassell, 2001

Maser, Werner. *Hitler: Legend, Myth and Reality*. New York: Harper and Row, 1973

McDonough, Frank. *Opposition and Resistance in Nazi Germany*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001

Meyer, Henry Cord. *The Long Generation: Germany from Empire to Ruin, 1913–1945*. New York: Harper Torchbook, 1973

Milward, Alan S. *The German Economy at War*. London: The Athlon Press, 1965

Müller, Klaus-Jürgen. *The Army, Politics and Society in Germany 1933–45: Studies in the Army's relation to Nazism*. Manchester: Manchester University Press, 1987

Noakes, Jeremy (ed.). *Nazism 1919–1945, Volume 4: The German Home Front in World War II*. Exeter: University of Exeter Press, 1998

Noakes, Jeremy & Pridham. Geoffrey. *Documents on Nazism, 1919–1945*. London: Jonathan Cape, 1974

O'Neill, Robert J. *The German Army and the Nazi Party, 1933–1939*. London: Cassell & Company, 1966

Overy, R.J. *War and Economy in the Third Reich*. Oxford: Clarendon Press, 1994

Peukert, Detlev J.K. *Inside Nazi Germany: Conformity, Opposition and Racism in Everyday Life*. London: Penguin Books, 1989

Reitlinger, Gerald. *The Final Solution: The Attempt to Exterminate the Jews of Europe*. London: Sphere, 1971

Reitlinger, Gerald. *SS: Alibi of a Nation*. London: Arms & Armour Press, 1981

Rentschler, Eric. *The Ministry of Illusion: Nazi Cinema and its Afterlife*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996

Rich, Norman. *Hitler's War Aims: Ideology, the Nazi State, and the Course of Expansion*. New York: W.W. Norton, 1973

Röhl, J.C.G. *From Bismarck to Hitler: The Problem of Continuity*. London: Longman, 1970

Roseman, Mark. *The Past in Hiding*. London: Penguin Books, 2001

Rosenbaum, Ron. *Explaining Hitler: The Search for the Origins of his Evil*. London: Papermac, 1999

Schoenbaum, David. *Hitler's Social Revolution: Class and Status in Nazi Germany 1933–1939*. New York: Anchor, 1966

Schweitzer, Arthur. *Big Business in the Third Reich*. Indiana: Indiana University Press, 1977

Smith, Woodruff D. *The Ideologiocal Origins of Nazi Imperialism*. Oxford: Oxford University Press, 1989

Speer, Albert. *Inside the Third Reich*. London: Phoenix, 1995

Stachura, Peter. *The Shaping of the Nazi State*. London: Croom Helm, 1978

Steinhoff, Johannes, Pechel, Peter & Showalter, Dennis (eds.). *Voices from the Third Reich: An Oral History*. London: Grafton Books, 1991

Stephenson, Jill. *Women in Nazi Germany*. London: Croom Helm, 1975

Stone, Norman. *Hitler*. London: Hodder and Stoughton, 1989

Toland, John. *Adolf Hitler*. New York: Doubleday, 1976

Townley, Edward. *Hitler and the Road to War*. London: Collins Educational, 1998

Welch, David. *The Third Reich: Politics and Propaganda*, London & New York: Routledge, 1995

Welch, David. *The Hitler Conspiracies: Secrets and Lies Behind the Rise and Fall of the Nazi Party*. Shepperton: Ian Allan, 2001

Wolff-Monckeberg, Mathilde. *On the Other Side*. London: Pan, 1979

Селигман Мэтью
Дэвисон Джон
Макдональд Джон

В ТЕНИ СВАСТИКИ:

ЖИЗНЬ В ГЕРМАНИИ ПРИ НАЦИСТАХ, 1933–1945

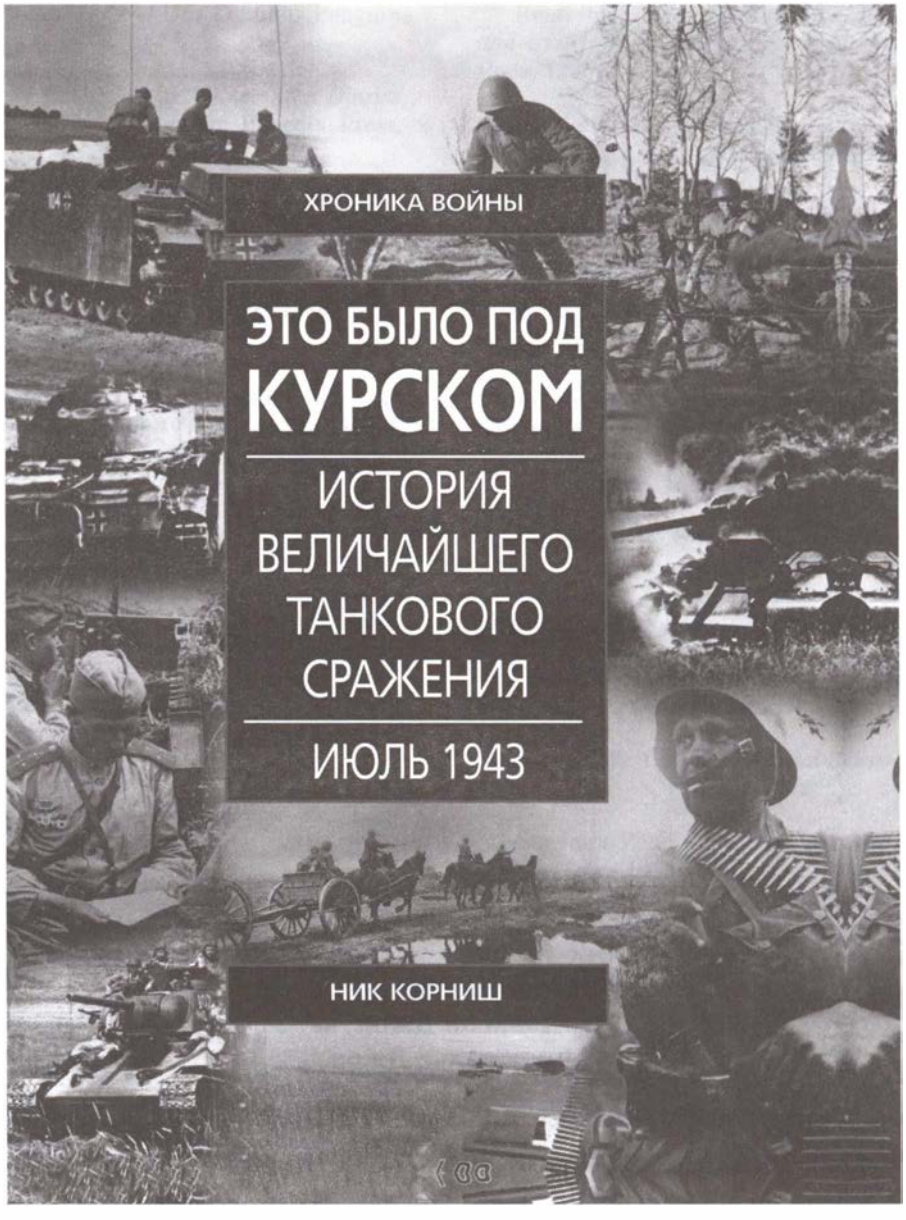
Ответственный редактор *Ю.И. Шенгелая*
Художественный редактор *И.А. Озеров*
Технический редактор *Н.В. Травкина*
Корректоры *М.Г. Смирнова, О.А. Левина*

Подписано в печать 22.05.2008.
Формат 84×108 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Петербург».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52. Уч.-изд. л. 24,64.
Тираж 5 000 экз. Заказ № 3664

ЗАО «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14



Книга Ника Корниша посвящена величайшему
в истории танковому сражению.
Лаконичное и четкое повествование специалиста
в области освещения участия Красной Армии во Второй мировой
войне насыщено уникальной информацией, воссозданной
по свидетельствам участников боев, советских и немецких солдат.
Подробно излагаются достоверные сведения
о ходе грандиозного противостояния, ранее неизвестные факты

Эпохальный труд знаменитых британских историков посвящен анализу политической программы, активно внедряемой нацистами на территории Германии в период с 1933 по 1945 г. В центре внимания исследователей — становление радикального полицейского государства, которое сопровождалось законодательной отменой прав граждан, ранее гарантированных Веймарской конституцией. Подробно описана работа мощного политического механизма, породившего концентрационные лагеря для инакомыслящих, новый демографический курс и тенденции в сферах промышленности и сельского хозяйства, сформировавшие понятие немецкого «экономического чуда» 1930-х годов. Опровергая неизбежность прихода к власти Гитлера, авторы без прикрас и патриотического лоска отражают все ужасы нацистского режима, обернувшегося сокрушительным поражением.

В книгу также вошли материалы, иллюстрирующие деятельность германского сопротивления, а также редкие фотографии, запечатлевшие приметы времени.

ISBN 978-5-9524-3782-1

ЦЕНТРПОЛИГРАФ®